

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»**

На правах рукописи

Амброзяк Томаш

**ПАРТИКУЛЯРИЗМ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО
КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1587-1648 гг.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор ист. наук, профессор
Рудольф Германович Пихоя

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Историография и источники по истории функционирования политических институтов Великого княжества Литовского в конце XVI-начале XVII вв.....	27
1. Историография проблемы.....	27
2. Источники.....	63
2.1. Нарративные источники и корреспонденция.....	63
2.2. Делопроизводство парламентской системы Речи Посполитой и Великого княжества Литовского.....	73
2.3. Главные проблемы, связанные с изучением источниковой базы.....	91
Глава 2. Институциональные рамки литовского партикуляризма и их отображение в понятийном аппарате сеймикового делопроизводства Великого княжества Литовского.....	100
1. Роль и место Великого княжества Литовского в системе государственного управления Речи Посполитой после Люблинской унии.....	103
1.1. Причины и способ заключения Люблинской унии.....	103
1.2. Государственная структура Речи Посполитой в итоге Люблинской унии.....	112
1.3. Литовские попытки «исправления унии» и завершение формирования системы институтов государственного управления Речи Посполитой.....	121
2. Понятийный аппарат сеймиковых источников и политическая культура литовской шляхты.....	130

Глава 3. Защита элементов государственной самостоятельности Великого княжества Литовского.....	164
1. Сохранение территориальной целостности Великого княжества Литовского.....	165
2. Сохранение отдельных литовских институтов власти.....	197
3. Сохранение исключительного права на занятие постов в Великом княжестве Литовском.....	214
4. Сохранение соответствующей роли в совместных институтах власти.....	226
Заключение.....	239
Список использованных источников и литературы.....	251

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

История Великого княжества Литовского и его социально-политических институтов является одной из тем, исследование которых дает возможность увидеть во всей полноте историю Восточной Европы Раннего Нового времени. Ключевая позиция, которую занимала Литва в геополитической системе этой части континента, является причиной, ввиду которой рассмотрение истории этого государства имеет важнейшее значение для понимания исторического процесса в соседних странах, в том числе России или Польши. Высказанное И.И. Лаппо мнение о том, что «редкий отдел истории человечества заслуживает такого внимания, на какое имеет право внутренняя история Литвы»¹, остается, на наш взгляд, вполне актуальным.

О важности и востребованности данной проблематики свидетельствует хотя бы само количество посвященных ей в последние годы конференций и других научных мероприятий в Литве, Беларуси и Польше. Однако явление литовского партикуляризма, принадлежавшее к основным вопросам в исследованиях по истории Великого княжества Литовского и польско-литовских отношений во время существования Речи Посполитой, до сих пор не дождалось, на наш взгляд, детального и беспристрастного изучения и продолжает вызывать серьезные научные споры.

Задачей настоящей диссертации является исследование политических институтов Великого княжества Литовского в структуре Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв. Необходимым условием для проведения нашего исследования является конкретизация понятий, применяемых в этой

¹ Лаппо И. И.. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1901. С. V.

работе. Данная задача тем более актуальная, что понятийная система работы лежит на стыке истории, политологии и исторической лингвистики.

Неизбежно, в подобного рода исследованиях мы встречаемся с проблемой несовершенства понятийной системы, поскольку обращаемся к материалу, который не вполне отвечает сегодняшней терминологии. Одним из примеров этому является уже само понятие «Речи Посполитой», представляющие собой дословный перевод латинского термина «*res publica*». Однако его смысл не совпадает с сегодняшним значением понятия «республика», которое являет собой, в первую очередь, определенную форму государственного правления, в которой глава государства назначается по принципу выборности. Использование данного понятия связано с рецепцией римской терминологии и отнюдь не исключало монархической формы правления.

Подобного рода проблемы связаны также с термином «парламентаризм». В западноевропейской науке уже давно отмечено различие между сегодняшним институтом парламента и парламентами в Европе в Средние века и в Раннее Новое время. Несмотря на это, данный термин используется для определения многих сословно-представительских институтов в Европе тех эпох. В данном случае под понятием «парламента» понимается независимое тело, представляющее разные социальные группы в государстве, главными функциями которого являются определение характера и размеров налогообложения и участие в процессе принятия общегосударственного законодательства, а иногда также судопроизводство, внешние отношения (решения вопросов войны и мира) и назначение или лишение власти правителя. Подчеркивается при этом, что в отличие от совета или разового собрания парламент является независимым институтом, правовой или политической субстанцией, обладавшей определенными правами и обязательствами, которые гарантируют продолжительность ее функционирования². Его возникновение, при этом, тесно связано с рядом факторов, среди которых существенную роль играли

² Marongiu A. Medieval parliaments. A comparative study. London : Eyre & Spottiswoode, 1968. P. 47; Zanden J. L. van, Buringh E., Bosker M. The Rise and Decline of European Parliaments, 1188-1789 // The Economic History Review. Vol. 65. Issue 3. P. 837.

ограниченность власти монарха, концепция репрезентации, а также принципы «plena potestas» и «quod omnes tangit»³.

Содержанию так определенного понятия «парламентаризм» соответствует также и польско-литовский сейм, несмотря на все его возможные отличия как от сегодняшнего института парламента, так и от других сословно-представительских учреждений того времени. Мысль о том, что польско-литовский сейм являлся парламентом в данном значении этого термина высказывалась рядом ученых⁴. Таким образом, несмотря на указанное несовершенство понятийной системы, мы можем рассматривать польско-литовский сейм и сеймики как части парламентской системы Речи Посполитой, а само это несовершенство является дополнительным свидетельством необходимости научных изысканий в этой области.

В дальнейшем в нашей работе понятия «Речь Посполитая» и «парламентаризм» употребляются именно в вышеобозначенном смысле.

Кроме вопросов терминологии, несомненной причиной трудностей в изучении истории Литвы Раннего Нового времени является еще ряд других факторов: недостаток сведений, связанный со скудностью и неполнотой источниковой базы или теоретические и идейные установки, зачастую заранее определявшие ход исторических исследований и их итоги.

Весь указанный нами комплекс вопросов свидетельствует о чрезвычайной актуальности и насущной потребности выработки нового подхода к изучаемым явлениям, свободного от влияния субъективных факторов и заключающегося в использовании наиболее адекватных методов исследования, а также в анализе малоизученного источникового материала.

³ Graves M. A. R. *The Parliaments of Early Modern Europe: 1400 - 1700*. London : Routledge, Taylor and Francis, 2014. P. 9-11.

⁴ Lord R. H. *The Parliaments of the Middle Ages and the Early Modern Period* // *The Catholic Historical Review*. Vol. 16. 1930. No. 2. p. 126-127; Russocki S. *Początki Zgromadzeń Stanowych w Europie Środkowej* // *Przegląd Historyczny*. T. LXVI. 1975. Z. 2. S. 171-172; Opaliński E. *Sejm srebrnego wieku 1587-1652. Między głosowaniem większościowym a liberum veto*. Warszawa, 2011. S. 17 и 23-25; Olszewski H. *The power and the downfall of the Polish Parliament* // *idem. Sejm w dawnej Rzeczypospolitej. Ustrój i idee*. T. 2. *Studia i rozprawy*. Poznań, 2002. S. 145-161; Bardach J. *Sejm dawnej Rzeczypospolitej* // *Dzieje Sejmu Polskiego*. Red. J. Bardach. Warszawa, 1993. S. 9.

Объектом исследования является партикуляризм Великого княжества Литовского как специфика функционирования его сословно-политических институтов в системе государственной власти Речи Посполитой.

Предмет исследования – место и роль Великого княжества Литовского в системе государственного управления Речи Посполитой и их отражение в парламентской деятельности литовской шляхты.

Хронологические рамки предмета исследования определены тематикой работы. Нижний хронологический рубеж – 1587 г. – является моментом завершения формирования структуры государственной власти Речи Посполитой и концом литовских стремлений изменения итогов Люблинской унии. Вместе с тем, в работе возникает необходимость привлекать материал более раннего периода. Верхний хронологический рубеж – 1648 г. – является переломным моментом в истории Речи Посполитой, связанным не только со смертью Владислава IV, но и с началом восстания Хмельницкого и последующего 20-летнего периода тяжелых военных кампаний, что переопределило круг вопросов, затрагиваемых в парламентской жизни Великого княжества Литовского. Обозначенные таким образом хронологические рамки исследования позволят увидеть полностью сформировавшуюся, но не пережившую еще потрясений середины XVII в., систему государственной власти Речи Посполитой и место, которое занимало в ней Великое княжество Литовское.

Цель исследования – при помощи анализа неизученного или малоизученного источникового материала, а также использования новых методов охарактеризовать проявления партикуляризма в парламентской жизни Великого княжества Литовского в период правления Сигизмунда III и Владислава IV.

Вышеобозначенная цель, в свою очередь, может быть достигнута при последовательном решении ряда конкретных **задач исследования**:

- 1) характеристика истории изучения литовского партикуляризма и выявление причин разногласий в научной литературе относительно различных аспектов исследуемого вопроса, а также аспектов до сих пор неизученных в историографии;

- 2) рассмотрение причин и способа заключения Люблинской унии, а также учрежденной в ее итоге системы органов государственной власти Речи Посполитой при учете институциональных особенностей, касающиеся Великого княжества Литовского;
- 3) выявление главных задач литовской политики как сразу после заключения Люблинской унии, так и в период правления двух первых королей из династии Вазов, а также их взаимное сопоставление и оценка их эффективности;
- 4) выявление динамики литовского способа видения роли и места Великого княжества Литовского в структуре органов государственной власти Речи Посполитой;
- 5) характеристика политической культуры литовской шляхты на основе детального изучения идейных установок, проявляющихся в понятийном аппарате источникового материала;
- 6) определение главных элементов литовского государственного суверенитета, выявление их иерархии и отношения к ним со стороны литовской шляхты;
- 7) детальное изучение контекста и причин выдвижения в рамках парламентской жизни Великого княжества Литовского вопросов, касающихся сохранения элементов его государственного суверенитета.

Степень разработанности темы

Научный интерес к истории Великого княжества Литовского как самостоятельного предмета изучения начался с работ, посвященных литовским правовым институтам (Т. Чацки⁵, С. Линдэ⁶). В российской историографии конца XVIII – начала XIX вв. Великому княжеству Литовскому как отдельному объекту исследования было уделено немного внимания. Оно рассматривалось через

⁵ Czacki T. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 roku wydanym. T. 1-2. Warszawa: Drukarnia J. C. G. Ragoczego, 1800-1801.

⁶ Linde S. B. O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość. Warszawa: Zawadzki i Węcki, 1816. – 218 s.

призму той роли, которую играло в истории России, при чем долго эта роль оценивалась отрицательно (М.М. Щербатов⁷, Н.М. Карамзин⁸).

Разработка новой концепции истории Великого княжества Литовского была проведена российскими историками в 30-ые гг. XIX в., во многом в связи с политическими факторами (Н.Г. Устрялов⁹, К.Н. Бестужев-Рюмин¹⁰, М.П. Смирнов¹¹). При этом, представленная в исследованиях представителей российской историографии (С.М. Соловьев¹², М.О. Коялович¹³, М.В. Довнар-Запольский¹⁴) оценка Люблинской унии и ее последствий являлась резко негативной и рассматривалась как прекращение существования литовской государственности.

Таким образом, даже появившиеся в конце XIX в. более детальные работы по истории литовских институтов государственной власти, прежде всего истории литовского сейма (Н.А. Максимейко¹⁵, М.К. Любавский¹⁶), ограничивались лишь их изучением до 1569 г., оставляя вне своего внимания последующий период.

⁷ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1770-1791.

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. СПб.: Типография Н. Греча, 1818-1829.

⁹ Устрялов Н. Г. Русская история: в 5 ч. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1837-1841; тот же. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. – 42 с.

¹⁰ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. 1. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1872. – 742 с.; Т. 2. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1885. – 319 с.

¹¹ Смирнов М. П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки Императорского Новороссийского университета. 1868. Т. 2. С. 1-259; тот же. Спор между Литвой и Польшей о правах на Вошь и Подолию // Торжественный акт Ришельевского лицея по случаю окончания 1862—63 академического года. Одесса: Типография Францова, 1863. С. 5-71.

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851-1879.

¹³ Коялович М. О. Люблинская уния, или последнее соединение литовского княжества с польским. СПб.: издание редакции газеты «Русский инвалид», 1863. – 87 с.; тот же. Лекции по истории Западной России. М.: Тип. Бахметева, 1864. – 393 с.; тот же. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю западнорусского края и его отношения к России и к Польше. СПб.: Тип. Праца, 1865. – ССШ с.

¹⁴ Довнар-Запольский М. В. Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: Исторический очерк. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. – 28 с.; тот же. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягелонах. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В.И. Завадского, 1901. – 927 с.; тот же. Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма // Журнал министерства народного просвещения. 1901. № 10. С. 454-498.

¹⁵ Максимейко Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1902. – 164 с.

¹⁶ Любавский М. К. Литовско-русский Сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М.: Университетская типография, 1909. – 1160 с.; тот же. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Московская художественная печатня, 1915. – 402 с.

Подобная оценка Люблинской унии и ее последствий высказывалась и в зарождавшейся литовской историографии (С. Даукантас¹⁷). Существования элементов отдельной литовской государственности не отмечали также представители польской историографии второй половины XIX – начала XX вв., хотя их оценка Люблинской унии являлась, по преимуществу, совершенно противоположной (К. Шайноха¹⁸, М. Бобжиньски¹⁹, С. Смолька²⁰, А. Прохаска²¹ А. Левицки²²).

Следует отметить, что подобный способ видения роли и места Литвы в структуре Речи Посполитой (т.е. упразднение литовской государственности и, следовательно, литовских органов государственной власти) был во многом связан с кругом изучаемых исследователями источников. Большинство из них не включило в состав истончиковой базы своих изысканий делопроизводство парламентской системы Великого княжества. Это было сделано лишь Н.А. Максимейко (в ограниченной степени) и М.К. Любавским, но даже эти исследователи ограничились изучением источникового материала в период до заключения Люблинской унии, оставляя без внимания делопроизводство литовской парламентской системы после 1569 г.

Мысль о наличии у Великого княжества Литовского элементов государственного суверенитета после 1569 г. была в XIX в. представлена лишь Т. Нарбуттом²³, исторические концепции которого, были, однако отвергнуты большинством исследователей и не повлияли на дальнейший ход развития исторической науки. Лишь в конце XIX – начале XX вв. наступил существенный поворот в историографии Великого княжества Литовского и его политических и

¹⁷ Daukantas S. Lietuvos istorija nū seniausią gadynių iki Gediminui, D.L.K. Kn. 1-2. Plymouth: Kasztu ir spaustuvėje J. Paukszcio, 1893-1897.

¹⁸ Szajnocha K. Jadwiga i Jagiełło 1374-1413: opowiadanie historyczne. T. 1-3. Lwów: Karol Wild, 1855-1856.

¹⁹ Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1879. – 495 s.

²⁰ Smolka S. Rok 1386: w pięciowiekową rocznicę. Kraków: Księgarnia J. K. Żupańskiego & K. J. Heumanna, 1886. – 144 s.; idem. Kiejstut i Jagiełło // Pamiętnik Polskiej Akademii Umiejętności. 1889. T. 7. S. 79-155.

²¹ Prochaska A. Ostatnie lata Witolda: studium z dziejów intrygi dyplomatycznej. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1882. – 346 s.; idem. Król Władysław Jagiełło. T. 1-2. Kraków: Akademia Umiejętności, 1908; idem. Dzieje Witolda w. księcia Litwy. Wilno: A. Rutkowski, 1914. – 420 s.

²² Lewicki A. Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków: Akademia Umiejętności, 1892. – 389 s.; idem. Nieco o Unii Litwy z Koroną. Kraków: Księgarnia Spółki Wydawniczej Polskiej, 1893. – 48 s.

²³ Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. 1-9. Wilno: Antoni Marcinowski, 1835-1841; см. также: idem. Dzieje narodu litewskiego w krótkości zebrane. Wilno: Ruben Rafałowicz, 1847. – 244 s.

правовых институтов, связанный с работами российских исследователей истории права: Ф.И. Леонтовича²⁴ и И.И. Лаппо²⁵. Последний из них ввел в научный оборот также многие источники по истории парламентской системы Великого княжества Литовского, в том числе ее делопроизводство, однако преимущественно лишь вплоть до конца правления Стефана Батория.

Предложенная этими исследователями мысль о сохранении Великим княжеством Литовским элементов государственной самостоятельности была поддержана В.И. Пичетой²⁶ и польским историком права, С. Кутшебой²⁷. Мысль о непосредственном включении Великого княжества Литовского в состав Польши и его прямом подчинении не принималась также межвоенной литовской историографией (А. Шапока²⁸, З. Ивинскис²⁹).

К сожалению, советская историография не продолжила богатых традиций дореволюционной российской науки, а ее главное внимание (если Великое княжество Литовское являлось отдельным предметом изучения) уделялось, прежде всего, социально-экономическим вопросам (А.Н. Мальцев³⁰,

²⁴ Леонтович Ф. И. Русская Правда и Литовский Статут // Университетские известия. 1865. № 2. С. 1-25; № 3. С. 1-31; № 4. С. 1-38; тот же. Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литовского государства. СПб.: Типография В.С. Балашева и Ко, 1894. – 399 с.; тот же. Словный тип территориально-административного состава литовского государства и его причины // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1895. № 6. С. 366-403. № 7. С. 1-20; тот же. Рада великих князей литовских // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1907. № 9. С. 122-178. № 10. С. 273-331; тот же. Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1910. № 2. С. 233-274. № 3. С. 38-61.

²⁵ Лаппо И. И. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века // Журнал министерства народного просвещения. 1897. № 6. С. 263-301; тот же. Подкоморский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI и начале XVII века // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 8. С. 341-403; тот же. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии // Журнал министерства народного просвещения. 1908. № 1. С. 51-113; тот же. Великое княжество Литовское за время от заключения...; тот же. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский совет и его сеймик. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. – 815 с.; тот же. Литовский статут 1588. Т. 1-2. Каунас: SPIDULIO, 1934-1938.

²⁶ Пичета В. И. Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты // Тот же. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 525-550.

²⁷ Kutrzeba S. Historia ustroju Polski w zarysie. T. 2. Litwa. Lwów-Warszawa: Księgarnia Polska Bernarda Połonieckiego, 1921. – 170 s.

²⁸ Šapoka A. Valstybiniai Lietuvos Lenkijos santykiai Jogailos laikais // Jogaila. Red. A. Šapoka. Kaunas: Švietimo Ministerijos Knygų Komisija, 1935. P. 185-266; idem. Lietuva ir Lenkija po 1569 m. Liublino unijos: jų valstybinių santykių bruožai: disertacija Vytauto Dižojo universiteto Humanitarinių mokslų fakulteto daktaro laipsniui įgyti. Kaunas, 1938. – 394 p.

²⁹ Ivinskis Z. Jogaila valstybininkas ir žmogus // Jogaila. Red. A. Šapoka. Kaunas: Švietimo Ministerijos Knygų Komisija, 1935. P. 309-328.

³⁰ Мальцев А. Н. Наказы белорусских и литовских шляхетских сеймиков 1657 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 260-269; тот же. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М.: Изд-во Московского университета, 1974. – 253 с.

А.П. Игнатенко³¹, А.С. Абецедарский³², Я.Н. Мараш³³). История Великого княжества Литовского рассматривалась в советской историографии, прежде всего, в контексте отношений с Россией (Л.В. Заборовский³⁴, Б.Н. Флоря³⁵).

Главным центром изучения истории Великого княжества Литовского стала польская послевоенная историография, прежде всего познанская школа Х. Ловмянского³⁶ и Е. Охманьского³⁷ (М. Косман³⁸, Я. Юркевич³⁹, Г. Блашчык⁴⁰). Существенное значение для истории литовских правовых институтов имеют работы варшавских исследователей: Ю. Бардаха⁴¹ и Г. Виснера⁴². В том числе в

³¹ Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией: (вторая половина XVII-XVIII в.). Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1974. – 192 с.

³² Абецэдарскі Л. С. Барацьба ўкраінскага і беларускага народаў за ўз'яднанне з Расіяй у сярэдзіне XVII стагоддзя. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1954. – 67 с.; Абецедарский Л.С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII вв. Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 256 с.

³³ Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Минск: Вышэйшая школа, 1969. – 220 с.; тот же. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795). Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.; тот же. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века. Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 288 с.

³⁴ См. например: Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М.: Наука, 1981. – 178 с.

³⁵ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в XVI — начале XVII в. М.: Наука, 1973. – 224 с.; тот же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М.: Наука, 1978. – 302 с.

³⁶ Łowmiański H. *Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1983. – 579 s.

³⁷ Ochmański J. *Historia Litwy*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. – 346 s.

³⁸ Kosman M. *Orzeł i Pogoń: z dziejów polsko-litewskich XIV-XX w.* Warszawa: Książka i Wiedza, 1992. – 379 s.; idem. *Reformacja i kontreformacja w Wielkim Księstwie Litewskim w świetle propagandy wyznaniowej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. – 273 s.; idem. *Political Culture in Lithuania in the 16th and Early 17th Century // Political Culture in Central Europe (10th – 20th Century)*. Part I: Middle Ages and Early Modern Era. Ed. H. Manikowska, J. Panek. Prague: Historický ústav Akademie věd, 2005. P. 249-265.

³⁹ Jurkiewicz J. *Polonizacja językowa szlachty w Wielkim Księstwie Litewskim u schyłku XVI wieku w świetle podpisów sędziów trybunalskich // Eruditio et interpretatio: studia historyczne*. Red. Z. Chodyła. Poznań: Instytut Historii UAM, 1997. S. 215-228.

⁴⁰ Błaszczyc G. *Żmudz w XVII i XVIII wieku: zaludnienie i struktura społeczna*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1985. – 177 s.; idem. *Diecezja żmudzka od XV do początku XVII w.: uposażenie*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1992. – 73 s.; idem. *Diecezja Żmudzka od XV do początku XVII wieku: ustrój*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1993. – 369 s.; idem. *Geografia historyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego: stan i perspektywy badań*. Poznań: Instytut Historii UAM, 2007. – 180 s.; idem. *Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492-1569*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2002. – 336 s.; idem. *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*. T. 1: Trudne początki. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1998. – 303 s.; idem. *Dzieje stosunków polsko-litewskich*. T. 2: Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2007. – 935 s.

⁴¹ Bardach J. *Zatwierdzenie III Statutu litewskiego przez Zygmunta III Wazę // Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1978. T. 30. Z. 2. S. 39-51; idem. *Geneza romanizacji II Statutu litewskiego // Dawne prawo i myśl prawnicza. Prace historyczno-prawne poświęcone pamięci Wojciecha Marii Bartla*. Red. J. Malec, W. Uruszczak. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1995. S. 191-206.; idem. *O I Statucie litewskim // Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1976. T. 28. Z. 2. S. 239-247; idem. *Z najnowszych badań nad historią prawa litewskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1980. T. 32. Z. 2. S. 203-207; idem. *Problematyka III Statutu litewskiego w świetle bieżących badań // Lituano-Slavica Posnaniensia*. 1992. T. 5. S. 286-290; idem. *Krewa i Lublin // Kwartalnik Historyczny*. 1969. Nr 76. Z. 3. S. 583-619; idem. *O dawnej i niedawnej Litwie*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1988. – 442 s.; idem. *Od aktu w Krewie do Zaręczenia Wzajemnego Obojga Narodów (1385-1791) // Unia Lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo-Wschodniej*. Red. J. Kłoczowski, P. Kras, H. Łaszkiwicz. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1999. S. 12-44; idem. *Konstytucja 3 maja a unia polsko – litewska // Przegląd Historyczny*. 1991. T. 82. Z. 3-4. S. 383-410; idem. *Konstytucja 3 maja a Zaręczenie Wzajemne Obojga Narodów // Studia Iuridica*. 1992. T. 24. S. 15–27; idem. *Od*

nowейшей польской историографии были созданы и общие работы, касающиеся парламентской системы Великого княжества Литовского (А. Рахуба⁴³), функционирования литовских сеймиков вплоть до конца XVIII в. (А. Закжевски⁴⁴, Д. Конечна⁴⁵) или польско-литовских отношений в период от заключения Люблинской унии до выбора Сигизмунда III Вазы (Г. Люевич⁴⁶).

Несомненный всплеск интереса к литовской сеймиковой системе наблюдается также в литовской (А. Василяускас⁴⁷, Р. Юргайтис⁴⁸,

narodów politycznych do narodów etnicznych w Europie Środkowowschodniej // Mniejszości narodowe i religijne w Europie Środkowo-Wschodniej. Red. J. Kłoczowski, P. Kras. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. S. 9-23; idem. Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII-XX wieku // Krajowość — tradycje zgody narodów w dobie nacjonalizmu. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej w Inst. Hist. UAM w Poznaniu (11–12 maja 1999). Red. J. Jurkiewicz. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1999. S. 11–34.

⁴² Wisner H. Unia lubelska i statut litewski z roku 1588 // Zapiski Historyczne. 1986. T. LI. Z. 1. S. 23-44; idem. Naprawa państwa w uchwałach sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w pierwszej połowie XVII w. // Studia polsko-litewsko-białoruskie. Red. J. Tomaszewski, E. Smułkowa, H. Majecki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. S. 33-50; idem. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec unii. Schyłek wieku XVI – lata dwudzieste XVII wieku // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej. Red. L. Glemża, R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. P. 261-267; idem. Przedsejmowy sejmik nowogródzki w latach 1607-1648 // Przegląd Historyczny. 1978. LXIX. Z. 4. S. 677-693; idem. Sejmiki litewskie w czasach Zygmunta III i Władysława IV. Konwokacja wileńska oraz sejmiki przedsejmowe i relacyjne // Miscellanea Historico-Archivistica. 1989. T. III. S. 61-86; idem. Janusz Radziwiłł 1612-1655, wojewoda wileński, hetman wielki litewski. Warszawa: Wydawnictwo Mada, 2000. – 269 s.; idem. Kilka uwag o stronictwie wojewody wileńskiego Krzysztofa Radziwiłła (1585-1640) // Zapiski Historyczne. 1997. T. 62. Z. 4. S. 29-43; idem. Król i książę. Konflikt między Zygmuntem III Wazą i Krzysztofem Radziwiłłem // Rocznik Białostocki. 1972. T. 11. S. 53-100; idem. Litwa wobec rokoszu (1606-1607) // Kwartalnik Historyczny. 1972. Z. 2. S. 278-299.

⁴³ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569-1763. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 373 s.

⁴⁴ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego (połowa XVI – koniec XVIII w.) // Parlamentaryzm w Polsce we współczesnej historiografii. Red. J. Bardach. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. S. 100-106; idem. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki. Warszawa: Liber, 2000. – 257 s.; idem. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec odrębności Litwy w ramach Rzeczypospolitej. W świetle instrukcji sejmikowych XVI-XVIII w. // Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės partitis. „Senoji lietuvių literatūra”. 1998. T. VI. P. 261-278; idem. Kierowanie obradami sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI-XVIII w.) // Studia z dziejów państwa i prawa polskiego. 2000. T. V. S. 139-149; idem. Marszałek powiatowy Wielkiego Księstwa Litewskiego marszałkiem sejmikowym (XVI-XVIII w.) // Parlament, prawo, ludzie: studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej. Red. K. Iwanicka, M. Skowronek, K. Stembrowicz. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1996. S. 356-361; idem. Osiągnięcia i problemy badań nad parlamentaryzmem Wielkiego Księstwa Litewskiego // Teki Sejmowe. 2010. Nr 1. S. 40-52; idem. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI-XVIII w.): prawo – ustrój – społeczeństwo. Warszawa: Wydawnictwo „Campidoglio”, 2013. – 323 s.

⁴⁵ Konieczna D. Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzeskolitewskiego w latach 1565-1763. Warszawa: DiG, 2013. – 197 s.

⁴⁶ Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569-1588. Warszawa: Neriton, 2002. – 457 s.

⁴⁷ Vasiliauskas A. Local Politics and Clientage in the Grand Duchy of Lithuania 1587-1632. London: University of London, 2001. – 584 p.

⁴⁸ Jurgaitis R. Vilniaus miesto problemos Vilniaus seimelyje XVIII a. // Lietuvos Aukštųjų Mokyklų Mokslų Darbai. Istorija. 1998. XXXVIII. P. 26-33.

Г. Слесорюнас⁴⁹, Р. Кальвинскас⁵⁰, З. Киаупа⁵¹, А. Рагаускас⁵²) и белорусской историографии (А. Радаман⁵³, В. Галубович⁵⁴, У. Падалинский⁵⁵, А. Мацук⁵⁶).

Благодаря этим исследованиям довольно хорошо изучен процесс развития литовской парламентской системы до заключения Люблинской унии. Также последующий период вплоть до выбора Сигизмунда III, который долгое время являлся изученным в намного меньшей степени (И.И. Лаппо), сейчас довольно хорошо известен благодаря новейшей работе Г. Люевича.

⁴⁹ Sliesoriunas G. Iš Žemaitijos seimelių istorijos: 1693 m. lapkričio 10 d. Žemaitijos seimelis // *Žemaičių praeitis*. 1998. T. VIII. P. 29-45.

⁵⁰ Kalvinskas R. Kauno pavieto seimelio veikla Šiaures karo metu // *Mūsų praeitis*. 1997. V. P. 29-37.

⁵¹ Kiaupa Z. Lietuvos Metrika - Lietuvos bajorų rūpestis XVIII a. pabaigoje // *Lietuvos Metrika*. 1991-1996 metų tyrimai. Red. Z. Kiaupa, A. Urbanavičius. Vilnius: Leidykla, 1998. P. 193-202.

⁵² Ragauskas A. Vilniaus miestiečių valdančiojo elito dalyvavimas seimuose XVII a. antrojoje pusėje // *Lituanistica*. 1998. Nr 4 (36). P. 18-40.

⁵³ Radaman A. Samorząd sejmikowy w powiatach województwa nowogródzkiego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1565–1632 // *Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku: materiały XVIII konferencji Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych PAN w dniach 22-23 września 2009 roku*. Red. U. Augustyniak, A. B. Zakrzewski. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2010. S. 55-103; Радаман А. Вайсковыя шляхецкія з'езды (попісы і зборы паспалітага рушэння) Наваградскага павета ў другой палове XVI ст. // *Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: Матэрыялы міжнар.наук. канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.)*. Мінск: БІП-С Плюс, 2008. С. 220-231; тот же. Кіраванне соймакавамі пасяджэннямі ў Вялікім Княстве Літоўскім. Рускім і Жамойцкім у другой палове XVI – пачатку XVII ст. // *Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка*. 2002. № 2 (32). С. 120-132; тот же. Элекцыйныя соймікі Навагародскага павета ў другой палове XVI ст. // *Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі 27 сакавіка 1999 года*. Рэд. У.В. Тугай і інш. Ч. 2. Мінск: Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, 1999. С. 109–115; тот же. Інструкцыя соймака Навагародскага павета паслам на элекцыйны сойм 1587 г. // *Беларускі гістарычны агляд*. 2003. № 1-2 (18-19). С. 163-174.

⁵⁴ Галубовіч В. Дзве інструкцыі паслам на сойм ад шляхты Рэчыцкага павета з часоў панавання Жыгімонта Вазы // *Чацвёртыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні (г. Рэчыца, 18-19 верасня 2003 г.): У 2 ч. Ч. 2.: Рэчыца ў часе і прасторы: 790 год заснавання горада*. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. С. 40-45; тот же. Інструкцыя рэчыцкай шляхты на сойм 1607 г. // *Пятыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні (г. Рэчыца, 22-23 верасня 2005 г.)*. Рэд. В. М. Лебедзева. Гомель: Гомельск. дзярж. ун-т імя Ф.Скарыны, 2005. С. 189-195; тот же. Інструкцыя полацкай шляхты на элекцыйны сойм 1632 г. // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.)*. Полацк: НППКМЗ, 2009. С. 59-64; тот же. Канфесійная праблематыка на соймаках полацкага ваяводства ў канцы XVI – сярэдзіне XVII ст. // *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа. Частка 1*. 2009. Гродна: Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я.Купалы, 2009. С. 179-185.

⁵⁵ Падалинскі У. Павятовая палітычная эліта ў святле дзейнасці гарадзенскага соймака ў другой палове XVI ст. // *Гарадзенскі палімпсест*. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё. XV–XX ст. Рэд. А.Ф. Смаленчук, Н.У. Сліж. Гародня, 2009. С. 179–199; тот же. Грамадская думка шляхты Вялікага Княства Літоўскага канца XVI ст. (на прыкладзе соймавай кампаніі Рэчы Паспалітай 1595 г.) // *Спадчына*. 2008. № 1. С. 12–24; тот же. Стаўленне да вайны ў грамадскай думцы шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў 1570–1580-я гг. // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*. Научный сборник. Вып. 1. Ред. А.В. Мартынюк, Г.Я. Голенченко. Минск: Издательский центр БГУ, 2008. С. 84–98; тот же. Ухваленне падаткаў на вальных соймах Рэчы Паспалітай як фактар палітычнай барацьбы (1593–1598 гг.) // *Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. 2009. № 3. С. 157–176; тот же. Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да інстытута вальнага сойма ў канцы XVI ст. // *Беларускі Гістарычны Часопіс*. 2012. № 8. С. 15–24; Подолинский В. Великое Княжество Литовское в системе представительных органов власти Речи Посполитой: обособленные формы парламентской деятельности в последней трети XVI в. // *Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. статей*. Ред. В.А. Божанов. Минск: Институт парламентаризма и предпринимательства, 2006. С. 52–62.

⁵⁶ Мацук А. Барацьба магнацкіх групак у ВКЛ (1717-1763 гг.). Мінск: Медысонт, 2010. – 640 с.; тот же. Пінскі сойм і трыбунальскай кампаніі 1750 г. // *Гісторыя і сучаснасць Пінска (да 910-годдзя першай летапіснай узгадкі горада): матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі*. Рэд. А.А. Каваленя, В.В. Даніловіч. Пінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2007. С. 77-93.

Однако целостного и детального изучения, в том числе проведения всестороннего анализа отношения литовской шляхты к функционированию совместного государства и роли Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой, не дождался период правления Вазов. Несмотря на ценность имеющихся по этой проблематике работ, стоит отметить их скорее обобщающий характер, что не позволяет полностью восполнить указанный пробел.

В том числе сложно считать достаточно изученным имеющийся материал делопроизводства литовской парламентской системы в период правления Сигизмунда III и Владислава IV, который рассматривался либо лишь частично, либо – как в исследованиях И.И. Лаппо или Г. Люлевича – его изучение доведено до 1586-87 гг.

Слабо разработанным является также вопрос о том, как литовский партикуляризм отражался в понятийном аппарате делопроизводства парламентской системы Великого княжества. Основное значение для подобных изысканий имеют труды Э. Бем-Висьневской, посвященные терминологии источников Раннего Нового времени⁵⁷, а также работа К. Мазура⁵⁸. В отношении Великого княжества Литовского лишь Г. Виснер⁵⁹ и П.П. Романюк⁶⁰ предприняли попытку характеристики некоторых понятий литовского политического языка, однако эти работы далеки, к сожалению, от целостности, а ряд утверждений нуждается в уточнении или пересмотре.

Вышесказанное показывает насущную необходимость обращения к данной проблематике, на основе детального анализа широкого круга источников при использовании более полного набора современных исследовательских методов.

⁵⁷ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska w języku czasów nowożytnych. Warszawa: DiG, 1998. – 242 s.; Bem E. Termin „ojczyzna” w literaturze XVI i XVII wieku. Refleksje o języku // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 1989. T. XXXV. S. 131-156.

⁵⁸ Mazur K. W stronę integracji z Koroną: sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569-1648. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2006. – 465 s.

⁵⁹ Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej (schyłek wieku XVI – pierwsza połowa XVII wieku) // *Barok*. 2006. T. 13. Nr 1 (25). S. 17-29.

⁶⁰ Romaniuk P. P. Pojęcie „Rzeczypospolita Litewska” w ruchu republikańskim na przełomie XVII i XVIII wieku // *Barok*. 2006. Z. 1 (25). S. 31-40.

Источниковая база

Основным источниковым материалом настоящего исследования является делопроизводство парламентской системы Великого княжества Литовского. В круг изучаемых нами документов входят:

- королевские универсалы, созывающие сеймики,
- подготовительные письма, рассылаемые важнейшим представителям местной шляхетской элиты,
- королевские инструкции послам на сеймик,
- инструкции сеймиков послам на сейм,
- другие документы, в которых сообщались решения сеймиков, просьбы или пожелания, т.е. постановления («лауда») или письма к разным лицам,
- постановления генеральных сеймиков, собиравшихся перед сеймом, сначала в Волковыске, потом в Слониме;

Проанализированы также аналогичные документы, касающиеся деятельности главных съездов Великого княжества Литовского (виленских конвокаций), которые были изданы Г. Люлевичем⁶¹.

Несомненную ценность для настоящего исследования имеют конституции (постановления) сеймов, изданные С. Конарским еще в 30-е гг. XVIII в. под названием «*Volumina Legum*». В данном издании были опубликованы королевские привилегии и сеймовые конституции с 1347 по 1736 г. В дальнейшем работа продолжалась, в итоге чего до конца XVIII в. было издано восемь томов «*Volumina Legum*», содержавших конституции сеймов вплоть до конца 70-ых гг. XVIII в. В 1859-60 гг. они были переизданы И. Охрызко. Последние тома собрания, содержавшие конституции сеймов 80-ых и 90-ых гг. XVIII в. были изданы в конце XIX–XX вв.⁶².

⁶¹ Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Opr. Lulewicz H. T. 1: Okresy bezkrólewí. Warszawa, 2006. T. II: Okresy panowań królów elekcyjnych XVI-XVII wiek. Warszawa, 2009.

⁶² Volumina legum. Prawa, konstytucje y przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od Seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone. W 8 T. Wyd. Ohryzko J. Petersburg, 1859-1860; T. 9. Kraków, 1889; T. 10. Wyd. Kaczmarczyk Z. Poznań, 1952.

Рассмотрены также правовые акты, создававшие правовые рамки деятельности литовских институтов государственной власти. Среди них особо стоит подчеркнуть II и III Литовские Статуты⁶³, постановления сеймовых конституций, содержащихся в уже упомянутом издании «*Volumina Legum*», документы польско-литовских уний, изданные С. Кутшебой и В. Сэмковичем⁶⁴, а также отчасти в других изданиях дореволюционного периода⁶⁵.

Для освещения контекста и причин предпринимаемых в рамках парламентской жизни действий проанализированы также нарративные источники. Для выяснения формирования литовской идентичности и создания идейной основы для политической деятельности элиты Великого княжества Литовского рассмотрена роль исторических произведений. Среди них стоит упомянуть созданную в первой половине XVI в. «Хронику Быховца», которая была обнаружена И. Климашевским в библиотеке А. Быховца и издана в 1846 г. Т. Нарбуттом⁶⁶, труды Мачея Стрыйковского, прежде всего «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всей Руси»⁶⁷ и работу Альберта Виюка-Кояловича «История литовская»⁶⁸.

Существенную роль в освещении практической стороны деятельности как литовских, так и коронных послов и сенаторов, имеют труд Альбрэхта

⁶³ Archiwum Komisji Prawniczej. W 11 t. T. 7. Statut Litewski Drugiej Redakcyi (1566). Kraków : Akademia Umiejętności, 1900. S. 47-48; Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego, naprzód za Naiśniejszego Hospodara Króla Jego Mości Zygmunta III w Krakowie w roku 1588... Wilno: Drukarnia J. K. M. Akademicka Societatis Jesu, 1744.

⁶⁴ Akta unji Polski z Litwą 1385-1791. Wyd. Kutrzeba S., Semkowicz W. Kraków: Polska Akademia Umiejętności-Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932.

⁶⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. 1544-1587. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848; Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. VIII. Акты виленского гродского суда. Вильно: Типография А.К. Киркора 1875. С. 327-328; Архив Югозападной России. Ч. 2. Т. 1. Киев: Университетская типография, 1861; Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и место погребения его въ Польшею Т. II. Кн. 2. Приложения к историческому изследованию. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1902.

⁶⁶ Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, dyplomatycznym, geograficznym, statystycznym, obyczajowym, archeograficznym. Wyd. T. Narbutt. Wilno, 1846.

⁶⁷ Strykowski M. Która przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska Litewska, Żmudzka, y wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siwierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej, etc. Y rozmaite przypadki wojenne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich y innych Królestwu Polskiemu y Wielkiemu Księstwu Litewskiemu przyległy. Królewiec: Gerzy Osterberger, 1582.

⁶⁸ Wiiuk Kojalovicz A. Historiae Lituanae Pars prior, De Rebus Lituorum Ante susceptam Christianam Religionem, conjunctionemque Magni Lituaniae Ducatus cum Regno Poloniae Libri Novem. Dantisci: Svmptibvs Georgii Försteri, 1650; idem. Historiae Lituanae Pars Altera Seu De Rebus Lituorum A coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Unionem eorum Dominiorum Libri Octo. Antverpiae: Jacobus Meursius, 1669.

Станислава Радзивилла «Нарыс правления Сигизмунда III»⁶⁹, и его мемуары, в которых приведено много деталей касающихся функционирования королевского двора и политической деятельности автора, часто неизвестных другим источникам. Последние были в 1839 г. изданы Э. Рачинским⁷⁰ и критически переизданы в XX в. А. Пшибосем и Р. Желевским⁷¹.

Для выявления факторов, игравших решающую роль в формировании позиций, выраженных в литовских сеймиковых инструкциях и других документах, связанных с деятельностью парламентской системы, а также существующих в литовском обществе клиентальных связей, имеющих непосредственное и ключевое значение для функционирования всей государственной системы проанализирована переписка лиц, участвующих в парламентской жизни Великого княжества Литовского.

Необходимо отметить, что корреспонденция литовской шляхты была издана лишь частично. На первом месте стоит упомянуть здесь изданное А. Прохаской собрание корреспонденции Сапегов до 1606 г.⁷². Другим собранием, имеющим существенное значение, является корреспонденция Радзивиллов, изданная А. Соколовским⁷³. Однако в отличие от работы Прохаски, последняя содержит лишь небольшую часть хранившихся в различных архивных фондов материалов и, безусловно, требует обращения к рукописным материалам. Похожая ситуация имеет место в случае изданной В. Хоментовским переписки Я.К. Ходкевича⁷⁴.

Поэтому основная часть использованного в данном исследовании источникового материала, в том числе почти все вышеуказанные документы, связанные с функционированием литовских сеймиков и большая часть переписки, до сих пор не изданы, и хранятся в ряде российских и зарубежных архивов и

⁶⁹ Radziwiłł A. S. Rys panowania Zygmunta III. Przeł. E. Kotłubaj. Athaenum. 1848. T. 3. S. 5-43; T. 4. S. 5-76; T. 5. S. 5-34; данное сочинение было недавно переиздано Я. Былинским и В. Качеровским: Radziwiłł A. S. Rys panowania Zygmunta III. Wyd. Byliński J., Kaczorowski W. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2011.

⁷⁰ Radziwiłł A. S. Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego. Wyd. Raczyński E. T. 1-2. Poznań: Bracia Scherkowie, 1839.

⁷¹ Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. Opr. Przyboś A., Żelewski R. T. 1-3. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.

⁷² Archiwum domu Sapiechów. T. 1: Listy z lat 1575–1606. Oprac. Prochaska A. Lwów: nakładem rodziny, 1892.

⁷³ Archiwum domu Radziwiłłów. Wyd. Sokołowski A. Kraków: nakł. Księcia Antoniego Radziwiłła, 1885.

⁷⁴ Korrespondencye Jana Karola Chodkiewicza. T. 1. Wyd. Chomętowski W. Warszawa: nakładem Świdzińskich, 1875.

библиотек. Среди наиболее значимых для нашего исследования архивных собраний стоит упомянуть, в частности:

- Российский государственный архив древних актов – фонды 12 (Дела о Польше и Литве), 79 (Сношения России с Польшей), 389 (Литовская метрика) и 1603 (Комиссия Эдукационного фундуша);
- Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, Отдел рукописей – фонд 971, оп. 2 (Собрание автографов П.П. Дубровского);
- Главный архив древних актов в Варшаве – фонд 354 (Варшавский архив Радзивиллов);
- Национальная Библиотека в Варшаве (фонд Библиотеки Замойской ординации);
- Библиотека Чарторыйских в Кракове («Теки Нарушевича», рукописи № 313, 318, 390, 2102 и 2234-2248);
- Научная библиотека Польской академии искусств и Польской академии наук в Кракове (рукописи № 342, 344, 345, 353, 360, 363 и 365);
- Национальный музей в Кракове (рукопись № 160);
- Курницкая библиотека Польской академии наук (рукопись № 11617);
- Библиотека Академии наук Литвы – фонд 198 (Документы Ковенского городского архива) и 256 (фонд Контантинаса Яблонскиса).

Существенная часть вышеуказанного источникового материала не исследована или исследована в недостаточной степени. В первую очередь, это наблюдение касается основного материала данной диссертации, каким является делопроизводство литовской парламентской системы после Люблинской унии. В российской историографии оно рассматривалось только И.И. Лаппо, при этом данный исследователь завершил свой анализ 1586 г. Таким образом, данный источниковый материал, в частности литовские сеймиковые инструкции и другие документы, относящиеся к деятельности литовских сеймиков в период 1587-1648 гг., впервые вводится в научный оборот в российской историографии. Данный материал был уже предметом обращения со стороны представителей

польской, литовской и белорусской историографии, но данное обращение имело лишь частичный и довольно поверхностный характер. В данной работе этот источниковый материал впервые проанализирован столь детально также и с точки зрения способа функционирования институтов власти Великого княжества Литовского в структуре польско-литовского государства. Также впервые он рассматривается с применением столь широкого спектра научных методов.

Серьезной проблемой в изучении обозначенной нами источниковой базы является ее неполнота, как в территориальном, так и во временном измерении. Если деятельность некоторых сеймиков может быть в довольно высокой степени отслежена, то в отношении ряда других соответствующих документов обнаружить невозможно. В сохранившемся источниковом материале имеются также серьезные временные пробелы, что затрудняет освещение некоторых периодов деятельности сеймиков. Вышеобозначенные проблемы обуславливают необходимость большой осторожности со стороны историка, стремление к максимальному использованию имеющегося материала, а также применение комплекса различных, в том числе неклассических, методов исследования.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования являются принципы *историзма*, *научной объективности* и *всесторонности*. Принцип *историзма* предполагает изучение явлений, их возникновения и развития, с учетом конкретно-исторической обстановки, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий, опору на наиболее достоверные источники, их всесторонний и комплексный анализ. Принцип *научной объективности* предполагает стремление к объективности и преодолению субъективных ошибок и влияния интересов, отказ от априорных подходов. Принцип *всесторонности* подразумевает стремление к всестороннему познанию предмета исследования, необходимость полноты и достоверности информации, а также рассмотрение предмета во всех взаимосвязях, влияющих на историческую действительность.

В исследовании применен комплекс методов научного исследования, как общенаучных, так и специальных исторических. К общенаучным методам,

использованным в рамках настоящего исследования, стоит отнести *общие логические приемы (анализ и синтез, индукция и дедукция, классификация и типология)*, а также *системный метод*, подразумевающий изучение объектов как систем с целью раскрытия их сущностной природы, а также принципов функционирования и развития.

К примененным в настоящем исследовании специальным историческим методам, стоит отнести классические и неклассические методы исторического исследования. В перечень классических методов исторического исследования входят *историко-генетический метод, историко-типологический метод, историко-системный метод, историко-правовой метод и историко-сравнительный метод*. *Историко-генетический метод* подразумевает изучение исторических явлений в процессе их развития, что, в частности, позволяет увидеть динамику присущую проявлениям партикуляризма в парламентской жизни Великого княжества Литовского. *Историко-типологический метод* заключается в определении общих черт в группах исторических событий и явлений, а также в выделении однородных стадий в их непрерывно-временном развитии. *Историко-системный метод* подразумевает углубленный анализ социально-исторических систем, а также раскрытие внутренних и внешних механизмов их функционирования. Благодаря этому, в диссертации детально освещается не только само явление литовского партикуляризма, но и совокупность определяющих его факторов. *Историко-правовой метод*, подразумевающий изучение правовых явлений и институтов в их временном развитии, применяется с целью охарактеризовать развитие институтов государственной власти Великого княжества Литовского и роль, которую они играли в общегосударственных институтах Речи Посполитой.

В исследовании применены также неклассические исторические методы: *контент-анализ, дискурс-анализ, количественный, лингвистический, и семиотический методы*.

Контент-анализ, являющий собой формализованное изучение содержания текстовых массивов с целью выявления или измерения социальных факторов и

тенденций, отраженных в этих документах, применен для выявления особенностей политической культуры шляхты Великого княжества Литовского, проявляющихся в употребляемом ей понятийном аппарате. Перевод исследуемой информации в количественные показатели принимается также в связи с использованием лингвистических методов, для определения частотности употребления изучаемых лексем и выявления динамики перемен в области понятийного аппарата литовской шляхты.

Количественный метод применен также как дополнительный для выявления иерархии в восприятии литовской шляхтой элементов государственного суверенитета Великого княжества Литовского и пересмотра существующих в науке суждений. Применение данного метода связано также с выявлением динамического характера наблюдаемых нами явлений за счет указания существующих разниц в хронологическом плане.

С целью определения смысловых категорий присущих главным понятиям политической терминологии Великого княжества Литовского использованы *лингвистический* и *семиотический методы*. Выявить, каким образом используемая в парламентской жизни страны понятийная система влияла на представления о функционировании Литвы в системе государственной власти Речи Посполитой призван *дискурс-анализ*, заключающийся в интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретном историческо-культурном контексте, и направленный на изучение способов производства социальной реальности.

Научная новизна работы заключается в комплексном и детальном изучении проблемы литовского партикуляризма на основании широкого круга ранее не исследуемых или исследуемых в недостаточной степени источников и применения широкого набора научных методов, в том числе тех, которые раньше не использовались в изучении данной проблемы.

В основу диссертационного исследования положен широкий круг источникового материала, прежде всего делопроизводство парламентской системы Великого княжества Литовского. Данный материал в российской

историографии исследовался лишь И.И. Лаппо в конце XIX - начале XX вв., при этом его изучение имело лишь частичный характер и во многом ограничивалось временем от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. Данный материал для периода правления двух первых Вазов изучался после этого в польской, литовской и белорусской историографии, но его изучение осталось довольно общим и ограничилось скорее выявлением лишь формального содержания имеющихся документов, без рассмотрения как его внутренних взаимосвязей и закономерностей, так и факторов, определяющих его содержание.

Впервые в подобного рода исследовании, как в российской, так и в зарубежной историографии, применяется полный комплекс методов исторического исследования, в том числе неиспользованные в отношении данной проблематики неклассические (лингвистический, семиотический и количественный) методы исторического исследования. Их применение позволяет выявить неизученные стороны проблематики литовского партикуляризма, какой является, в частности, отражение представлений об особенностях функционирования Великого княжества Литовского в системе государственной власти Речи Посполитой в понятийном аппарате делопроизводства литовской парламентской системы.

Впервые проводится детальный анализ вопросов, которые в российской историографии не ставились вообще, а в зарубежной ставились, но не получили разработки или рассматривались лишь частично. Выявляется эволюция литовского способа мышления о месте и роли Великого княжества в рамках Речи Посполитой, а также самого отношения к совместному, польско-литовскому государству. Дается детальная характеристика места Литвы в системе государственных органов власти Речи Посполитой и определяются факторы, играющие решающую роль в его формировании. Дается характеристика главных элементов государственного суверенитета Литвы и изучается роль, которую они играли в формировании сознания литовской шляхты. Определяется иерархия и значение выдвигаемых в парламентской деятельности постулатов, направленных

на защиту имеющейся у Великого княжества Литовского роли в рамках государственной системы власти Речи Посполитой.

Теоретическая и практическая значимость диссертации определяется проведением детального анализа понятийного аппарата сеймикowego делопроизводства Великого княжества Литовского и политической культуры литовской шляхты, определением места и роли Великого княжества Литовского в системе государственных органов Речи Посполитой, выявлением главных элементов литовского государственного суверенитета и их иерархии. Основные положения данного исследования могут быть использованы при изучении истории политическо-правовых институтов и государственных органов власти в Раннее Новое время. Материалы диссертации и примененные в работе научные методы могут использоваться в рамках исторических работ, а также в смежных областях гуманитарного знания, например политологии, филологии или социологии. Полученные результаты будут полезны при создании общих и специальных лекционных курсов по всеобщей истории, а также учебно-методических пособий, справочников, словарей, энциклопедий и иных работ по истории Польши, Литвы, Белоруссии, России и Украины в XVI-XVII вв.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Диссертация основана на всестороннем анализе репрезентативной и широкой источниковой базы. В работе были изучены делопроизводственные документы парламентской системы Великого княжества Литовского, содержащиеся в них сведения были верифицированы путем сопоставления с источниками иного происхождения. Также при проведении данного исследования был привлечен широкий круг российской и зарубежной литературы, использованы различные как классические, так и современные научные методы.

Основные положения диссертационного исследования были отражены в 13 научных публикациях, вышедших в российских, польских и белорусских изданиях, из которых 3 были опубликованы в журналах, рекомендуемых ВАК РФ.

По теме диссертации было сделано 12 выступлений и докладов на научных конференциях в Российской академии народного хозяйства и государственной

службы, Московском педагогическом государственном университете, Российском государственном гуманитарном университете, Музее «Замковый комплекс Мир» (Белоруссия), Университете Николая Коперника в Торуня (Польша), Варшавском университете (Польша), Университете в Белостоке (Польша), Институте истории Польской академии наук, Университете Витовта Великого (Каунас, Литва).

Основные положения диссертационного исследования, которые выносятся на защиту, состоят в следующем:

- 1) Великое княжество Литовское обладало элементами государственного суверенитета в рамках созданного в итоге Люблинской унии польско-литовского государства, усиленными в период 1569-87 гг.;
- 2) явление литовского партикуляризма имело сложный и многоуровневый характер; в нем одновременно могли присутствовать разные факторы: элементы мышления о Великом княжестве Литовском как об отдельной от Короны государственной структуре, групповые или даже сугубо частные интересы, а лозунги защиты литовских прав являлись удобным аргументом в политической игре;
- 3) в исследуемый в рамках настоящей работы период главное внимание литовской элитой власти уделяется сохранению имеющихся у Великого княжества Литовского элементов государственного суверенитета, а не внесению кардинальных изменений в структуру государственной власти Речи Посполитой; данные устремления являлись, прежде всего, своеобразной реакцией на действия короля или коронной шляхты, которые воспринимались как угроза для литовских интересов или для существования отдельных литовских правовых институтов;
- 4) несмотря на отдельные достаточно серьезные конфликты, в период правления Сигизмунда III и Владислава IV происходит обусловленный как внутри-, так и внешнеполитическими факторами процесс интеграции Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой; в практике было выработано своеобразное пространство

консенсуса, заключающегося, с одной стороны, в учитывании представителями Короны имеющихся у Литвы элементов суверенитета, с другой – в принятии и одобрении литовской шляхтой позиции Великого княжества в структуре совместного государства;

- 5) в итоге указанных процессов в сознании литовской шляхты начинает превалировать представление об единстве польско-литовского государства, которое стало доминировать над сугубо литовским способом мышления.

Структура диссертации определяется логикой исследования, его целями и задачами и основывается на тематическом, а внутри глав также на хронологическом принципах.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во введении ставится проблема исследования и обосновывается его актуальность, определяются его цели и задачи, характеризуются его методологические принципы. В I главе проведен обзор историографии и характеристика использованных источников, а также определяются главные проблемы, связанные с их изучением. II глава посвящена институциональным рамкам литовского партикуляризма и их отражению в понятийном аппарате литовского парламентского делопроизводства. В III главе проводится анализ постулатов литовских сеймиков, касающихся защиты прав Великого княжества Литовского и элементов его государственного суверенитета. В заключении подводятся итоги исследования.

Глава 1.

Историография и источники по истории функционирования политических институтов Великого княжества Литовского в конце XVI-начале XVII вв.

1. Историография проблемы

История Великого княжества Литовского, его связей и отношений с Польшей, а также роль в рамках унии и, следовательно, совместного государства – Речи Посполитой – издавна являются предметом интереса польской, российской, литовской, белорусской и украинской историографии. Однако часто мнения исследователей не только не были свободны от влияния национальной или государственной идеологии (а иногда даже прямого политического заказа)⁷⁵, но и сами ученые иногда принимали активное участие в создании определенного рода образов прошлого или представлений о ходе исторического процесса, которые транслировались обществу, создавая основы национальной или государственной идентичности. По словам польского исследователя, К. Блаховской, «историки стали создателями памяти общества, являющейся в это время главным – наряду с языком, религией и собственным государством, если таковое имелось – фактором интеграции национальных и государственных общин»⁷⁶.

Особенности функционирования политических институтов Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой по-разному рассматривались в

⁷⁵ См.: Амброзьяк Т. Проблемы изучения многокультурного наследия в историографии на примере Великого княжества Литовского // Образование, наука, культура в современном мире. Education, science, and culture in the contemporary world: материалы Международной научной веб-конференции «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке» (Москва, март 2013 г.). М.: Пашков дом, 2014. С. 260-268.

⁷⁶ Błachowska K. Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2009. С. 9-10.

науке. Парадигма рассмотрения данной проблемы зависела, главным образом, от способа понимания истории Речи Посполитой (то есть видели ли в Речи Посполитой новое государственное объединение или же ее история рассматривалась как определенный этап общей истории Польши) и наличия (или отсутствия) представления о Великом княжестве Литовском как об отдельном предмете изучения. По-разному понималась также суть польско-литовских уний, от Кревской до Люблинской, а также определялось их влияние на развитие литовской государственности. Основным вопросом, от которого, как мы увидим, зависел способ рассмотрения истории функционирования литовских институтов государственной власти после Люблинской унии, касался того, сохранилось ли после унии с Польшей суверенное литовское государство.

Следует отметить, что научный интерес к истории Великого княжества Литовского как самостоятельного предмета изучения начался именно с исследований, посвященных литовским правовым институтам. Их инициатором является Тадеуш Чацки, известный деятель Просвещения в Речи Посполитой, член Эдукационной комиссии и автор многочисленных работ по экономике и торговле, в дальнейшем – один из создателей Общества любителей наук в Варшаве и создатель известного Кременецкого лицея (на основе которого в 1833 г. был создан Киевский Императорский университет св. Владимира)⁷⁷. В 1800-1801 гг. Чацки издал двухтомный труд «О литовских и польских правах, о их духе, источниках, связях и о вопросах, вмещаемых в первом Статуте для Литвы в 1529 году изданным», в котором поместил сам текст I Статута, примечания к нему, а также рассуждения о источниках литовского и польского права, языке литовских Статутов, польских и литовских денежных единицах⁷⁸. Хотя в новейшей историографии труд Чацкого оценивается как хаотичный и внутренне плохо связанный⁷⁹, но он был первой работой, являющейся не текстом, предназначенным для юристов-практиков, но историческим исследованием,

⁷⁷ См.: Chmielowski P. Tadeusz Czacki. Jego życie i działalność wychowawcza. Petersburg: Księgarnia Kazimierza Grendyszyńskiego, 1898. – 119 s.

⁷⁸ Czacki T. Op. cit.

⁷⁹ Kodrębski J. Prawo rzymskie w Polsce XIX wieku. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1990. С. 113.

содержащим в себе теоретические размышления⁸⁰. Спустя 15 лет, была издана работа Самуила Богумила Линде, автора первого толкового словаря польского языка, «О Литовском Статуте русским языком и печатаным известие»⁸¹. Труд Линде, посвященный Литовскому Статуту, оценивается в литературе как более современный и тщательный по сравнению с работой Чацкого⁸².

Польский взгляд на историю Литвы был на долго сформирован Иоахимом Лелевелем, основателем романтической школы в польской историографии и важным политическим деятелем польских левых сил⁸³. Свою концепцию Лелевель разработал еще в годы работы в Виленском университете, а в развернутом виде представил в работе «История Литвы и Руси до унии с Польшей в Люблине в 1569 г. заключенной»⁸⁴, написанной в эмиграции в Париже, где он оказался после подавления ноябрьского восстания.

Показательно, что Лелевель довел свою работу до заключения в 1569 г. Люблинской унии, которое виделось им в качестве завершения долгого процесса крушения позиции аристократии и возвращения к свойственному балтийско-славянским народам общественному строю. Историк отмечал как «понижение» позиции литовских панов, так и уменьшение территории Великого княжества, однако рассматривал их в качестве необходимого инструмента принуждения литовской знати к заключению унии. Только таким образом могло восторжествовать натуральное равенство шляхты и образоваться единственное настоящее славяно-балтийское государство – Речь Посполитая.

Концепция Лелевеля по сути адаптировала традиционные для шляхты представления об общем прошлом Польши, Литвы и Руси. Это отнюдь не означало его идеализации, поскольку идеалы демократии, так свойственные славяно-балтам, должно было воплотить только будущее, возрожденное государство (в границах до разделов)⁸⁵. «Таким образом, Иоахим Лелевель стал

⁸⁰ Zakrzewski A. B. Wielkie Księstwo Litewskie... S. 9; см. также: Danowska E. Tadeusz Czacki 1765-1813. Na pograniczu epok i ziem. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2006. – 379 s.

⁸¹ Linde S. B. O Statucie Litewskim...

⁸² Zakrzewski A. B. Wielkie Księstwo Litewskie... S. 10.

⁸³ Кеневич С. Лелевель. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 7.

⁸⁴ Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 r. zawartej. Poznań: W. Stefański, 1844. – 202 s.

⁸⁵ Кеневич С. Указ. соч. С. 140-141.

посредником между традицией исторического мышления о Литве и Руси, существующей в Речи Посполитой и формирующейся после ее падения современной польской историографией»⁸⁶.

В российской историографии этого периода Великому княжеству Литовскому как отдельному предмету исследования посвящалось немного внимания. Оно рассматривалось через роль, которую играло в истории России⁸⁷, при чем долго эта роль оценивалась отрицательно. В сочинениях Михаила Михайловича Щербатова⁸⁸ и Николая Михайловича Карамзина⁸⁹, придерживающихся концепции существования одного лишь центра русской государственности, что в общих чертах являлось продолжением исторической схемы, выработанной в Москве еще в XV-XVI вв.⁹⁰, оно мыслилось как захватчик раздробленных русских земель на западе. После унии с Польшей эти же русские земли находились уже в польско-литовском подданстве.

Разработка новой концепции истории Великого княжества Литовского была проведена российскими историками в 30-е гг. XIX в. и во многом была вызвана политическими факторами – ноябрьским восстанием, влиянием польской культуры, а также католической и униатской церковью. Изменению идентичности населения территорий, которые раньше входили в состав Речи Посполитой, должно было послужить не только упразднение Виленского университета (1832 г.) и униатской церкви (1839 г.), но также разработка новой концепции понимания прошлого, вписывающейся в теорию официальной народности – уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность».

Подобная концепция была разработана Николаем Герасимовичем Устряловым в «Русской истории», написанной на основе прочитанных им

⁸⁶ Włachowska K. Op. cit. S. 163.

⁸⁷ Дворниченко А. Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 98.

⁸⁸ Щербатов М. М. Указ. соч.

⁸⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч.; прямая зависимость сочинения Карамзина от работы Щербатова отмечалась в науке еще в XIX в.; см. Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб.: Изд-во М.В. Аверьянова, 1913. – 344 с.; Моисеева Г. Н. М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин. (Записка «О повреждении нравов в России») // Русская литература XVIII - начала XIX века в общественно-культурном контексте. Ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1983. С. 80-92.

⁹⁰ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 167-172.

лекций⁹¹, а также в небольшой работе «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?»⁹². Именно последняя сыграла существенную роль в развитии представления о Великом княжестве Литовском как самостоятельном предмете исследования. Оно являлось, по мнению историка, не только чисто русским государством, но и вполне равноценным Москве центром объединения русских земель после периода раздробленности.

Оценка унии с Польшей, дана Устряловым, являлась крайне отрицательной. По его мнению, уния стала причиной потери той роли, которое Великое княжество играло в российской истории и источником «тягостного ига, которое досталось в удел целой половине русского народа и около четырех веков, как лютая язва, терзало страну»⁹³. Люблинская уния и смерть последнего Ягеллона стали тем моментом, когда «западная Русь сделалась добычей иезуитов, старавшихся истребить в ней все Русское, и к концу XVII века она действительно утратила многие черты своей национальности: Русские законы уступили место польским; язык был искажен; нравы и обычаи изменились; уния поколебала и веру православную»⁹⁴. Таким образом, уния открыла путь к утрате независимости Великого княжества, которое не только потеряло легитимность в соперничестве за объединение всех русских земель, но и само нуждалось в спасении со стороны настоящих русских царей – государей московских.

Концепция Устрялова, после ее утверждения министром народного просвещения, С.С. Уваровым, стала официальной концепцией российского государства. Его работа была также основным учебником по русской истории в школах. Более того, дуалистическая концепция развития Руси стала основой других исследований, например «Русской истории» К.Н. Бестужева-Рюмина⁹⁵.

К области более узких, конкретных исследований мысль Устрялова приложил его ученик, преподаватель Ришельевского лицея, а потом профессор

⁹¹ Устрялов Н. Г. Русская история...

⁹² Тот же. Исследование вопроса...

⁹³ Там же. С. 37.

⁹⁴ Там же. С. 19-20.

⁹⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. Указ. соч.

Новороссийского императорского университета, Михаил Павлович Смирнов. В своих работах⁹⁶ он утверждал, что Великое княжество Литовское, по сути являющееся русским государством, в итоге заключения Люблинской унии, к чему оно оказалось принужденным тяжелой внешнеполитической и внутренней ситуацией, оказалось полностью подчиненным Польше.

Резко негативная оценка Люблинской унии и ее последствий, несмотря на существенное отличие от устряловской концепции истории, была также высказана Сергеем Михайловичем Соловьевым в его «Истории России с древнейших времен»⁹⁷. Навязанная в итоге унии зависимость от Польши ни в коей мере не устраивала литовскую знать, которая всячески боролась за свои позиции. В период правления династии Ягеллонов положение Литвы и Руси не было еще ужасающим. Однако оно резко ухудшилось после заключения Люблинской унии, которая дала полную свободу действий полякам и католическому духовенству (в том числе ликвидации православной церкви на основе Брестской унии). Это вызывало сопротивление Литвы и Руси, а в конечном итоге привело к восстанию на Украине, ее воссоединению с Россией и, впоследствии, к падению Польши⁹⁸.

Еще более резко к Люблинской унии и ее последствиям относился профессор Санкт-Петербургской духовной академии, известный публицист и представитель западноруссизма⁹⁹, Михаил Осипович Коялович¹⁰⁰. Продолжая мысль Устрялова, в своих трудах¹⁰¹ он рассматривал Великое княжество Литовское в качестве русского государства, для которого пагубным оказалось польское влияние. Вся история литовско-польских отношений рассматривалась

⁹⁶ Смирнов М. П. Ягелло-Яков-Владислав...; тот же. Спор между Литвой и Польшей...

⁹⁷ Соловьев С. М. Указ. соч.

⁹⁸ Włachowska K. Op. cit. S. 189-210.

⁹⁹ См. например: Цьвікевіч А. Западно-руссизм. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX в. Минск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.; Горизонтов Л. Е. Западнорусизм в мире идентичностей межславянского пограничья. Историографические наблюдения // Славянский мир: в поисках идентичности. Кн. 8. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 930-939; Заблоцкая М. В. Идеи «западноруссизма» в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX — начале XX века // Русский сборник. Исследования по истории России. 2012. № 12. С. 157-177.

¹⁰⁰ См. Черепица В. Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно: Гродненский государственный университет, 1998. – 238 с.; Чернобаев А. А. Коялович Михаил Осипович // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 223-228.

¹⁰¹ Коялович М. О. Люблинская уния...; тот же. Лекции по истории Западной России...; тот же. Историческое исследование...

им как история борьбы Литвы и Руси против проводимого поляками насильственного слияния в одно государство и попыток подавления естественных различий между двумя народами. Особенно негативно оценивал Коялович Люблинскую унию, названную им «последним соединением» Литвы с Польшей, которая, по его мнению, представляла собой «картину жестокого насилия с одной стороны и позорного унижения – с другой»¹⁰². Менее острой, но все же отрицательной, была оценка Люблинской унии, данная М.В. Довнар-Запольским¹⁰³. По его мнению, она привела к религиозной нетерпимости и феодальному господству шляхты над белорусским народом, а период после Люблинской унии стал для Великого княжества временем экономической и политической деградации¹⁰⁴.

Также не внес изменений в данную схему Павел Дмитриевич Брянцев, автор обобщающего труда по истории Великого княжества Литовского¹⁰⁵. Правда, в данной работе автор не только вышел за хронологический рубеж 1569 г., охватив период существования совместного польско-литовского государства, но даже довел свое повествование до современных ему событий. Однако данный подход не являлся следствием изменения парадигмы рассмотрения Люблинской унии, но определенного самим автором способа понимания термина «Литовское государство», изучению истории которого посвящен был его труд. Под данным понятием Брянцевым понималась «совокупность всех тех областей, которые входили в состав владений последнего великого литовского князя Витовта»¹⁰⁶, составляющих целый ряд губерний Российской империи, в том числе даже смоленскую и псковскую. Подобный подход, основанный не на государственном, но на территориальном признаке, позволил автору рассмотреть историю земель, когда-то входивших в состав Великого княжества Литовского, не только после Люблинской унии, но и даже после разделов Речи Посполитой, вплоть до времени

¹⁰² Коялович М. О. Люблинская уния... С. 22.

¹⁰³ Довнар-Запольский М. В. Польско-Литовская уния...; тот же. Государственное хозяйство...; тот же. Спорные вопросы...

¹⁰⁴ Лебедзева В. Пра некаторыя аспекты гістарыяграфічнага даследавання “Гісторыі Беларусі” М.В. Доўнар-Запольскага // Гістарычны Альманах. 2001. № 4. С. 34-40.

¹⁰⁵ Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1889. – 659 с.

¹⁰⁶ Там же. С. 1.

жизни самого Брянцева. Люблинскую же унию автор рассматривал вполне в рамках прежней традиции: по его словам в 1569 г. Великое княжество Литовское «окончательно соединилось» с Польшей, теряя «свою самостоятельность и политическую независимость»¹⁰⁷.

Дореволюционная российская историография Великого княжества Литовского не ограничилась только великими нарративами, но в ее рамках были написаны также работы, посвящены более частным вопросам. Именно в российской историографии в конце XIX – начале XX вв. во многом были положены основы изучения правовых институтов и органов государственной власти Великого княжества Литовского. Среди выдающихся авторов, труды которых до сих пор используются в исторической науке, нельзя не упомянуть работы Николая Алексеевича Максимейко и Матфея Кузьмича Любавского.

Первый из указанных авторов в своем труде, посвященном литовским сеймам до заключения Люблинской унии¹⁰⁸, сконцентрировался на освящении двух вопросов: происхождения литовского сейма и характеристике видов его деятельности. Как сеймиковая система Великого княжества, так и ее делопроизводство, оказалось вне внимания исследователя, который свое повествование довел до 1569 г.

Среди работ М.К. Любавского особенно ценной является его монография, посвященная истории литовского сейма до Люблинской унии¹⁰⁹. Историю литовской государственности он рассматривал через развитие литовского сейма, который по его мнению стал «de jure и de facto [...] главным носителем верховной власти государства»¹¹⁰. В то же время история развития парламентской системы Великого княжества рассматривалась им как история принятия польских образцов государственного строя. Именно этот фактор, а не внешнеполитическая ситуация государства, оказался, наряду со стремлением литовской шляхты ослабить позицию магнатов, ключевым для заключения Люблинской унии. Понимание

¹⁰⁷ Там же. С. 4.

¹⁰⁸ Максимейко Н. А. Указ. соч.

¹⁰⁹ Любавский М. К. Литовско-русский Сейм...

¹¹⁰ Там же. С. 6.

истории литовской государственности как истории ее представительных учреждений вело к соответствующему пониманию сути Люблинской унии, которая, по мнению Любавского, имела парламентский характер и заключалась в учреждении совместного польско-литовского сейма¹¹¹. Прекращение существования отдельного литовского сейма приводило Любавского к выводу о прекращении в 1569 г. и самой литовской государственности.

Стоит отметить не только высокий теоретический характер работы Любавского, но и использование им широкого круга источников. Именно этот автор ввел в научный оборот много ценного материала для детального и всестороннего рассмотрения истоков литовского сейма, а отчасти также сеймиков¹¹². Любавский изучил широкий круг делопроизводственных документов литовской парламентской системы. В виде приложения им был опубликован также ряд ценнейших источников, преимущественно находившихся в Литовской метрике. Однако как повествование, так и круг использованных Любавским источников ограничился 1569 г., что было вызвано, как мы видели, определенным способом понимания сути изучаемых им правовых явлений.

Мысль о прекращении существования литовской государственности была продолжена Любавским и в следующем его труде, «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно»¹¹³. В своей работе исследователь, пытаясь объяснить заключение унии с Польшей не внешне-, а внутривосточными причинами, рассмотрел широкую панораму развития Великого княжества Литовского. Особенное место отводилось при этом изучению правовых институтов, в том числе – институтов государственной власти. Однако, опять же, несмотря на широки круг использованных Любавским источников (многие из которых были им изданы в виде приложения) представление о «крушении самобытности и самостоятельности» литовского государства

¹¹¹ Столяров А. М. История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX-начала XX века: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. Казань, 2008. С. 208.

¹¹² Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustroj i funkcjonowanie... S. 13.

¹¹³ Любавский М. К. Очерк истории...

сказалось на выборе и анализе лишь того источникового материала, который относился к периоду до заключения Люблинской унии.

Оценка Люблинской унии как конца литовской государственности высказывалась также одним из основных идеологов литовского национального движения и главным создателем литовской историографии¹¹⁴, Симонасом Даукантасом¹¹⁵. Также в его концепции истории Литвы литовско-польские отношения понимались как постоянный конфликт. Уния с Польшей и принятие христианства, по его мнению, исказили древние, языческие нравы и характер литовцев. Поляки принесли Литве феодальный гнет и барщину, которые до этого были неизвестны литовцам и проводили полонизацию населения, особенно шляхты, которая вскоре стала безразлична к судьбе народа и государства. «Литовским» остался лишь простой народ, крестьяне, которые смогли сохранить древние ценности¹¹⁶.

По мнению Даукантаса, уния с Польшей была катастрофой не только для народа, но и для государства. С заключением Люблинской унии Великое княжество Литовское потеряло свою независимость¹¹⁷. Концепция Даукантаса была принята в литовской историографии и на долго определила ее способ понимания прошлого Литвы, истории уний и польско-литовских отношений¹¹⁸. Более того, она во многом сформировала литовское самосознание и национальную мифологию, предлагая не только общий образ прошлого, но и направляя литовское национальное движение в сторону противопоставления Литвы (ограниченной до этнически литовской Жмуди и Аукштоты) и Польши¹¹⁹.

Существования отдельной, литовской государственности после Люблинской унии не отмечали также представители польской историографии второй половины XIX – начала XX вв. Польская наука долгое время

¹¹⁴ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. *Historia Litwy od czasów najdawniejszych do 1795 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. S. 357.

¹¹⁵ См.: Merkys V. *Simonas Daukantas*. Vilnius: Vaga, 1991. – 211 s.

¹¹⁶ Buchowski K. *Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. S. 43.

¹¹⁷ Dundulis B. *A historiographic survey of lithuanian-polish relations // Lithuanian Quarterly Journal Of Arts And Sciences*. 1971. Vol. 17. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://www.lituanus.org/1971/71_4_01.htm#Ref (дата обращения: 24.11.2013).

¹¹⁸ Merkys V. *Op. cit.* S. 197.

¹¹⁹ Buchowski K. *Op. cit.* S. 43-44.

рассматривала историю Литвы как часть истории Польши. Большая часть трудов этого времени, посвященных польско-литовским отношениям, касалась времен Ягеллы и Витольда, а история Литвы в более поздний период включалась в общую схему истории Польши и не являлась отдельным предметом изучения.

При этом в польской науке того времени возникли два способа интерпретации и оценки польско-литовской унии. Согласно первому, представителями которого можно считать К. Шайноху¹²⁰, М. Бобжинского¹²¹, С. Смольку¹²², А. Прохаску¹²³ или А. Левицкого¹²⁴, уния являлась воплощением цивилизационной миссии Польши – продвижения на Восток европейской культуры и ее ценностей. Подчеркивался ее мирный характер и жизнеспособность, а сама уния выступала в качестве примера для подражания в будущем, продолжения т.н. «ягеллонской идеи». Последний из упомянутых историков был также автором концепции об инкорпорации Литвы в состав Польши в итоге заключения Кревской унии. Иначе говоря, Великое княжество Литовское, по мнению Левицкого, как самостоятельное государство было упразднено уже в 1386 г. и с этого времени являлось частью Польши. Совершенно противоположную точку зрения высказывал создатель «краковской школы» в польской историографии, Ю. Шуйски, критически оценивающий унию с Великим княжеством Литовским. По его мнению, именно Литва, из-за сильной позиции магнатов, была одним из источников деградации польского государственного строя и расширения анархии, которая в конечном итоге привела к разделам Польши. Стоит отметить, что мысль о том, что усиление позиции магнатов в Речи Посполитой в XVII-XVIII вв. связано с влиянием литовских образцов, довольно широко распространилась в польской историографии.

Следует подчеркнуть, что большинством исследователей XIX – начала XX вв., несмотря на различие политических и идейных установок (а иногда их

¹²⁰ Szajnocha K. *Jadwiga i Jagiełło...*

¹²¹ Bobrzyński M. *Op. cit.*

¹²² Smolka S. *Rok 1386...*; *idem. Kiejstut i Jagiełło...*; Смолька был при этом первым польским историком, который вступил в полемику с тезисом о русском характере Великого княжества литовского; см. также: Maternicki J. *Stanisław Smolka – powrót historiografii polskiej do mitu jagiellońskiego // Przegląd Humanistyczny. 1989. № 1. S. 83-101.*

¹²³ Prochaska A. *Ostatnie lata Witolda...*; *idem. Król Władysław Jagiełło...*; *idem. Dzieje Witolda w. księcia Litwy...*

¹²⁴ Lewicki A. *Powstanie Świdrygiełły...*; *idem. Nieco o Unii...*

прямую противоположность), Люблинская уния рассматривалась как момент прекращения существования отдельного, суверенного литовского государства. Именно 1569 г. завершал функционирование литовских институтов государственной власти. Подобные взгляды мы видим не только в общих работах, посвященных истории Литвы, но и в работах более частного характера, таких как, например, названные нами исследования российских дореволюционных историков правовой и институциональной системы Великого княжества. Неслучайно даже работы Н.А. Максимейко или М.К. Любавского были доведены лишь до 1569 г. Таким образом, вне поля интереса этих исследователей оставались особенности функционирования институтов государственной власти Великого княжества Литовского после Люблинской унии.

Следует отметить, что подобный способ видения роли и места Литвы в структуре Речи Посполитой (т.е. упразднение литовской государственности и, следовательно, литовских органов государственной власти) связан во многом с кругом источников, к которым обращались вышеуказанные исследователи. Делопроизводство парламентской системы Великого княжества, в том числе и сеймиковые документы, частично использованные в работах Н.А. Максимейко и М.К. Любавского, в целом не были введены в научный оборот. При этом, даже два указанных исследователя ограничились изучением источникового материала в период до заключения Люблинской унии, оставляя вне своего внимания делопроизводство литовской парламентской системы после 1569 г.

Существенный поворот в историографии Великого княжества Литовского и его политических и правовых институтов был связан с работами дореволюционных российских исследователей: известного историка права, Федора Ивановича Леонтовича и профессора Юрьевского университета, Ивана Ивановича Лаппо. Именно их работы позволили по иному определить не только место и роль Великого княжества Литовского в структуре государственной власти Речи Посполитой, но и пересмотреть устоявшийся взгляд на Люблинскую унию как конец существования литовской государственности.

Указанная нами идея была высказана еще в первой половине XIX в. Теодором Нарбуттом. Автор, по образованию и профессии инженер, собиратель древностей и издатель многих документов по истории Литвы (часть из которых до сих пор подозревается в фальсификации¹²⁵), издал девятитомную работу «История старожитная литовского народа»¹²⁶, посвященную истории Литвы до 1572 г. Нарбутт считал, что уния с Польшей соответствовала глубочайшим интересам Литвы. Как Кревская уния дала ей возможность защиты перед агрессией ордена крестоносцев, так и Люблинская уния спасала Великое княжество от агрессии со стороны Москвы и потери независимости. В этой ситуации Люблинская уния, «торжественное и добровольное соединение двух прославленных народов», обеспечила Литве относительную независимость в рамках совместного польско-литовского государства¹²⁷.

Идеи Нарбутта были встречены враждебно как российскими, так и польскими историками того времени. Последние стали обвинять его в «провинциальном сепаратизме». Несмотря на явные ошибки и недочеты Нарбутта (как фальсифицирование источников или введение мифологических и чисто легендарных персонажей), «существенной причиной неприятия польскими учеными предлагаемого Нарбуттом видения истории Литвы являлся фундаментальный тезис его изложения о том, что литовский народ в полной мере являлся субъектом истории. Выдвижение данного тезиса было *novum* в мышлении об историческом прошлом Великого княжества Литовского»¹²⁸. Тем не менее, концепции Нарбутта были отвергнуты также зародившемся литовским национальным движением, для которого неприемлемой была идея о связях Литвы с Польшей, а также по чисто формальному признаку – сочинения Нарбутта были написаны на польском языке. Таким образом, его концепция оказалась единичной и не имела влияния на дальнейшее развитие историографии.

¹²⁵ Так большинство историографии; см. например: Łowmiański H. Sfałszowany opis obwarowania m. Wilna // *Ateneum Wileńskie*. 1925. Nr. 9. S. 82-94; по-другому А. Рагаускас, который утверждает, что не существует доказательств проводимой Нарбуттом фальсификации, а сам автор просто безкритически относился к найденным источникам: Ragauskas A. Ar istorikas Teodoras Narbutas (1784-1864) buvo istorijos šaltinių falsifikuotojas? // *Acta humanitarica universitatus Saulensis*. 2009. T. 9. S. 324-335.

¹²⁶ Narbutt T. *Dzieje starożytne...*; см. также: idem. *Dzieje narodu litewskiego...*

¹²⁷ Idem. *Dzieje starożytne...* T. 9. Wilno: Antoni Marcinowski, 1841. S. 445.

¹²⁸ Włachowska K. *Op. cit.* S. 113.

Такую роль сыграли лишь работы упомянутых уже Ф.И. Леонтовича и И.И. Лаппо. Леонтович, автор многих работ по истории литовского права¹²⁹, в своем труде, посвященном характеристике вечей, сеймиков и сеймов в Великом княжестве Литовском¹³⁰, подверг сомнению устоявшийся взгляд о прекращении существования литовской государственности после Люблинской унии. По его мнению, «сплочение, созданное Люблинской унией не имело характера полной инкорпорации Литвы с Польшей, не отменяло в корне старую политическую и административную автономию, какой пользовалось Литовское княжество до Люблинской унии»¹³¹. Леонтович указывал при этом на существование ряда правовых институтов, определяющих особенности функционирования Великого княжества в рамках Речи Посполитой. Среди них отмечал наличие собственной системы материального (местного) права, административных и судебных органов, армии и казны.

Леонтович, подвергая критике состояние научных исследований по истории литовских представительных органов, указал на факт, что даже ценные работы М.К. Любавского и Н.А. Максимейко доведены лишь до 1569 г. и не затрагивают период после заключения Люблинской унии¹³². Однако в своем исследовании Леонтович ограничился лишь общей характеристикой литовской парламентской системы, в том числе разных видов сеймиков. Также круг изученных Леонтовичем источников оказался довольно узким – его работа основана преимущественно на положениях III Литовского Статута и сеймовых конституций, а сеймовое делопроизводство не использовано им вообще.

Несомненно, важнейшим достижением дореволюционной российской науки являлись труды Ивана Ивановича Лаппо, автора ряда работ, посвященных литовским правовым институтам¹³³, который, однако, после революции оказался в Праге, а потом в Каунасе.

¹²⁹ Леонтович Ф. И. Русская Правда...; тот же. Очерки истории...; тот же. Сословный тип...; тот же. Рада великих князей...

¹³⁰ Тот же. Веча, сеймы и сеймики...

¹³¹ Там же // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1910. № 3. С. 51.

¹³² Там же // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1910. № 2. С. 233-234.

¹³³ Лаппо И. И. Земский суд...; тот же. Подкоморский суд...; тот же. Гродский суд...

Его работы по сегодняшний день сохранили свою научную ценность. Особенно важным трудом для развития исследований по литовским сеймикам стали две его монографии: «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория»¹³⁴ и «Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик»¹³⁵. В первой из них Лаппо рассмотрел широкий круг вопросов, связанных как с внутренней политической ситуацией в Великом княжестве, так и с польско-литовскими отношениями в 1569-86 гг. Во второй автор проанализировал сеймик как основной институт повета в Великом княжестве, дав широкую панораму деятельности разных видов сеймиков. В межвоенный период, уже работая в независимой Литве, Лаппо издал также монографию, посвященную III Литовскому Статуту¹³⁶.

По мнению Лаппо даже после Люблинской унии Великое княжество Литовское сохранило определенную политическую и государственную самостоятельность. Об этом должно было свидетельствовать не только поведение представителей Литвы, в котором постоянно проявлялось осознание «своей особенности и политического значения своего народа, отдельно стоящего от народа польского»¹³⁷, но и целый ряд правовых институтов, главным из которых Лаппо считал III Литовский Статут. Именно в нем, по мнению исследователя, содержались нормы, определяющие и закрепляющие юридически самостоятельность Литвы. Благодаря нормам Статута, Великое княжество не только фактически, но и юридически, имело определенную долю государственного суверенитета, что позволяет говорить о сохранении литовской государственности после Люблинской унии.

Хотя некоторые наблюдения Лаппо уточнялись последующими историками, его работа до сих пор остается одной из основных позиций библиографии, посвященной литовским сеймикам¹³⁸. Стоит отметить широкий круг источников,

¹³⁴ Тот же. Великое княжество Литовское за время от заключения...

¹³⁵ Тот же. Великое княжество Литовское во второй половине...

¹³⁶ Тот же. Литовский статут...

¹³⁷ Тот же. Великое княжество Литовское за время от заключения... С. 222.

¹³⁸ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego (połowa XVI – koniec XVIII w.)... S. 101.

рассмотренных исследователем. В поле его внимания оказалось также делопроизводство парламентской системы Великого княжества. Однако внимание Лаппо было сосредоточено, главным образом, на времени до конца правления Стефана Батория и принятия III Литовского Статута. Таким образом, также в работах этого исследователя основной корпус сеймикового делопроизводства в период правления двух первых королей из династии Вазов оказался незатронутым.

Основной тезис Лаппо, несмотря на отдельные уточнения, касающиеся более детальных проблем, был поддержан Александром Евгеньевичем Пресняковым в вышедших только в 1939 г. «Лекциях по русской истории», основой которых стал текст лекций, читаемых автором еще в дореволюционное время в Петербургском университете. Пресняков утверждал, что условия унии являются доказательством того, что она «не могла закончить историю особой литовской государственности»¹³⁹. Автор указывал на существование ряда собственно литовских правовых институтов, считая при этом, что более прочные основы для существования совместного государства, чем сама уния, придала деятельность Стефана Батория и следующих правителей. Однако свое повествование Пресняков довел лишь до утверждения III Литовского статута в 1588 г., оставляя вне своего внимания последующий период.

Достижения российской дореволюционной науки во многом резюмировал Владимир Иванович Пичета в статье, посвященной отношению литовской шляхты к унии с Польшей¹⁴⁰. Он разделял представления о том, что Великое княжество Литовское после 1569 г. «сохранило в некотором отношении автономию», проявления чего усматривались им в наличии отдельных органов, а также судебной и правовой систем. Несмотря на это, работа исследователя была также доведена лишь до 1569 г. и имела, при этом, довольно общий характер, была основана преимущественным образом на литературе. Источниковой

¹³⁹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 230.

¹⁴⁰ Пичета В. И. Указ. соч.

материал, тем более делопроизводство парламентской системы Великого княжества, почти не были учтены.

Исключением из общего образа польской историографии, настаивавшей на упразднении литовской государственности в итоге унии с Польшей, являлась монография С. Кутшебы, посвященная истории государственного строя Польши. В ее втором томе, посвященном истории государственного строя Литвы, целая третья глава была отведена автором для описания особенностей государственных органов управления в Великом княжестве Литовском после Люблинской унии, которую Кутшеба характеризовал как реальную унию, которая оставляла Литве государственную независимость. Среди институтов, свидетельствующих о государственном суверенитете Литвы, автором указывались отдельные литовские съезды, генеральные сеймики, центральные должности, Литовский трибунал и отдельная система материального права в виде III Статута¹⁴¹. Работа Кутшебы была выполнена в методологии истории права и носит синтетический характер. Не удивительно поэтому, что особенностям функционирования литовских институтов государственной власти дана лишь общая характеристика, при чем широкие хронологические рамки исследования (до принятия Конституции 3 мая в 1791 г.) сделали невозможным детальное отображение всех нюансов в интересующий нас период. При этом работа Кутшебы, что вполне понятно, основана скорее на литературе, в том числе на вышеуказанных сочинениях российских историков, в первую очередь на трудах И.И. Лаппо, и не является анализом источникового материала, в том числе – делопроизводства парламентской системы Великого княжества.

Мысль о непосредственном включении Великого княжества Литовского в состав Польши и его прямом подчинении не принималась также межвоенной литовской историографией. С опровержением данной концепции выступили А. Шапока¹⁴² и З. Ивинскис¹⁴³. Особенно важны в этом плане работы первого автора, в первую очередь его монография о литовско-польских отношениях после

¹⁴¹ Kutrzeba S. Op. cit.

¹⁴² Šapoka A. Valstybiniai...; idem. Lietuva ir Lenkija...

¹⁴³ Ivinskis Z. Op. cit.

Люблинской унии. Шапока утверждал, что даже после 1569 года Великое княжество Литовское продолжало существовать как самостоятельный субъект. Много внимания исследователь уделил разного рода отличиям, существующим между Польшей и Литвой, в том числе положениям Литовского Статута.

Из других трудов представителей межвоенной литовской науки можно отметить работы А. Янулайтиса¹⁴⁴ и Л. Шабунаса¹⁴⁵, посвященные Литовскому Трибуналу. Однако основанные практически исключительно на нормативном материале, сегодня они уже не представляют собой большой научной ценности¹⁴⁶. Более ценной является монография эмиграционного литовского историка, К. Авижиониса, написанная уже после Второй мировой войны и посвященная изучению роли шляхты в политической жизни в период правления Вазов¹⁴⁷.

В более общих работах уния с Польшей оценивалась литовскими историками резко негативно. Польско-литовские отношения понимались как постоянное противостояние и борьба за независимость. Несомненно, на такое понимание исторического процесса сильно влияла публицистика и отнюдь не дружественные политические отношения, сложившиеся между странами в тот период¹⁴⁸.

К сожалению, советская историография не продолжила богатых традиций дореволюционной российской науки, хотя изначально, до середины 30-ых гг., свою деятельность продолжала часть выдающихся ученых, в том числе М.В. Довнар-Запольский, А.Е. Пресняков или В.И. Пичета. Кроме того, изначально провозглашенный в 20-ые гг. официальный курс на «белорусизацию» и «украинизацию» советских республик даже в определенной мере способствовал развитию собственных научных школ.

¹⁴⁴ Janulaitis A. Vyriausiasis Lietuvos Tribunolas XVI-XVIII amž. Kaunas: Valstybės spaustuvė, 1927. – 171 p.

¹⁴⁵ Šabūnas L. Didžiosios Lietuvos Kunigaikštystės Išdo tribunolas (1613-1764). Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto Teisų fakulteto leidinys, 1936. – 100 p.

¹⁴⁶ Zakrzewski A. B. Wielkie Księstwo Litewskie... S. 14.

¹⁴⁷ Avižonis K. Bajorai valstybiniame Lietuvos gyvenime Vazų laikais. Roma: Lietuvių Katalikų Mokslo Akademija, 1975. – 614 s.

¹⁴⁸ Buchowski K. Op. cit. S. 55-56.

Однако этот период относительного благополучия скоро закончился вместе с началом сталинских репрессий¹⁴⁹. В дальнейшем, интерес историографии к прошлому Литвы резко упал, а Великое княжество практически прекратило являться самостоятельным предметом изучения. Сильно ограничены были исследования в самой Литве, поэтому из послевоенной литовской историографии стоит отметить лишь работы Б. Дундулиса¹⁵⁰ и М. Ючаса, посвященные уже XVIII в.¹⁵¹ Последний, кстати, продолжил свои исследования уже после получения Литвой независимости¹⁵².

Внимание советских историков уделялось, прежде всего, социально-экономическим вопросам¹⁵³. Политическая история становилась предметом исследования гораздо реже – здесь стоит отметить работы А.Н. Мальцева¹⁵⁴, А.П. Игнатенко¹⁵⁵, А.С. Абецедарского¹⁵⁶ или монографию «Воссоединение Украины с Россией»¹⁵⁷. К сожалению, указанным работам была присуща сильная идеологическая составляющая – в них Великое княжество Литовское рассматривалось как государство, насильственно оторвавшее белорусские и украинские земли от России¹⁵⁸. Пожалуй, еще более схематичными являлись работы Я.Н. Мараша, в которых автор указывал на католическое насилие против Белоруссии и резкое сопротивление «народных масс»¹⁵⁹. Поскольку история развития литовских институтов государственной власти практически исчезла как предмет исследования советской историографии, источниковой материал

¹⁴⁹ См. например: Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси пострадавшие в период сталинских репрессий. Ред. А. С. Махнач. Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 120 с.; Булгакаў В. Расстраляная гістарыяграфія // Arche. 2009. № 7. С. 5-6.

¹⁵⁰ Dundulis B. Lietuvos kova dėl valstybinio savarankiškumo 15 amž. Vilnius: Mintis, 1968. – 311 s.

¹⁵¹ Ючас М. Литовская шляхта и царизм в XVIII в. (по материалам шляхетских сеймиков) // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Л.В. Черепнину. Ред. В.Т. Пашуго. М.: Наука, 1972. С. 407-414.; Jučas M. XVIII a. socialinės ir politinės problemos Lietuvos pavietų seimeliuose // Lietuvos istorijos metraštis. 1973. P. 21-37.

¹⁵² Jučas M. Parlamentaryzm litewski w XVIII wieku // Społeczeństwo obywatelskie i jego reprezentacja (1493-1993). Red. J. Bardach. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. S. 115-124; idem. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės parlamentarizmas // Lietuvos Seimas. Vilnius: Kultūra, 1996. P. 79-112; idem. Lietuvos ir Lenkijos unija (XIV a. vid. – XIX a. pr.). Vilnius: Aidai, 2000. – 391 p.

¹⁵³ Kiaura Z., Kiaurienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 365-366.

¹⁵⁴ Мальцев А. Н. Наказы белорусских...; тот же. Россия и Белоруссия...

¹⁵⁵ Игнатенко А. П. Указ. соч.

¹⁵⁶ Абецэдарскі Л. С. Указ. соч.; Абецэдарскі Л. С. Указ. соч.

¹⁵⁷ Греков И., Королов В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654. М.: Госполитиздат, 1954. – 112 с.

¹⁵⁸ Амброзьяк Т. Проблемы изучения... С. 262.

¹⁵⁹ Мараш Я. Н. Из истории борьбы...; тот же. Ватикан и католическая церковь...; тот же. Очерки истории экспансии...

парламентской системы Великого княжества в вышеуказанных работах не изучался.

История Великого княжества Литовского рассматривалась в советской историографии, прежде всего, в контексте отношений с Россией¹⁶⁰. Нельзя не отметить здесь работ Б.Н. Флоры¹⁶¹ – что важное, до сих пор активного занимающегося польско-литовско-российскими отношениями¹⁶².

Таким образом, в послевоенный период главные заслуги в изучении истории Великого княжества Литовского принадлежат польской науке, несмотря даже на то, что также в послевоенной Польше изначально существовали сильные политические и идеологические ограничения в области исследований по истории Литвы¹⁶³. Часть историков оказалась в эмиграции. Ярким примером этому являлся О. Халецки, начавший свою деятельность еще в начале XX в.¹⁶⁴. Его исследования, основанные на богатом архивном материале, хотя не лишены яркой политическо-идейной оценки, во многом сохранили свою научную ценность даже по сегодняшний день¹⁶⁵. Даже те ученые, которые пережили войну и продолжали заниматься наукой в Польше, вынуждены были обратиться к новым темам исследований, не только из-за существенных потерь собранных до войны материалов, но также в силу цензуры. Только после политической оттепели 1956 г. ситуация начала постепенно улучшаться¹⁶⁶.

Сильным центром исследований по истории Великого княжества Литовского стал Университет Адама Мицкевича в Познани, где была создана

¹⁶⁰ См. например: Заборовский Л. В. Указ. соч.

¹⁶¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос...; тот же. Русско-польские отношения и политическое развитие...

¹⁶² Тот же. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М.: Индрик, 2005. – 416 с.; тот же. Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М.: Индрик, 2010. – 656 с.; тот же. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. – 448 с.

¹⁶³ Kosman M. Parlamentaryzm Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle najnowszych badań // Zapiski Historyczne. 2005. T. 70. Z. 4. S. 92-93.

¹⁶⁴ Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1-2. Kraków: Akademia Umiejętności, 1919-1920; idem. Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe W. Ks. Litewskiego // Rozprawy Wydziału Historyczno-Filozoficznego AU. 1916. T. 59. S. 214-254; idem. Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego przez Polskę (1386-1401) // Przegląd Historyczny. 1917. T. 21. S. 1-77; idem. Witold // Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Warszawie. T. 1. Lwów: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1930. S. 153-168.

¹⁶⁵ Dundulis B. A. historiographic survey...

¹⁶⁶ Zakrzewski A. B. Wielkie Księstwo Litewskie... S. 16-17.

школа Г. Ловмянского¹⁶⁷ и его ученика Е. Охманьского, который был автором общей работы по историю Литвы¹⁶⁸. Авторами ценных работ были М. Косман¹⁶⁹ и Я. Юркевич¹⁷⁰. Особенно следует отметить труды Г. Блашчыка, автора монографии по истории жмудского епископства, а также исторической географии Жмуди и, в целом, Великого княжества Литовского¹⁷¹. Последняя работа выходит далеко за рамки узко понимаемой исторической географии и является скорее основанным на широком круге исследований «путеводителем» по истории Литвы. Блашчык является также автором общей работы по истории Великого княжества Литовского со смерти Казимира Ягеллончика до заключения Люблинской унии, а также многотомного труда по истории польско-литовских отношений, доведенного, к сожалению, пока лишь до 1492 г.¹⁷². В своих работах автор демонстрирует критический подход к литературе, не стесняясь подвергать сомнениям утвержденные в польской науке положения, в том числе вопрос о существовании литовской государственности после Кревской унии.

С познаньской школой связан – через ученика Г. Ловмянского, С. Александровича, сфера научных интересов которого касается картографии и функционирования городов в Великом княжестве Литовском¹⁷³ – торуньский Университет Николая Коперника. В основном можно выделить два направления торуньских исследований, оба весьма значимые: биографии представителей литовской и русской магнатории и государственных деятелей¹⁷⁴, а также история

¹⁶⁷ Łowmiański H. *Studia nad dziejami...*

¹⁶⁸ Ochmański J. *Op. cit.*; см. также: Alexandrowicz S. «Szkoła» Profesora Henryka Łowmiańskiego // *Profesor Henryk Łowmiański - życie i dzieło: materiały z sesji naukowej, poświęconej dziesiątej rocznicy śmierci Uczzonego* (Poznań, 7-8 X 1994 r.). Red. A. Kijas, K. Pietkiewicz. Poznań: Instytut Historii UAM, 1995. S. 73-84; Błaszczyk G. *Poznań as a Centre of Lithuanian Studies in the 19th and 20th Centuries // History, Culture and language of Lithuania: proceedings of the International Lithuanian Conference, Poznań 17-19 september 1998*. Ed. G. Błaszczyk, M. Hasiuk. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2000. P. 91-108.

¹⁶⁹ Kosman M. *Orzeł i Pogoń...*; idem. *Reformacja i kontrreformacja...*; idem. *Political Culture in Lithuania...*

¹⁷⁰ Jurkiewicz J. *Polonizacja językowa szlachty...*

¹⁷¹ Błaszczyk G. *Żmudzka w XVII i XVIII wieku...*; idem. *Diecezja żmudzka od XV do początku XVII w.: uposażenie...*; idem. *Diecezja Żmudzka od XV do początku XVII wieku: ustrój...*; idem. *Geografia historyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego...*

¹⁷² Idem. *Litwa na przełomie...*; idem. *Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych...*; idem. *Dzieje stosunków polsko-litewskich...*

¹⁷³ Alexandrowicz S. *Kartografia Wielkiego Księstwa Litewskiego...*; idem. *Studia z dziejów miasteczek...*

¹⁷⁴ Kempa T. *Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1526-1608): wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. – 288 s.; idem. *Mikołaj Krzysztof Radziwiłł „Sierotka” (1549-1616) – wojewoda wileński*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe "Semper", 2000. – 381 s.; idem. *Urzednicy i klienci Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła „Sierotki” // Lituano-Slavica Posnaniensia*. 2003. T. IX. S. 193-221; Czwołek A. *Konflikt Lwa Sapiehy, wojewody wileńskiego i Krzysztofa Radziwiłła, hetmana polnego litewskiego na tle problemów militarnych i*

религиозных отношений¹⁷⁵. Особенно много ценной информации приносят детальные работы Т. Кемпы и А. Чволка, которые указывают на практику функционирования государственных институтов, в том числе парламентской системы Речи Посполитой. Следует упомянуть также монографию о функционировании пильтынского сеймика, автором которой является Б. Дыбась¹⁷⁶, а также работы Д. Михалюк касающиеся пограничных конфликтов между Коронай и Литвой¹⁷⁷.

В силу того, что литовская парламентская система являлась частью общей системы Речи Посполитой, существенное значение для данного исследования имеют работы, рассматривавшие строй и практику функционирования сейма, а также монографии, посвященные сеймам разных лет. Данной тематикой в польской историографии занимались в первую очередь представители вроцлавско-опольской школы: ее основатель В. Чаплинский¹⁷⁸, Я. Былинский¹⁷⁹, Я. Доробиш¹⁸⁰, А. Филипчак-Коцур¹⁸¹, В. Качоровски¹⁸², Я. Квак¹⁸³, С. Охманн¹⁸⁴,

politycznych Rzeczypospolitej w latach 1625-1633 (cz. 1) // *Czasy Nowożytnie*. 2003. T. 15. S. 107-175; idem. Piórem i buławą: działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. – 734 s.; Łabędź P. Działalność wojskowa Krzysztofa Radziwiłła Pioruna w latach 1572-1579 // *Zapiski Historyczne*. 2011. T. LXXVI. Z. 1. S. 23-40; idem. Konflikt Krzysztofa Radziwiłła „Pioruna” z Zygmuntem III Wazą a działania wojenne w Inflantach w latach 1600–1602 // *Klio*. 2012. T. 20 (1). S. 111-140.

¹⁷⁵ Kempa T. Wobec kontrreformacji: protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku, Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – 624 s.; Zielecka W. Prawosławni i unicy w Rzeczypospolitej XVI-XVIII wieku wobec życia i śmierci w świetle testamentów. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2012. – 361 s.

¹⁷⁶ Dybaś B. Na obrzeżach Rzeczypospolitej: sejmik piltyński w latach 1617-1717 (z dziejów instytucji stanowej). Toruń: Wydawnictwo UMK, 2004. – 347 s.

¹⁷⁷ Михалюк Д. Памежныя спрэчкі паміж Каронай і Вялікім Княствам Літоўскім у 16-17 стст. на прыкладзе Мельніцкай і Берасцейскай земляў // *Гістарычны Альманах*. 2001. Т. 5. С. 23-53; Michaluk D. Inkorporacja Podlasia do Korony Królestwa Polskiego w 1569 roku // *Unia lubelska: idea i jej kontynuacja*. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej. Red. L. Glemża, R. Śmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. P. 142-156.

¹⁷⁸ Czapliński W. Władysław IV i jego czasy. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1972. – 398 s.; idem. Dwa sejmy w roku 1652. Studium z dziejów rozkładu Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII wieku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1955. – 185 s.

¹⁷⁹ Byliński J. Sejm z roku 1611. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. – 246 s.; idem. Dwa sejmy z roku 1613. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984. – 278 s.

¹⁸⁰ Dorobisz J. Sejm nadzwyczajny z 1624 r. Opole: OTPN, 1994. – 110 s.

¹⁸¹ Filipczak-Kocur A. Sejm zwyczajny z roku 1629. Warszawa-Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. – 141 s.

¹⁸² Kaczorowski W. Sejmy konwokacyjny i elekcyjny w okresie bezkrólestwa 1632 r. Opole: Instytut Śląski, 1986. – 397 s.; idem. Senatorowie na sejmach z lat 1587/1588-1609 // *Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Historia*. 1990. XXVII. S. 17-58.

¹⁸³ Kwak J. Sejm warszawski 1626 roku. Opole: WSP, 1986. – 139 s.

¹⁸⁴ Ochmann S. Sejmy z lat 1615-1616. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. – 235 s.

Я. Жоньца¹⁸⁵ или Я. Середыка¹⁸⁶. Последний ученый является также автором многих детальных работ, посвященных непосредственно Великому княжеству Литовскому и польско-литовским отношениям¹⁸⁷. Стоит упомянуть также работы А. Филипчак-Коцур, сфера научных интересов которой касается скорее не парламентаризма, а литовской и коронной казны, функционирование которых иногда было напрямую связано с текущей политикой и состоянием польско-литовских отношений¹⁸⁸.

Нельзя забывать и о вкладе в польскую историографию ученых, связанных с Варшавой. В первую очередь стоит указать на работы Ю. Бардаха и Г. Виснера.

Юлиуш Бардах, закончивший еще в межвоенный период Университет Стефана Батория в Вильнюсе, где познакомился в частности с Я. Адамусом и Г. Ловмянским, заслуженно считается «Нестором» польских исследований по истории права и государственного строя¹⁸⁹. Среди множества (около 600) его трудов важную роль играли работы, посвященные Великому княжеству Литовскому – трем Литовским статутам¹⁹⁰, униям Литвы с Польшей¹⁹¹ и проблематике национальной и культурной идентичности¹⁹². Ученый исследовал их в европейском контексте, учитывая например влияние римского права на развитие государственных и правовых институтов. Литовские Статуты изучались

¹⁸⁵ Rzońca J. Ostatni sejm przed Cecorą (w 1619 r.) // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. 1983. Z. 20. S. 5-79; idem. Sejmy z lat 1597 i 1598. Cz. 1: Bezowocny sejm z 1597 roku. Warszawa-Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 117 s.; Cz. 2: Ostatni sejm Rzeczypospolitej w XVI wieku. Opole: Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1993. – 93 s.

¹⁸⁶ Seredyka J. Sejm z 1618 roku. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1988. – 231 s.; idem. Sejm w Toruniu z 1626 roku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966. – 193 s.; idem. Sejm zawiedzionych nadziei (1627). Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1981. – 124 s.; idem. Senatorowie Rzeczypospolitej na sejmach Zygmunta III Wazy (1587-1632) // Idem. Rozprawy z dziejów XVI i XVII wieku. Poznań: Wydawnictwo Forum Naukowe, 2003. S. 155-237.

¹⁸⁷ Idem. Konflikt między Koroną a Litwą w 1627 roku // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Historia. 1967. T. VI. S. 119-151; idem. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od unii lubelskiej do połowy XVII wieku // Świat pogranicza. Red. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górczyński. Warszawa: DiG, 2003. S. 211-218; idem. Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmy panowania Zygmunta III Wazy // Śląski Kwartalnik Historyczny „Sobótka”. 1993. T. XLVIII. Z. 2-3. S. 189-197.

¹⁸⁸ Filipczak-Kocur A. Skarb litewski za pierwszych dwu Wazów: 1587-1648. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. – 120 s.; eadem. Skarbowość Rzeczypospolitej 1578-1648: projekty, ustawy, realizacja. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2006. – 437 s.

¹⁸⁹ См. например: Orzechowski K. Szkice do portretu uczonego. O Juliuszu Bardachu w pięćdziesięciolecie twórczości // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1985. T. 37. Z. 2. S. 1-41; Sójka-Zielińska K. Juliusz Bardach – profesor Uniwersytetu Warszawskiego, historyk prawa (w pięćdziesięciolecie pracy naukowej) // Kronika Warszawa. 1986. Nr 3-4. S. 17-27.

¹⁹⁰ Bardach J. Zatwierdzenie III Statutu litewskiego...; idem. Geneza romanizacji II Statutu litewskiego...; idem. O I Statucie litewskim...; idem. Z najnowszych badań nad historią...; idem. Problematyka III Statutu litewskiego...

¹⁹¹ Idem. Krew i Lublin...; idem. O dawnej i niedawnej Litwie...; idem. Od aktu w Krewie do Zaręczenia...; idem. Konstytucja 3 maja a unia...; idem. Konstytucja 3 maja a Zaręczenie...

¹⁹² Idem. Od narodów politycznych...; idem. Wieloszczeblowa świadomość narodowa...

им не только как памятник права, но также свидетельство определенного уровня развития культуры. Бардах придерживался тезиса о существовании определенных различий между Короной и Великим княжеством Литовским, а «политическая нация» Литвы не только осознавала эти различия, но и выступала за их сохранение. Указывая на значение культурного влияния и языковой полонизации литовской шляхты, исследователь подчеркивал, что это отнюдь не означало потери самосознания. По мнению Бардаха, процесс формирования нации был намного более сложным, а сознание литвинов являлось двух- или даже трехуровневым, а отличительные черты Речи Посполитой и ее политической и правовой культуры во многом определили ход национальных процессов в XIX и даже XX веках.

Второй из упомянутых исследователей, Г. Виснер, внесший не меньший вклад в развитие польской историографии, является автором многих детальных работ по истории Литвы и польско-литовских отношений¹⁹³, проблематике развития литовских государственных институтов власти¹⁹⁴, а также деятельности представителей рода Радзивиллов¹⁹⁵. Виснер определил при этом главные проблемы в польско-литовских отношениях и позиции литовских сеймиков, однако посвященные этой проблематике работы имели скорее обобщающий характер. При этом, ряд утверждений автора нуждается в критическом пересмотре. Несомненным вкладом Виснера было введение в научный оборот многих новых источников. Именно он первым настолько детально использовал архивные материалы из непольских архивов, в том числе из Российской национальной библиотеки (Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина). В том числе, Виснером были использованы и литовские сеймиковые инструкции. Однако автор использовал данный источниковый материал лишь частично, концентрируясь при этом лишь на выявлении его формального содержания, не рассматривая контекста и факторов,

¹⁹³ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski...; idem. Naprawa państwa w uchwałach sejmików...; idem. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec unii...

¹⁹⁴ Idem. Przedsejmowy sejmik nowogrodzki...; idem. Sejmiki litewskie w czasach Zygmunta III...

¹⁹⁵ Idem. Janusz Radziwiłł...; idem. Kilka uwag o stronictwie...; idem. Król i książę...; idem. Litwa wobec rokoszu...

которые оказали существенное влияние на выдвигаемые в литовском сеймиковом делопроизводстве постулаты.

В 70-е гг. прошлого века между Г. Виснером и упомянутым уже Я. Середыкой велась серьезная научная полемика касательно роли и характера виленской конвокации. Еще в 1968 г. Виснер коротко охарактеризовал этот орган в одной из статей. Я. Середыка же в монографии о сейме 1627 г.¹⁹⁶, а потом в отдельной статье¹⁹⁷ описал неосуществленный (и вряд ли осуществимый в принципе) план Кшиштофа II Радзивилла сорвать сейм в Варшаве и созвать отдельный литовский сейм в Вильне.

Против утверждений Середыки возразил Виснер, полагая, что виленская конвокация – а именно так ученый интерпретировал это намерение Радзивилла – отнюдь не являлась новым институтом в парламентской структуре Великого княжества Литовского. Созывалась она неоднократно уже ранее, а ее проведение зачастую было выгодно не столько литвином (которые иногда возражали против ее созыва), а скорее самому Сигизмунду III.

Отвечая на критику со стороны Виснера, Середыка доказал, что план Радзивилла выходил далеко за рамки существующих в это время институтов и сводился, хотя вряд ли целенаправленно, к возрождению отдельного литовского сейма. Тем не менее, приведенный Виснером материал позволил выяснить характер данного, специфического для Литвы парламентского института¹⁹⁸.

Несмотря на несомненную ценность детальных итогов научных изысканий Г. Ловмянского и его учеников, а также Ю. Барадаха и Г. Виснера их значимость для польской историографии заключается, прежде всего, в определении Великого княжества Литовского как отдельного предмета исследований, имеющего определенную специфику. Благодаря упомянутым ученым, история Литвы перестала рассматриваться как часть истории Польши, а польская наука стала подчеркивать двойной характер Речи Посполитой как польско-литовского государства.

¹⁹⁶ Seredyka J. Sejm zawiedzionych nadziei...

¹⁹⁷ Idem. Konflikt między Koroną a Litwą...

¹⁹⁸ Kosman M. Parlamentaryzm Wielkiego Księstwa Litewskiego... S. 97.

Важным последствием этого нового способа понимания польской наукой роли Литвы в истории Речи Посполитой является всплеск научных исследований, посвященных Великому княжеству Литовскому в конце XX – начале XXI вв. Часть работ – познаньской и торуньской школ – уже упоминалась, поэтому сейчас стоит обратиться, прежде всего, к работам варшавских исследователей А. Рахубы, Г. Люлевича и А. Закжевского.

А. Рахуба и Г. Люлевич являются авторами ценнейших для любого исследователя истории Речи Посполитой списков литовских и ливонских чиновников, депутатов Литовского трибунала, а также ряда статей в «Польском биографическом словаре»¹⁹⁹. А. Рахуба, кроме ряда специальных исследований²⁰⁰, является также автором монографии, посвященной месту Великому княжеству Литовскому в парламентской системе Речи Посполитой от заключения Люблинской унии до конца правления Августа III (1763 г.)²⁰¹.

В данной работе Рахуба подверг критическому анализу ряд утверждений не только польских, но и других исследователей. Автором подчеркивается двойственная природа Речи Посполитой, характер различий между Коронай и Литвой исследуется в широком контексте, учитывается динамика развития государственного строя и принятия польских образцов, однако, без тенденции к преувеличению. При этом Рахуба ставит под сомнение мысль о том, что уния с Литвой была главной причиной «порчи» польского парламентаризма, хотя придерживается мнения о большом влиянии представителей знати на исход литовских сеймиков. Заслугой автора является также систематизация знаний о

¹⁹⁹ Urzędnicy inflanczy XVI-XVIII wieku. Spisy. Oprac. K. Mikulski, A. Rachuba. Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. – 292 s.; Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV-XVIII wieku. Spisy. Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. – 255 s.; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo wileńskie. XIV-XVIII wiek. Red. A. Rachuba. Warszawa: DiG, 2004. – 764 s.; T. 2: Województwo trockie. XIV-XVIII wiek. Red. A. Rachuba. Warszawa: DiG, 2009. – 687 s.; T. 4: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV-XVIII wiek. Red. A. Rachuba. Warszawa: DiG, 2003. – 412 s.; Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582-1696): spis. Red. A. Rachuba. Warszawa: DiG, 2007. – 469 s.; Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1697-1794): spis. Red. A. Rachuba. Warszawa: DiG, 2004. – 448 s.

²⁰⁰ Rachuba A. Miejsca obrad sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1569-1794 // Парламентська структура ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: Матэрыялы міжнар.наук. канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск: БІП-С Плюс, 2008. С. 183-184; idem. Diety poselskie w Wielkim Księstwie Litewskim XVI-XVII wieku na przykładzie sejmiku żmudzkiego // Z dziejów kultury prawnej: studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w dziewięćdziesiątolecie urodzin. Red. M. Wąsowicz. Warszawa: Liber, 2004. S. 599-606.

²⁰¹ Idem. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie...

виленской конвокации вплоть до последних инициатив, обращенных на возрождение этого института.

Научная ценность работы А. Рахубы огромна, однако, содержание литовского сеймикового делопроизводства и изменения, происходившие в 1587-1648 гг., не являлись предметом детального анализа автора. В силу этого слабо разработанным оказался вопрос эволюции парламентской системы Великого княжества Литовского и взглядов представителей литовской шляхты в интересующий нас период. Работа выполнена в основном в фактографическом ключе, без привлечения других методов исторического исследования.

Второй из упомянутых исследователей, Г. Люевич – автор ценнейшей монографии по польско-литовским отношениям в ключевой период функционирования совместных государственных институтов – от заключения Люблинской унии до избрания Сигизмунда III²⁰². Работа посвящена исключительно политическим отношениям и описывает события, прежде всего, с литовской перспективы. На богатом архивном материале, в том числе и материале парламентского и сеймикового делопроизводства, автор рассмотрел попытки литвинов изменить несоответствующие их ожиданиям условия унии. Люевичем учитывается при этом широкий контекст, в котором развивались отношения между Коронай и Литвой – события времен первых трех бескоролевий, вместе с попытками проведения отдельного избрания великого князя литовского, а также переговоры с Габсбургами и Иваном Грозным. Автором прослеживается возникновение и развитие новых институтов, не предвиденных положениями сейма 1569 г. Период правления Стефана Батория Люевич оценивает как время укрепления унии и совместных, польско-литовских институтов, несмотря на то, что представителям Литвы так и не удалось осуществить значительную часть выдвигаемых постулатов. В целом, работа указывает широкий и весьма динамичный спектр польско-литовских отношений и является трудом, имеющим фундаментальное значение для дальнейших исследований. Однако в данном труде, основой которого является детальное представление фактографического

²⁰² Lulewicz H. Gniewów o unię...

материала, не использованы другие методы исторического исследования, а само поветствование доведено до выбора и коронации Сигизмунда III.

Несколько раньше, чем указанные работы Рахубы и Люлевича известным варшавским историком права, А. Закжевским, была написана монография по троцкому сеймику, заполняющая серьезные пробелы в научных изысканиях²⁰³. Проблематика литовских сеймиков, в отличие от коронных, за исключением упомянутых работ И.И. Лаппы, была предметом лишь частных исследований Г. Виснера и Я. Середыки. Поскольку в труде Закжевского помещена специальная глава, посвящена общим вопросам функционирования сеймиковой системы Литвы, данная монография выходит далеко за локальные рамки троцкого повета и подводит итоги научных изысканий, проведенных как самим автором, так и другими исследователями.

Особенно стоит подчеркнуть высокий теоретический уровень работы Закжевского и ее широкую источниковую базу. В данном труде сеймик троцкий, который Закжевски считает образцовым по отношению к другим литовским сеймикам, проанализирован детально и всесторонне, что делает выводы автора четкими и убедительными. При этом в случае, когда собранный материал не позволяет дать однозначное решение поставленных автором задач, Закжевски не боится указать на необходимость дальнейшей детальной разработки данной проблематики. Как справедливо отмечает М. Косман, «это свидетельствует об осторожности и научной солидности автора, который всякие обобщения – а таковых имеется много – предпочитает подтвердить детальной документацией»²⁰⁴.

Среди многих несомненно важных выводов автора следует указать на эволюцию сеймиковой системы Великого княжества Литовского в сторону укрепления позиции магнатов. Закжевски утверждает, что процесс развития сеймиков в Литве в общих чертах является схожим с эволюцией коронных сеймиков. Указывает при этом на то, что не только Корона явилась образцом для

²⁰³ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie...

²⁰⁴ Kosman M. Parlamentaryzm Wielkiego Księstwa Litewskiego... S. 100.

Литвы (что уже давно отмечалось в историографии), но приводить примеры и обратного влияния, особенно в XVIII в. В целом, монография Закжевского является, пожалуй, ценнейшим трудом по истории сеймиковой системы Великого княжества Литовского в период существования совместной Речи Посполитой. При этом работа, выполненная в ключе истории права и посвященная прежде всего юридическому характеру института сеймика как такового. В силу этого, главное внимание автора сосредоточено на вопросах организации и формальной стороне деятельности троцкого сеймика. Поскольку само содержание сеймикового делопроизводства и взгляды собравшихся на сеймиках представителей литовской шляхты играют в выводах автора менее важную роль, необходимым кажется проведение всестороннего анализа данной проблематики.

Кроме этого, варшавский ученый является также автором целого ряда более узких исследований²⁰⁵. Итоги как своих научных изысканий, так работ других исследователей, совсем недавно были представлены Закжевским в общей работе по истории права, государственного строя и общества Великого княжества Литовского в XVI – XVIII вв.²⁰⁶.

В своем труде автор поставил под сомнение ранее господствующий в историографии взгляд о существовании в Литве магнатской олигархии, а также предложил новый способ периодизации ее государственного строя. По мнению Закжевского, период с конца XIV в. вплоть до заключения Люблинской унии следует назвать «периодом модернизации», а с 1569 г. по 1793 г. – «периодом Речи Посполитой», в котором автор особо выделяет 1764-1793 гг. как период «становления конституционной монархии и ускоренной унификации». Ученый обращает внимание на рецепцию в Литве западных политических и правовых идей, а также на взаимное влияние коронных и литовских образцов. Ряд положений автора, однако, основан на ранее высказанных положениях

²⁰⁵ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego (połowa XVI – koniec XVIII w.)...; idem. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec odrębności...; idem. Kierowanie obradami sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego...; idem. Marszałek powiatowy Wielkiego Księstwa Litewskiego...; idem. Osiągnięcia i problemy badań...

²⁰⁶ Idem. Wielkie Księstwo Litewskie...

Г. Виснера, которые, как уже отмечалось, нуждаются в критическом переосмыслении.

В том же 2013 г. Д. Конечной была издана следующая монография по отдельно взятому литовскому сеймику – брестскому. Несомненным достоинством работы является введение в научный оборот ряда ранее не использованных источников из Национального исторического архива Белоруссии в Минске. Что касается теоретических приемов и конструкции работы, то во многом, особенно при анализе вопросов, общих для всех видов брестских сеймиков, она опирается на монографию Закжевского по троцкому сеймику. Интересны наблюдения автора касательно роли брестского сеймика в принятии коронных образцов, что, по мнению Конечной, было обусловлено географическим положением повета как пограничного с Коронной. Самому анализу содержания сеймикового делопроизводства, к сожалению, существенная роль не отведена.

Несомненный всплеск интереса польских исследователей к изучению истории Великого княжества Литовского, в том числе его институтов государственной власти, сопровождался (хотя с определенной задержкой) возникновением и бурным развитием литовской и белорусской историографии. В новейшей литовской науке стоит обратить внимание, кроме упомянутых уже работ М. Ючаса, на исследования А. Тыли, посвященные функционированию литовской казны²⁰⁷, а также монографию А. Василюскаса по влиянию клиентальных связей на деятельность сеймиков ВКЛ²⁰⁸. Ценными являются также работы, затрагивающие более узкие темы. Так Р. Юргайтис представил отношение виленского сеймика к проблемам Вильны в XVIII в.²⁰⁹. Г. Слесориюнас охарактеризовал ход жмудского сеймика в 1693 г.²¹⁰, а Р. Кальвинскас – деятельность ковенского сеймика во время Великой Северной войны²¹¹. З. Киаупа

²⁰⁷ Tyla A. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės izdas per dvidešimtmetį karą (1648–1667). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras, 2010. – 400 p.; idem. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės izdas: XVI amžiaus antroji pusė – XVII amžiaus vidurys. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2012. – 224 p.

²⁰⁸ Vasiliauskas A. Op. cit.

²⁰⁹ Jurgaitis R. Op. cit.

²¹⁰ Sliesoriunas G. Op. cit.

²¹¹ Kalvinskas R. Op. cit.

представил отношение шляхты ВКЛ к Литовской метрике²¹², а А. Рагаускас – право виленских мещан на участие в деятельности сейма²¹³.

Также в белорусской историографии в последнее время было написано немало интересных работ по истории литовского парламентаризма. Среди белорусских историков особенно стоит упомянуть исследования минского ученого, А. Радамана, который является автором целого ряда работ по истории новогрудского повета, его шляхты и функционирования новогрудского сеймика²¹⁴. Кроме этого, деятельности литовских сеймиков посвящены некоторые работы В. Галубовича²¹⁵ и У. Падалинского²¹⁶. Последний из упомянутых исследователей является также автором работ по политической культуре литовской шляхты²¹⁷. Функционированием литовских сеймиков, но уже в XVIII в., занимается также А. Мацук²¹⁸.

Существенное значение для данного исследования имеет литература, посвященная коронным сеймикам, которая дает богатый сравнительный материал для исследования места Великого княжества Литовского в парламентской системе Речи Посполитой. Вопросы, связанные с функционированием сеймиков Короны, разработаны в литературе намного лучше. Поэтому в этом месте можно лишь указать главные работы, посвященные данной проблематике.

Исследования строя и деятельности коронных сеймиков велись еще до Первой мировой войны А. Павиньским²¹⁹, Ю. Семеньским²²⁰, Г. Ходыницким²²¹ и

²¹² Kiaupa Z. Lietuvos Metrika...

²¹³ Ragauskas A. Vilniaus miestiečių valdančiojo...

²¹⁴ Radaman A. Samorząd sejmikowy w powiatach...; Радаман А. Вайсковыя шляхецкія з'езды...; тот же. Кіраванне соймакавымі паседжаннямі...; тот же. Элекцыйныя соймікі Навагародскага павета...; тот же. Інструкцыя соймака Навагародскага павета...

²¹⁵ Галубовіч В. Дзве інструкцыі паслам...; тот же. Інструкцыя рэчыцкай шляхты...; тот же. Інструкцыя полацкай шляхты...; тот же. Канфесійная праблематыка на соймаках...

²¹⁶ Падалинскі У. Павятовая палітычная эліта...; Подолинский В. Великое Княжество Литовское в системе представительных органов...

²¹⁷ Падалинскі У. Грамадская думка шляхты...; тот же. Стаўленне да вайны ў грамадскай думцы...; тот же. Ухваленне падаткаў на вальных соймах...; тот же. Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага...

²¹⁸ Мацук А. Барацьба магнацкіх групавак...; тот же. Пінскі соймкі у трыбунальскай кампаніі...

²¹⁹ Pawiński A. Rządy sejmikowe w Polsce 1572-1795 na tle stosunków województw kujawskich. Warszawa: Drukarnia Józefa Bergera, 1888. – 431 s.

²²⁰ Siemiński J. Organizacja sejmiku ziemi dobrzyńskiej // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Hist.- Filolog. Ser. II. 1906. T. XXIII. S. 260-322.

²²¹ Chodynicki H. Sejmiki ziem ruskich w wieku XV. Lwów: Towarzystwo dla Popierania Nauki Polskiej, 1906. – 119 s.

C. Соханевичем²²². В дальнейшем, исследованиям по разным аспектам данной проблематики посвятили свои работы С. Сьредневски²²³, Ю. Геровски²²⁴, Г. Ольшевски²²⁵, Б. Собуль²²⁶, Е. Влодарчык²²⁷ и А. Литыньски²²⁸. Их изыскания продолжали К. Пшыбось²²⁹, З. Травицка²³⁰, С. Ахремчик²³¹, С. Плаза²³², Ё. Хоиньска-Мика²³³, К. Мазур²³⁴, Е. Тернес²³⁵, а также уже упомянутая А. Филипчак-Коцур²³⁶. Результаты исследований по деятельности сеймиков в XVII – XVIII вв. попытался обобщить В. Кригзейсен²³⁷.

Особенно важным объектом сравнения для Великого княжества Литовского являются волынское, брацлавское и киевское воеводства, включены в 1569 г. в состав Короны. Их особенностям и отличиям от коронного права, а также политическим позициям шляхты посвященные работы как польских (Т. Кемпы²³⁸,

²²² Sochaniewicz S. Z dziejów sejmiku wiszeńskiego (1673-1732) // *Kwartalnik Historyczny*. 1915. R. XXIX. S. 17-54.

²²³ Średniowski S. *Organizacja sejmiku halickiego*. Lwów: Towarzystwo Naukowe, 1938. – 166 s.

²²⁴ Gierowski J. *Sejmik generalny Księstwa Mazowieckiego na tle ustroju sejmikowego Mazowsza*. Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1948. – 207 s.

²²⁵ Olszewski H. *Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii 1652-1763: prawo, praktyka, teoria, programy*. Poznań: UAM, 1966. – 460 s.

²²⁶ Soból B. *Sejm i sejmiki ziemskie na Mazowszu Książęcym*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. – 199 s.

²²⁷ Włodarczyk J. *Sejmiki łęczyckie*. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1973. – 336 s.

²²⁸ Lityński A. *Szlachecki samorząd gospodarczy w Małopolsce (1606-1717)*. Katowice: Uniwersytet Śląski, 1974. – 132 s.; idem. *Sejmiki ziemskie 1764-1793. Dzieje reformy*. Katowice: UŚ, 1988. – 202 s.

²²⁹ Przyboś K. *Sejmik województwa krakowskiego w czasach saskich (1697-1763)*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1981. – 178 s.

²³⁰ Trawicka Z. *Sejmik województwa sandomierskiego w latach 1572-1696*. Kielce: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1985. – 346 s.

²³¹ Achremczyk S. *Reprezentacja stanowa Prus Królewskich w latach 1696-1772. Skład społeczny i działalność*. Olsztyn: Pojezierze, 1981. – 265 s.; idem. *Życie sejmikowe Prus Królewskich w latach 1647-1772*. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego, 1999. – 222 s.

²³² Płaza S. *Sejmiki i zjazdy szlacheckie województw poznańskiego i kaliskiego: ustrój i funkcjonowanie (1572-1632)*. Warszawa-Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. – 162 s.; idem. *Płaza S. Sejmiki i zjazdy szlacheckie województwa sieradzkiego: ustrój i funkcjonowanie (1572-1632). Cz. I*. Warszawa-Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. – 157 s.

²³³ Chońska-Mika J. *Sejmiki mazowieckie w dobie Wazów*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1998. – 213 s.

²³⁴ Mazur K. *W stronę integracji...*

²³⁵ Ternes J. *Sejmik chełmski za Wazów (1587-1668)*. Lublin: Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 2004. – 200 s.

²³⁶ Filipczak-Kocur A. *Sejmik sieradzki za Wazów (1587-1668)*. Opole: OTPN, 1989. – 201 s.

²³⁷ Kriegseisen W. *Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1991. – 294 s.

²³⁸ Kempa T. *Ziemie ruskie inkorporowane do Korony w 1569 roku – odrębności prawnoustrojowe i postawy szlachty ukraińskiej (ruskiej) do połowy XVII wieku // Rzeczpospolita w XVI-XVIII wieku: państwo czy wspólnota? Zbiór studiów*. Red. B. Dybaś, P. Hanczewski, T. Kempa. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007. S. 129-148; idem. *Możnowładztwo i szlachta z Wołynia wobec unii lubelskiej (1569) // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej*. Red. L. Glemża, R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. P. 172-187.

Г. Литвина²³⁹), так и украинских историков: П. Кулаковского²⁴⁰, Ф. Сысына²⁴¹ и Н. Старченко²⁴², а также указанная выше монография К. Мазура.

Необходимо также коротко охарактеризовать литературу по данному более слабо разработанному вопросу – каким образом литовский партикуляризм находил отражение в использованной авторами источников терминологии и языке. Богатый материал для исследований по этой проблематике собран в «Словаре польского языка XVI века»²⁴³. Стоит также отметить интересные работы Б. Отвиновской²⁴⁴, Ю. Легомской²⁴⁵ и Д. Бутлер²⁴⁶.

Основное значение для дальнейших изысканий имеет, однако, монография Э. Бем-Висьневской, посвященная изучению функционирования названия «Польша» в языке XVI – XVIII вв.²⁴⁷. В своей работе Бем-Висьневская вышла далеко за рамки исследования одного лишь термина «Польша», создавая целостную методологию для дальнейшей разработки и других основных понятий польского политического языка Раннего Нового времени. В том числе, выделила и систематизировала ряд значений таких особо важных для данного исследования терминов, как «речь посполитая (respublica)», «государство» или «Литва».

По пути, предложенному Бем-Висьневской, пошел в своей монографии о функционировании волинского, киевского и брацлавского сеймиков упомянутый уже К. Мазур²⁴⁸. В частности, он проследил способ использования указанных

²³⁹ Litwin H. Równi do równych. Kijowska reprezentacja sejmowa 1569-1648. Warszawa: DiG, 2009. – 193 s.

²⁴⁰ Кулаковский П. Представництво Волинського воєводства на сеймах Речі Посполитої 1632–1647 рр. // Парламентська структура уряду у системі дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: Матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск – Наваградск, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск: Медысонт, 2008. С. 246-259.

²⁴¹ Sysyn F. Regionalism and Political Thought in Seventeenth-Century Ukraine: The Nobility's Grievance at the Diet of 1641. // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. VI. Nr 2. P. 186-190.

²⁴² Starczenko N. Unia lubelska jako legitymacja regionalizmu wołyńskiego (na przykładzie praktyki sądowej pierwszych dziesięcioleci pounijnych) // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej. Red. L. Glemża, R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. P. 201-212.

²⁴³ Słownik polszczyzny XVI wieku. T. XXI: Ofarbować-Opoślad. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992. – 558 s.

²⁴⁴ Otwinowska B. Wyraz „ojczyzna” na przestrzeni życia i twórczości Jana Kochanowskiego // Poezja. 1980. Nr 8-9. S. 52-67.

²⁴⁵ Legomska J. Państwo, naród, ojczyzna w dawnej polszczyźnie: leksykalno-semantyczny opis pojęć. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. – 179 s.

²⁴⁶ Buttler D. Rozwój semantyczny wyrazów polskich. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1978. – 275 s.

²⁴⁷ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska...; Bem E. Termin „ojczyzna” w literaturze...

²⁴⁸ Mazur K. W stronę integracji...

терминов. Проведенный им анализ подтвердил тезис о постепенной интеграции данных трех воеводств с Коронай после 1569 г.

Общую характеристику используемой литовской шляхтой политической терминологии дал Г. Виснер²⁴⁹, хотя ряд его утверждений нуждается в уточнении или пересмотре²⁵⁰. Использованию термина «Литовской Речи Посполитой» в конце XVII – начале XVIII вв. посвящена статья П. П. Романюка²⁵¹. Однако как отмечает автор, данный термин в Великом княжестве Литовском не вошел в постоянный оборот.

Проведенный анализ позволяет проследить эволюцию взглядов историографии на роль и место Великого княжества Литовского в литовско-польской унии, а в дальнейшем – в структуре совместного государства, Речи Посполитой, а также на литовско-польские отношения в Раннее Новое время. Как мы видели, эти взгляды зачастую были обусловлены вненаучными факторами, в том числе потребностями политической или национальной идеологии.

В науке XIX – начала XX вв. уния Литвы с Польшей оценивалась в основном как конец существования независимого литовского государства. В частности, Люблинская уния многими учеными рассматривалась как насильственное присоединение Великого княжества Литовского к Польше, открывающее возможность насильственной полонизации, а в представлении части российских исследователей также окатоличивания и притеснения православной церкви. Подчеркивалось сопротивление населения Литвы (определяемого, в зависимости от национальной принадлежности ученого, как литовское или русское) к описываемым процессам. Эти теоретические установки обуславливают отсутствие исследований, касающихся особенностей функционирования литовских институтов государственной власти после

²⁴⁹ Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej...

²⁵⁰ Ambroziak T. Rzeczypospolita w litewskich instrukcjach sejmikowych w latach 1587-1648. Próba analizy terminologicznej // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2013. T. LXV. Z. 2. S. 191-214.

²⁵¹ Romaniuk P. P. Op. cit.

заклучения Люблинской унии, поскольку сама литовская государственность, по мнению этих исследователей, прекратила в 1569 г. свое существование.

Несмотря на иногда весьма серьезные различия в представлениях разных исследователей, отличительной чертой польской историографии долгое время являлась тенденция к идеализации польско-литовской унии и ее значения для развития Восточной Европы, получившая ярчайшее воплощение в трудах сторонников «ягеллонской идеи». Другой особенностью польской науки стала недооценка различий между Коронай и Великим княжеством Литовским, что приводило к интерпретации истории Литвы как части истории Польши. Именно поэтому, не укладывающиеся в данную схему литовские попытки ведения самостоятельной политики рассматривались как проявления «литовского сепаратизма», направленные против единства Речи Посполитой.

Несомненным достижением дореволюционной российской историографии являлись более узкоспециализированные исследования по истории литовских правовых институтов, в том числе парламентской системы Великого княжества Литовского. В ее рамках был также разработан новый способ понимания роли Люблинской унии. Работы, прежде всего Ф.И. Леонтовича и И.И. Лаппо, обозначили определенную смену парадигм в изучении истории ВКЛ. Именно эти исследователи выдвинули мысль о том, что литовская государственность продолжала свое существование и после Люблинской унии, что сделало возможным научную разработку имевшихся у Великого княжества элементов государственного суверенитета. К сожалению, советская наука не продолжила богатых традиций в изысканиях по данной проблематике.

Хотя мысль Лаппо и Леонтовича была введена в польскую науку уже С. Кутшебой, она долго оставалась скорее исключением из господствующего представления об истории Литвы как части истории Польши. Существенный поворот в польской историографии связан с исследованиями Г. Ловмянского, Г. Виснера и Ю. Бардаха, благодаря которым Великое княжество Литовское стало отдельным предметом научных изысканий. Упомянутыми учеными учитывались, в том числе, проявления самостоятельности Литвы и особенности ее развития.

В новейшей польской историографии наблюдается всплеск интереса к изучению истории Литвы и ее парламентских институтов. Подобный интерес можно заметить в литовской и белорусской науке, что свидетельствует о несомненной актуальности данной проблематики. Однако, несмотря на ценные исследования, все же злободневными остаются слова Р. Меницкого, касательно степени ее научной разработанности: «то, что предстоит еще сделать, превышает то, что уже сделано»²⁵².

Стоит отметить, что довольно хорошо представлен в науке процесс развития литовской парламентской системы до заключения Люблинской унии. Последующий период долгое время являлся изученным в намного меньшей степени. Однако сочинения И.И. Лаппо и новейшая работа Х. Люевича, доведенные до смерти Стефана Батория и выбора Сигизмунда III Вазы, позволяют высказать мнение, что также период 1569-87 гг. является сегодня довольно хорошо представленным в науке.

На этом фоне резко отличается период правления Вазов, который до сих пор не дождался детального изучения, в том числе проведения всестороннего анализа отношения литовской шляхты к функционированию совместного государства и роли Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой. Подобный анализ должен, как нам кажется, с одной стороны учитывать особенности литовской политической культуры, структуры институтов власти и государственных традиций, с другой стороны – не должен придавать отличиям, имеющимся между Коронай и Литвой, подавляющего значения. Имеющиеся работы по этой проблематике, прежде всего статьи польских историков, носят скорее обобщающий характер и не могут полностью выполнить указанный пробел.

В том числе сложно считать достаточно изученным имеющийся материал делопроизводства литовской парламентской системы в период правления Сигизмунда III и Владислава IV. В российской науке он рассматривался лишь частично И.И. Лаппо. Однако основное внимание ученого концентрировалось, как

²⁵² Цит. по: Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 104.

было уже сказано, на периоде до смерти Стефана Батория. В польской, литовской или белорусской науке этот источниковый материал также рассматривался лишь частично, скорее по чисто формальному содержанию, без учета факторов, определяющих выдвигаемые литовской шляхтой постулаты. Все это позволяет говорить о необходимости проведения настоящего анализа.

2. Источники

2.1. Нарративные источники и корреспонденция

Важным видом используемых в диссертации источников являются нарративные источники. Их значение выходит при этом за рамки простого предоставления материала фактографического характера. Наше обращение к ним во многом связано также с формированием определенного интеллектуального климата, созданием идейной основы для политической деятельности литовской элиты в иногда непростых отношениях с коронными партнерами. В силу этого особо важными являются для нас те произведения, в которых разрабатывались моменты, определяющие собственную, литовскую идентичность, а также подчеркивались элементы государственного суверенитета Великого княжества.

При этом, для более полного представления о процессе формирования идейных начал и литовского способа понимания прошлого стоит обратиться не только к сочинениям, напрямую посвященным событиям исследуемого периода. Следует также проанализировать содержание тех произведений, хронологические рамки которых может и не вполне совпадают с рамками данной диссертации, но

имели существенное влияние на формирование собственного, литовского взгляда на историю, отражая при этом современные авторам общественно-политические споры.

Первым источником, на который стоит обратить особое внимание, является «Хроника Быховца», которая, по словам Н.Н. Улащика, «представляет собой одну из первых попыток создания истории Великого княжества Литовского»²⁵³. Хроника, в виде рукописного списка напечатанного латинскими буквами, была обнаружена в библиотеке А. Быховца И. Климашевским, который в 1830 г. издал ее небольшую часть. Четыре года спустя Быховец передал рукопись Т. Нарбутту, который в 1846 г. издал ее под названием «Хроника Быховца»²⁵⁴. После 1851 г. рукопись была утрачена²⁵⁵, что привело к обвинениям Нарбутта в фальсификации источника²⁵⁶. Однако большинство авторов придерживается мнения о его подлинности²⁵⁷.

«Хроника Быховца» была создана в первой половине XVI в. и описывает события до 1506 г., обрываясь на описании сражения под Клецком. Спорным является не только точное время ее создания, но и вопрос, по чьей инициативе это случилось. Среди инспираторов данного источника упоминаются Гаштолды, Гольшанские и Олельковичы-Слущкие. Значимость «Хроники Быховца» для нашего исследования заключается в разработке идейной линии, подчеркивающей литовскую самостоятельность, имеющую во многом антипольский характер²⁵⁸.

В полной мере самостоятельная концепция литовской истории была разработана в трудах Мачея Стрыйковского. Личность и творчество этого автора издавна притягивали внимание исследователей, как российских²⁵⁹, так и

²⁵³ Улащик Н. Н. Предисловие // Хроника Быховца. Ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1966. С. 5.

²⁵⁴ Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, dyplomatycznym, geograficznym, statystycznym, obyczajowym, archeograficznym. Wyd. T. Narbutt. Wilno: Ruben Rafałowicz, 1846. – 90 s.

²⁵⁵ Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: Наука, 1985. С. 68.

²⁵⁶ Chodynicki K. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim // Ateneum Wileńskie. 1926. Z. 10-11. S. 387-401.

²⁵⁷ Улащик Н. Н. Предисловие... С. 8.

²⁵⁸ Łatyszonek O. Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV-XVI w. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2006. Nr 25. S. 20-25.

²⁵⁹ Тихомиров И. А. О составе западно-русских, так называемых литовских летописей // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1901. № 5. С. 70-119; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М.: Наука, 1966. – 310 с.; тот же. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья: Сборник статей и материалов. Ред. С.А. Никитин. М.: Наука, 1967. С. 145-157; Rogow A. Maciej Strzykowski i historiografia

польских²⁶⁰, белорусских²⁶¹ и литовских²⁶². Родившийся в 1547 г. в Стрыкове недалеко от Ленчицы²⁶³, Стрыйковский в 60-ые гг. уехал в Литву, где нанялся на военную службу, на которой оставался, с перерывами, до конца 1573 г. Местом его службы стал Витебск, однако, не исключено, что он выполнял также определенные разведывательные задачи²⁶⁴.

Уже в это время Стрыйковский приступил к написанию своих первых трудов. В 1573 г. он завершил работу над «Описанием Европейской Сарматии», которая в 1578 г. под названием «*Sarmatiae Europae Descriptio*» была издана на латыни начальником витебского замка, итальянцем Александром Гваньини. В 1574 г. он издал в Кракове другую работу, «Гонец добродетели» («*Goniec spoty*»), содержащую в кратком виде историю Литвы и Польши и воспевающую свободу шляхты²⁶⁵. В том же году Стрыйковский вероятно был свидетелем торжественного въезда и коронации Генриха Валуа, после чего был отправлен в составе посольства Анджея Тарановского в Константинополь, возможно, опять же с разведывательными задачами²⁶⁶. Оба события послужили темой для следующих трудов автора: поэмы «Славный въезд в Краков и памяти достойная коронация Генриха Валуа» и книги «О вольности Короны Польской и Великого княжества

ukraińska XVII wieku // *Slavia Orientalis*. 1965. Т. 14. Nr 3. S. 311–329; Александров Д. Н., Володихин Д. М. «Русская хроника» Стрыйковского // *Вестник Московского Университета*. Сер. 8: История. 1993. Т. 2. С. 70–74.

²⁶⁰ Kraszewski J. I. O Strykowski i jego Kronice // *Idem*. Wilno od początków jego do 1750. Т. 1. Wilno: Józef Zawadzki, 1840. S. 417–477; Malinowski M. Wiadomość o życiu i pismach Macieja Strykowskiego // *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego*. Т. 1. Warszawa: Gustaw Leon Glücksberg, 1846. S. 1–30; Bardach J. Maciej Strykowski i jego twórczość w świetle najnowszych badań // *idem*. *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego: XIV–XVII w.* Białystok-Warszawa: Białostockie Towarzystwo Naukowe-Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. S. 68–85; Radziszewska J. Maciej Strykowski: historyk - poeta z epoki Odrodzenia. Katowice: UŚ, 1978. – 165 s.; Wojtkowiak Z. Maciej Strykowski — dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności. Poznań: UAM, 1990. – 246 s.

²⁶¹ Улащик Н. Н. Введение... С. 82–83; Глінскі Я. С. Канструяванне вобразу мінулага ў творах Мацея Стрыйкоўскага // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы: Научный сборник*. Вып. 2. Минск: РИВШ, 2009. С. 244–251; Семянчук А. Мацей Стрыйкоўскі // *Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя*. У 3 т. Рэд. Г. П. Пашкоў і інш. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2005. С. 638; Siemianczuk A. Maciej Strykowski i jego wpływy na historiografię Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku // *Senoji Lietuvos Literatūra*. 2009. Kn. 27. P. 243–271.

²⁶² Jučas M. *Lietuvos metrašciai*. Vilnius : Vaga, 1968. – 188 p.; Narbutas S. *History of the Grand Duchy of Lithuania in the works of Motiejus Strijkovskis* // *Martynas Mažvydas and Old Lithuania: Collection of Papers*. Vilnius: Pradai, 1998. P. 287–309; обращение литовской историографии к Стрыйковскому во многом связано с представлением им фольклора и языческой веры древних литовцев; см. например: Usačiovaitė E. *Motiejus Strijkovskis apie lietuvių pagonybę: aukojimas dievams* // *Kultūrologija: Istorinės vietos, atmintys, tapatumai*. Т. 18. Sud. V. Berenis. Vilnius: Lietuvos kultūros tyrimų institutas, 2010. P. 107–139.

²⁶³ Из-за этого ошибочным является распространенное в литературе мнение об его «мазовецком» происхождении; Wojtkowiak Z. *Op. cit.* S. 18–19.

²⁶⁴ *Ibid.* S. 67–69.

²⁶⁵ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 25–26.

²⁶⁶ Wojtkowiak Z. *Op. cit.* S. 71–73.

Литовского и о тяжелой неволе других народов под тиранским турецким ярмом»²⁶⁷.

После возвращения в Речь Посполитую Стрыйковский отправился в Подляшье, а оттуда – в Великое княжество Литовское, где связался с литовскими магнатами: Яном Иеронимовичем Ходкевичем, Юрием Юрьевичем Слуцким, а после его смерти со жмудским епископом Мельхиором Гедройцем, благодаря которому получил должность каноника. Поддержка со стороны магнатов позволила Стрыйковскому завершить работу над поэмой «О началах, истоках, деяниях славных рыцарских народа литовского, польского, жмудского, русского» и своим главным произведением – «Хроникой польской, литовской, жмудской и всей Руси». «Хроника» является также последним трудом Стрыйковского. Внезапное молчание автора объяснялось исследователями его скорой смертью²⁶⁸, однако К. Яблонским было выяснено, что в 1586 г. он еще занимал должность каноника и плебана в Юрборке²⁶⁹.

Стрыйковский и его труды, прежде всего «Хроника», являются первой вполне зрелой попыткой создания автономной, литовской историографической традиции. Автором использовался при этом широкий круг источников: летописи (многие из которых сегодня неизвестны), актовой материал, свидетельства очевидцев или собственный опыт. Стоит отметить, что труды Стрыйковского, хотя были предметом критической переоценки в XIX в., особенно со стороны польской литературы, в новейших работах оцениваются высоко²⁷⁰.

Однако стоит обратить внимание не только на самую историографическую ценность, но также на идейное содержание трудов Стрыйковского, которого З. Войтковяк назвал «выразителем литовских национальных интересов»²⁷¹. Как отметил А.И. Рогов, «одной из основных идей Хроники и являлось возвеличение Литвы, подтверждение ее самостоятельности, благородства и знатности ее

²⁶⁷ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 26-28.

²⁶⁸ Malinowski M. Op. cit. S. 13.

²⁶⁹ Jablonskis K. Žinutė apie Motiejų Stryikauską. // Praeitis. 1932. T. II. P. 436.

²⁷⁰ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 18-19; Radziszewska J. Op. cit. S. 10-12; Wojtkowiak Z. Op. cit. S. 5-11.

²⁷¹ Wojtkowiak Z. Op. cit. S. 216.

властителей. Мы увидим проявление этой идеи на протяжении всей Хроники»²⁷². Важным вкладом Стрыйковского являлась детальная разработка упомянутой уже в литовско-русских летописях, в том числе «Хронике Быховца», легенды о римском происхождении литовской шляхты, благодаря чему она получила широкий общественный резонанс. Автор подчеркивает при этом равноправие Литвы и Короны, в ряде случаев (как, например, при разработке генеалогии Гедиминовичей) пытаюсь опровергнуть неблагоприятные для литовской стороны положения, отображенные в польской литературе.

Несомненно, во многом подобное изложение Стрыйковским литовской истории было связано с кругом его меценатов, прежде всего занимающим довольно жесткую позицию в отношении Короны Гедройцем. Для подкрепления данного тезиса А.И. Рогов указывал также на ряд других лиц, связанных с «сепаратистской литовской тенденцией», дедикации для которых Стрыйковский поместил на картах «Хроники», прежде всего Радзивиллов и литовского великого канцлера Остафиего Волловича²⁷³. Однако, по мнению З. Войтковяка, круг лиц, дедикации которым были помещены в «Хронике», являлся настолько широким и разнообразным, что сложно говорить о его мировоззренческом единстве²⁷⁴. Несмотря на это, кажется, что разработанная Стрыйковским литовская концепция прошлого являлась идейной основой для политической линии, направленной на формирование собственной, литовской идентичности.

Несомненным является также влияние Стрыйковского на дальнейшее развитие историографии. Его труды стали основой работ многих авторов, степень зависимости которых порой являлась различной. В 1626 г. Самуэлем Довгирдом была опубликована работа «Генеалогия или короткое описание великих князей литовских»²⁷⁵, являющаяся во многом переработкой «Гонца добродетели» Стрыйковского. Однако самым известным продолжателем дела Стрыйковского

²⁷² Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 126.

²⁷³ Там же. С. 29-31.

²⁷⁴ Wojtkowiak Z. Op. cit. S. 5.

²⁷⁵ Dowgird S. Genealogia albo Krótkie opisanie Wielkich Książat Litewskich i ich wielkich a mężnych spraw wojennych, uczynione niegdyś przez Matysa Strykowskiego, a teraz odnowione i znowu na świat wydane, przez Samuela Dowgirda z Pogowia. Oprac. R. Witkowski, Z. Wojtkowiak. Poznań: Instytut Historii UAM, 2004. – 126 s.

стал иезуит Альберт Виюк-Коялович, профессор Виленской академии²⁷⁶. Он стал автором многих богословских, полемических и исторических сочинений, главным из которых стала «История литовская»²⁷⁷, изданная в 1650-69 гг. К труду Кояловича историческая наука обращалась, однако, несравнимо реже, чем к работам Стрыйковского. «История литовская» была при этом предметом совершенно противоположных оценок со стороны исследователей: от обвинений автора в несамостоятельности и простом переведении «Хроники» на латынь²⁷⁸ до признания ценности его научного инструментария и способа работы с источниками²⁷⁹. Стоит отметить существенный всплеск интереса к труду Кояловича со стороны литовской историографии в начале XXI в.²⁸⁰.

Несмотря на споры вокруг вопроса о самостоятельности работы Кояловича и границах использования им сочинения Стрыйковского, стоит отметить, что идеологическая направленность «Литовской истории» отличалась от «Хроники». В отличие от обратившегося также к традиции Киевской Руси Стрыйковского, Кояловича интересовали, прежде всего, те сюжеты, которые были связаны с римской концепцией генеалогии великих князей литовских. Задачей автора, по мнению В. Короткого, «было представить Великое княжество Литовское как государство, принадлежащее династически к западноевропейскому политическому сообществу»²⁸¹. В целом, труд Кояловича был направлен на

²⁷⁶ Dworzaczek W. Kojalowicz Wijuk Wojciech h. Kościeszka // Polski Słownik Biograficzny. T. XIII: Klobassa Zręcki Stanisław - Kopernicki Franciszek. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. S. 270-272.

²⁷⁷ Wiiuk Kojalovicz A. Historiae Lituanæ Pars prior, De Rebus Lituanorum Ante susceptam Christianam Religionem, conjunctionemque Magni Lituanie Ducatus cum Regno Poloniae Libri Novem. Dantisci: Svmptibvs Georgii Försteri, 1650. – 399 s.; idem. Historiae Lituanæ Pars Altera Seu De Rebus Lituanorum A coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Unionem eorum Dominiorum Libri Octo. Antverpiæ: Jacobus Meursius, 1669. – 496 s.

²⁷⁸ Matusas J. Ar A. V. Kojelavičius buvo garsus Lietuvos istorikas // Tiesos kelias. 1929. № 4. P. 252-255; Ионинас И. Историография Литвы // Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 122-127.

²⁷⁹ Тиунелите Я. Альберт Виюк Коялович – хронист XVII века // Acta Baltico-Slavica. 1973. T. VIII. S. 95-107; Jurginis J. Pirmoji Lietuvos istorija // Idem. Istorija ir kultura. Vilnius: Mintis, 1984. P. 115-132; Zulus V. A. Vijukas Kojalovičius ir jo „Lietuvos istorija“ // Pergale. 1959. № 11. P. 149-162.

²⁸⁰ См. детальный обзор новейшей литературы в: Бидная А. А. Два бытописца Великого княжества Литовского - Матей Стрыйковский и Альберт Виюк-Коялович в историографической традиции XIX - начала XX века // Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур: зб. навуковых артыкулаў. Рэд. Д. У. Караў. Гродна: ЮрсаПрынт, 2013. С. 58-59.

²⁸¹ Короткий В. Русь, Литва, Москва между Рюриковичами и Палемоновичами в Литовской истории Альберта Виюка-Кояловича // Senoji Lietuvos Literatura. Kn. 27. 2009. P. 278.

укрепление авторитета Великого княжества, история которого рассматривалась с литовских «патриотических» позиций²⁸².

Непосредственное значение для данного исследования имеют произведения великого литовского канцлера Альбрэхта Станислава Радзивилла. Сын великого литовского маршалка и жмудского старосты Станислава Радзивилла, внук виленского воеводы и литовского великого канцлера Миколая «Черного» Радзивилла, родился 1 июля 1593 г. Его воспитателем, после скорой смерти родителей, стал дядя, Миколай Кшиштоф «Сиротка». После смерти в 1614 г. старшего брата, Миколая Кшиштофа, Альбрэхт стал третьим ольшским ординатом. В скором времени он установил связи с королевским двором, что позволило ему получить в 1619 г. должность литовского подканцлера, а уже через четыре года – литовского великого канцлера, пост которого занимал до смерти в 1656 г.

Убежденный католик, Альбрэхт Станислав Радзивилл в своей политической деятельности оставался верным сотрудником Сигизмунда III. Его отношения с Владиславом IV оказались более напряженными, но, несмотря на иногда возникавшие конфликты интересов, он все же оставался человеком близким к королевскому двору. Активность Радзивилла как государственного деятеля оценивается в литературе довольно критически, особенно по сравнению с другими выдающимися личностями конца XVI – первой половины XVII вв.²⁸³. Как отмечает А. Прибошь, Альбрэхт Станислав «не играл серьезнейшей политической роли, особенно вялым было его участие во внешней политике. В своей деятельности, особенно в более поздний период, он сосредоточился на поддержке интересов Радзивилловского дома»²⁸⁴.

Тем не менее, Радзивилл стал автором как целого ряда религиозных сочинений, так и ценнейших трудов, посвященных временам своей политической деятельности. Первый из них, под латинским названием «*Epitome rerum gestarum*

²⁸² Бидная А. А. Указ. соч. С. 57; другое мнение было высказано в некоторых литовских работах, упрекающих Кояловича в отсутствии патриотизма и проуниинной позиции; см. Тиунелите Я. Указ. соч. С. 107; Dundulis B. A historiographic survey...

²⁸³ Przyboś A., Żelewski R. Wstęp // Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. T. 1: 1632-1636. Opr. A. Przyboś, R. Żelewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. S. 64.

²⁸⁴ Przyboś A. Radziwiłł Albrycht Stanisław h. Trąby // Polski Słownik Biograficzny. T. XXX: Radwan – Reguła Tadeusz. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. S. 147.

in Regno Poloniae, regnatibus Sigismundo III, Vladislao IV et Ioanne Casimiro» в форме трех писем к друзьям описывал период правления Вазов до 1652 г. Первая часть сочинения, посвященная правлению Сигизмунда III, была в 1848 г. переведена на польский язык и издана Э. Котлубаем под названием «Нарыс правления Сигизмунда III»²⁸⁵.

Данная работа носит характер личных воспоминаний автора, который приводит много, часто неизвестных другим источникам, деталей касательно функционирования королевского двора и своей политической деятельности²⁸⁶. Довольно кратко излагая начало правления первого Вазы, Радзивилл более подробно описывает период до 1613 г., в событиях которого принимал уже непосредственное участие. Автор не уделял должного внимания хронологии событий, в чем, однако, отдавал себе отчет и в чем откровенно признавался. Несмотря на это, содержание данного источника существенно дополняет наши знания об эпохе и контексте событий, а нередко также о неявных мотивах различных политических действий. Несмотря на то, что труд автора вплоть до XIX в. оставался неизданным, довольно большое количество копий свидетельствует, по мнению исследователей, о его популярности²⁸⁷.

Еще более важным сочинением Радзивилла являются его «Мемуары о деяниях в Польше» («Memoriale rerum gestarum in Polonia»), описывающие события с 1632 по 1656 г. Радзивилл начал описывать текущие события в форме дневника под влиянием смерти Сигизмунда III. Сначала он намеревался создать лишь сочинение, посвященное смерти короля, имеющие при этом скорее морализаторский, чем историографический характер, но затем продолжал свою работу почти до конца своей жизни. Несмотря на завещание автора относительно издания «Мемуаров» после его смерти²⁸⁸, данное сочинение, как и «Нарыс

²⁸⁵ Radziwiłł A. S. Rys panowania Zygmunta III. Przeł. E. Kotlubaj // Athenaeum. 1848. T. 3. S. 5-43; T. 4. S. 5-76; T. 5. S. 5-34; данное сочинение было недавно переиздано Я. Былинским и В. Качеровским: Radziwiłł A. S. Rys panowania Zygmunta III. Wyd. J. Byliński, W. Kaczorowski. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2011. – 167 s.

²⁸⁶ Przyboś A., Żelewski R. Op. cit. S. 70.

²⁸⁷ Byliński J. Kaczorowski W. Wstęp // Radziwiłł A. S. Rys panowania Zygmunta III. Wyd. J. Byliński, W. Kaczorowski... S. 17.

²⁸⁸ Przyboś A., Żelewski R. Op. cit. S. 70.

правления Сигизмунда III», оставалось в рукописи вплоть до XIX в. Только в 1839 г. труд Радзивилла был переведен на польский и издан Э. Рачинским²⁸⁹.

Сочинение Радзивилла неоднократно использовалось уже в историографии. Несомненна информационная ценность «Мемуаров», содержащих обилие сведений о текущей политике государства, событиях на сеймах, обстоятельствах принятия тех или иных решений. Оно является чрезвычайно важным источником для понимания функционирования парламентской системы Речи Посполитой. Подчеркивается при этом попытка Радзивилла представить события объективно, иногда не замалчивая даже не очень выгодные факты, что позволяет говорить о высокой достоверности приведенных автором фактов.

При всем этом, в творчестве Радзивилла прослеживается отчетливо литовский взгляд на функционирование Речи Посполитой. По мнению А. Пшибося и Р. Желевского, «этот своего рода патриотизм большой провинции отчетливо прослеживается во всем сочинении, со всеми характерными для XVII в. чертами, например, мнением о том, что отношения с Россией являются, прежде всего, литовской проблемой, постоянным подчеркиванием равноправия Литвы и Короны, комплексом неполноценности, соперничеством в сенате, как среди духовных, так и светских должностей, на сеймах, в армии, на полях сражений и т.п.»²⁹⁰.

Несомненно, важным источником для понимания практики функционирования всей политической системы Речи Посполитой, в частности – литовской парламентской системы, является личная корреспонденция. В литературе подчеркивается ее значение как материала, «в котором соединены достоинства массового источника, показывающего при этом людей в их практической деятельности»²⁹¹. Их изучение позволяет выявить причины и способы принятия политических решений в Великом княжестве и в целом – в

²⁸⁹ Radziwiłł A. S. Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego. Wyd. E. Raczyński. T. 1-2. Poznań: Bracia Scherkowie, 1839; в 1980 г. сочинение было критически переиздано А. Пшибосем и Р. Желевским: Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. T. 1-3. Oprac. A. Przyboś, R. Żelewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.

²⁹⁰ Przyboś A., Żelewski R. Op. cit. S. 73.

²⁹¹ Sawicki M. Średnioszlachecka klientela Radziwiłłów nieświeskich w województwie mińskim w czasach saskich // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2007. T. 27. S. 32; Tygielski W. Epistolografia staropolska jako źródło do badania mechanizmów politycznych // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1988. T. XXXIII. S. 63-80.

Речи Посполитой, а также освещает существующие в литовском обществе клиентальные связи, имеющие непосредственное и серьезнейшее значение для функционирования всей государственной системы, а особенно – в Литве. Предметом нашего интереса была корреспонденция представителей литовской знати: Радзивиллов, Сапегов, Ходкевичей, а также их сторонников и клиентов. В силу огромного количества данного источникового материала и его разного характера – существенная часть переписки относится к хозяйственным или имущественным вопросам, личным отношениям или проблемам не связанным непосредственно с интересующей нас проблематикой – наше внимание в первую очередь уделялось источникам, которые помогли бы лучше осветить и понять обозначенный выше круг вопросов.

Корреспонденция литовской шляхты издавалась лишь отчасти. На первом месте стоит упомянуть здесь изданное А. Прохаской собрание корреспонденции Сапегов до 1606 г.²⁹². Другим собранием, имеющим существенное значение, является корреспонденция Радзивиллов, изданная А. Соколовским²⁹³. Однако в отличие от работы Прохаски, последняя содержит лишь небольшую часть хранившихся в различных архивных фондах материалов и, безусловно, требует обращения к рукописным материалам. Похожая ситуация имеет место в случае изданной В. Хоментовским переписки Я.К. Ходкевича²⁹⁴.

Большая часть использованной в данном исследовании корреспонденции – это рукописные материалы, хранившиеся в различных архивах и библиотеках. В первую очередь стоит здесь упомянуть материалы Архива Радзивиллов из Главного архива древних актов в Варшаве, особенно из IV Отдела, содержащего письма высылаемые Радзивиллами, а также V Отдела, в котором содержатся письма других лиц. Существенное значение имеют также собрания корреспонденции, хранившиеся в Библиотеке Польской академии наук в Кракове и Библиотеке Чарторьских в том же городе, а также выполненные С. Бодняком и

²⁹² Archiwum domu Sapiehów. T. 1: Listy z lat 1575–1606. Oprac. A. Prochaska. Lwów: nakładem rodziny, 1892. – 577 s.

²⁹³ Archiwum domu Radziwiłłów. Wyd. A. Sokołowski. Kraków : nakł. Księcia Antoniego Radziwiłła, 1885. – 295 s.

²⁹⁴ Korrespondencje Jana Karola Chodkiewicza poprzedzone opisem rękopismów z archiwum Radziwiłłowskiego, znajdujących się w Bibliotece Ordynacji Krasieńskich połączonej z Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Wyd. W. Chomętowski. Warszawa: nakładem Świdzińskich, 1875. – 193 s.

хранившиеся в Библиотеке Польской академии наук в Курнике описи утраченных во время Второй Мировой войны материалов из коллекции П.П. Дубровского, переданных Польше СССР на основе рижского мирного договора. Другая часть данной коллекции до сих пор находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Весьма важное собрание корреспонденции Сапегов, в рамках т.н. «Тек Прохаски», хранится во Львовской национальной научной библиотеке им. В. Стефаника Национальной академии наук Украины. Существенным дополнением указанных собраний являются материалы из Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских.

2.2. Делопроизводство парламентской системы Речи Посполитой и Великого княжества Литовского

Основой источниковой базы данного исследования является делопроизводство парламентской системы Великого княжества Литовского. Особое внимание уделено институту сеймиковой инструкции как основному источнику в исследованиях литовской парламентской системы. Однако для того, чтобы в полной мере понять роль и место различных источников в общей системе делопроизводства, их источниковедческий анализ необходимо дополнить сведениями о происхождении и структуре самой парламентской системы Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в целом.

Вопрос происхождения парламентаризма в Великом княжестве Литовском и участия литовской шляхты в политической жизни государства является весьма спорным и до сих пор не был окончательно решен²⁹⁵. Важным моментом в

²⁹⁵ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 19; Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 11.

развитии литовского парламентаризма можно считать 1401 г., когда имел место съезд литовского рыцарства в Вильне, который должен был гарантировать договор между Ягайлой и Витовтом. Кроме подобных съездов в Великом княжестве, по крайней мере, с XIV в., существовал также другой институт власти, являющийся репрезентацией политически активной части общества – великокняжеская рада, в состав которой входили князья и представители литовской знати²⁹⁶.

Существенным фактором развития парламентаризма в Великом княжестве Литовском стали унии с Польшей и перенесение на литовскую почву польских образцов государственного строя. На основе положений акта Городельской унии литовские бояре получили возможность проведения совместных съездов с представителями Короны, а также право выражать согласие при выборе польского монарха. Аналогичное право получили и поляки, без согласия которых нельзя было провести выбор великого князя литовского.

Важным периодом в развитии литовского парламентаризма стало правление Казимира Ягеллончика (1440-1492 гг.). Литовское сопротивление против занятия им польского престола после смерти его брата, Владислава, вынудило монарха издать 2 мая 1447 г. акт, уравнивающий литовскую шляхту в правах с польской. Акт ограничивал власть великого князя и впоследствии вызвал рост политического значения знати и боярства, с мнением которых правитель должен был все более считаться. Характер тогдашних съездов отличался, однако, от позднейших сеймов – хотя проводились они систематически, каждые два-три года²⁹⁷, они не обладали компетенцией становления права, являлись скорее консультативным органом²⁹⁸.

Смену позиции института «панов рады» принес привилей, изданный 6 августа 1492 года сыном Казимира Ягеллончика, Александром. Он гарантировал данному институту право на совместное с правителем ведение внешней и внутренней политики, решение вопросов назначения чиновников и участие в

²⁹⁶ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 11-18.

²⁹⁷ Ibid. S. 22.

²⁹⁸ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 19.

государевых судах. Привилей освобождал также литовскую шляхту от многих налоговых обязанностей. Данное положение возымело особое значение во время правления Сигизмунда Старого (1506-1548 гг.), который, из-за нехватки средств на ведение войны с Москвой, вынужден был с 1507 г. обращаться к шляхте за финансовой поддержкой, созывая очередные сеймы.

Изначально шляхта приезжала на литовские сеймы «виритим», т.е. на них мог прибыть каждый желающий из шляхетского сословия²⁹⁹. Однако уже в 1534 г. Сигизмунд I регламентировал число представителей шляхты – по два от каждого повета³⁰⁰ или административной единицы³⁰¹. Иногда количество представителей уменьшалось, что подталкивало шляхту к попыткам установления единых принципов назначения своей репрезентации³⁰². С течением времени литовский сейм получал все больше компетенций и стал, в частности, местом соперничества в формировании внутреннего строя и принципов будущей унии с Польшей³⁰³.

Существенное значение для дальнейшего развития литовской парламентской системы приобрели 1564-66 гг., в течение которых были проведены реформы строя и администрации Великого княжества Литовского, во многом основанные на польских образцах. Более подробно вопрос влияния данной реформы на особенности функционирования органов государственного управления будет рассмотрен во второй главе. Пока стоит отметить, что Великое княжество было разделено на 13 воеводств, которые, в свою очередь, делились на поветы, обладавшие как судебными, так и административными функциями. В итоге, в Литве была введена намного более прозрачная структура, чем в ее первообразе – Короне³⁰⁴. Исключительную позицию сохранила Жмудь, являющаяся одним староством, разделенным на 29 поветов³⁰⁵. В каждом повете собирался отдельный сеймик (в Жмуди шляхта собиралась на одном сеймике), из

²⁹⁹ Ibid.

³⁰⁰ Которых нельзя отождествлять с введенными в 60-ые гг. XVI в. единицами территориального деления.

³⁰¹ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 32.

³⁰² Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 20.

³⁰³ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 34-41.

³⁰⁴ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 20; см. также: Płaza S. Sejmiki i zjazdy szlacheckie województw poznańskiego i kaliskiego... S. 70-74.

³⁰⁵ Błaszczuk G. Powiat rosiński w XVII-XVIII wieku. Ze studiów nad działaniami administracyjno-terytorialnymi Żmudzi // Zapiski Historyczne. 1986. T. LI. Z. 1. S. 133.

которого выбирались два посла на литовский сейм. Своим послам собравшаяся на сеймике шляхта давала указания касательно решения обсуждаемых на сеймике вопросов, которые принимали форму письменной инструкции. Именно 60-ые гг. XVI в. стали периодом «развития внешних и внутренних форм литовского парламентаризма – эволюции предсеймовых универсалов, задач королевских послов на сеймики, а также компетенций самих сеймиков»³⁰⁶.

Люблинская уния включила литовскую систему в общую парламентскую систему Речи Посполитой. С этого момента в Великом княжестве Литовском существовали 22 поветовые сеймика (с момента включения в его состав смоленской и северской земель - 24), из которых на общий сейм, проводимый чаще всего в Варшаве, избирались по 2 посла³⁰⁷.

Компетенция по созыву предсеймовых сеймиков закреплялась исключительно за монархом³⁰⁸. Согласно II Литовскому Статуту сеймики должны были собираться за четыре недели до собрания сейма. Этот срок был вскоре продлен до шести недель, хотя в практике не всегда соблюдался³⁰⁹. Однако общих принципов информирования шляхты о созыве сеймика не существовало. Аналогично Короне, для созыва сеймика канцелярия готовила и рассылала различные документы. Основное значение приобретали универсалы, формально созывающие шляхту на сеймик, которые, согласно III-ему Литовскому Статуту, должны были быть переданы в городские учреждения за две недели до начала сеймика. Городское учреждение было обязано уведомить местную шляхту. Иногда, однако, случалось, что сеймики собирались даже без выдачи универсалов³¹⁰. Кроме универсалов, канцелярия рассылала также письма важнейшим представителям шляхты – т.н. «печатные письма» («listy pieczętne») сенаторам и «открытые письма» («listy otworzyste») поветовым чиновникам³¹¹.

³⁰⁶ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 64.

³⁰⁷ Ibid. S. 73.

³⁰⁸ Что не всегда являлось обязательным в случае других сеймиков; см. Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 24.

³⁰⁹ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 76-77.

³¹⁰ Ibid. S. 78-79.

³¹¹ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 26-27; делопроизводство литовской канцелярии, связанное с созывом и проведением предсеймовых сеймиков, довольно хорошо представленное уже в 1571 г. – в Литовской метрике хранятся копии различных документов,

Король обычно присылал на предсеймовый сеймик свою инструкцию, в которой озвучивались причины созыва сейма, обсуждалась внутри- и внешнеполитическая ситуация Речи Посполитой, выдвигались предложения решения разных вопросов и т.д. Инструкцию обычно привозил на сеймик и представлял специальный королевский посол, в качестве которых, зачастую, выбирались королевские секретари или другие лица, близкие к монарху. Главными функциями королевской инструкции являлись информирование шляхетского общества о положении страны и проводимой королем политике, а также стремление заручиться поддержкой выбранной политической линии со стороны сеймика.

Как отмечалось выше, основным документом создаваемым в рамках сеймиковой системы, являлась сеймиковая инструкция. Поскольку главной задачей предсеймовых сеймиков являлся выбор своих посланцев на сейм, каждый литовский сеймик избирал двоих своих представителей, которым в дальнейшем готовил специальную инструкцию. Инструкция, по словам В. Кригзейсена, являлась «собранием пожеланий и постулатов в адрес короля, министров и сейма»³¹² и обычно подписывалась участниками сеймика (или хотя бы их частью), а также вносилась в судебные книги повета (т.н. «облята»). Однако обязанность обляты инструкции сеймиками соблюдалась далеко не всегда³¹³. При этом, по мнению Г. Виснера, сеймики вообще не были обязаны выдать послам эти документы³¹⁴. Если исследователь прав, это может во многом объяснять малое количество сохранившихся до наших дней источников, особенно в случае некоторых сеймиков.

По мнению И.И. Лаппо, институт инструкции существовал уже перед Люблинской унией, хотя ему самому известны были лишь документы с 90-ых гг. XVI в.³¹⁵. Несомненно, первые сохранившиеся до наших дней инструкции были

подготовленных к их проведению: РГАДА. Ф. 389. № 56. Л. 19об-45; см. также подобный комплект документов для сеймиков перед сеймом в 1578 (РГАДА. Ф. 389. № 60. Л. 129об-146) или 1587 г. (РГАДА. Ф. 389. № 65. Л. 200-200об и 228).

³¹² Kriegseisen W. Op. cit. S. 15.

³¹³ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustroj i funkcjonowanie... S. 102.

³¹⁴ Wisner H. Sejmiki litewskie w czasach Zygmunta III... S. 62.

³¹⁵ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине... С. 456.

написаны в 70-ые гг. того же века³¹⁶. Однако вплоть до 1768 г. в Великом княжестве Литовском, в отличие от Короны, способ приготовления инструкций не был юридически определен. Это, согласно А. Рахубе, «давало возможность злоупотреблений и следования многим частным интересам»³¹⁷. Сначала инструкции, как и другие акты в Великом княжестве Литовском, создавались на западнорусском (старобелорусском) языке. Однако очень быстро его заменил польский язык. Уже в 90-ые гг. XVI в. примерно половина сеймиковых актов была составлена на польском. В начале XVII в. польский стал уже единственным языком, на котором создавались эти документы.

Как отмечает А. Закжевски, объем инструкции мог быть различным. Инструкция послам могла состоять из нескольких или даже нескольких десятков пунктов³¹⁸. При этом, наблюдается тенденция к увеличению объема инструкций, хотя данный рост сложно назвать стремительным и последовательным. Однако отчетливо видно, что самые объемные инструкции датируются XVIII в. Данный рост прослеживается также в интересующий нас период. В Таблице 1 приведены данные, представляющие среднее количество страниц документов в подпериоды, приблизительно соответствующие десятилетиям.

Таблица 1. Объем сеймиковых инструкций для отдельных подпериодов	
Подпериод	среднее количество страниц рукописи
1587-1600	4,5
1601-1610	4,93
1611-1620	5,42
1621-1630	4,64
1631-1640	5,56
1641-1647	7,4
Итого 1587-1647	5,53

³¹⁶ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 116.

³¹⁷ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 132.

³¹⁸ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 122.

Инструкция обычно состояла из нескольких частей. Первой являлся заголовок. В условиях отсутствия единой формы данного документа мы встречаем целый ряд различных примеров его составления. В практике существовало несколько часто повторяемых образцов. Среди наиболее часто встречающихся его элементов можно назвать: определение вида документа (инструкция, «лаудум», письмо), присутствующих категорий участников сеймика (духовные и светские сенаторы, земские, городские и надворные чиновники, шляхта и т.п.), вида сеймика, выдающего документ (предсеймовый, депутатский и т.п.), места и времени (иногда также обстоятельств) его проведения, указание избранных сеймиком послов, которым вручалась инструкция.

Самым интересным элементом является, пожалуй, определение состава участников. По мнению И.И. Лаппо, в нем отражался круг лиц, действительно принявших участие в заседании сеймика³¹⁹. Однако, как отмечает А. Рахуба, на самом деле известны многие случаи, когда перечисленные категории лиц, особенно сенаторы, в действительности не присутствовали на сеймике. Факт их упоминания объяснить довольно сложно. Возможно, это была форма традиции, повторение заголовка предыдущих инструкций данного сеймика, либо подобный ход вытекал из желания придать решению сеймика большую весомость³²⁰.

Второй обычно встречающейся частью документа, хотя не всегда выделяемой из последующего текста, являлось указание на обязанность послов выразить благодарность королю за заботу о благе Речи Посполитой, пожелать ему здоровья, принести заверения в своей верности или целовать королевскую руку.

Третью часть составляло основное содержание инструкции. В этой части выражалось мнение собравшейся на сеймике шляхты относительно обсуждаемых на сеймике вопросов. Их перечень мог быть весьма различным: иногда в инструкции затрагиваются лишь главные проблемы политической жизни государства, но иногда собравшаяся на сеймике шляхта указывала в инструкции целый ряд вопросов, в том числе сугубо локальных и даже просьб

³¹⁹ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине... С. 456-457.

³²⁰ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 134.

индивидуальных лиц, т.н. «петитов». Иногда «петита» выделялись в отдельную часть, иногда же помещались среди других вопросов. Обычно в инструкции все же сохранялась определенная градация проблем, от общегосударственных к локальным и индивидуальным «петитам», однако не существовало никаких формальных правил, которые определяли бы последовательность затрагиваемых в инструкции вопросов. В практике часто на данную последовательность оказывало влияние содержание королевской инструкции на сеймик, на которую авторы документа считали необходимым каким-то образом отреагировать.

Последним элементом инструкции, хотя не всегда встречающимся, являлось указание на обязанность послов решать все вопросы, в том числе нерассмотренные в инструкции, по чести, совести и со стараниями о благе государства. Иногда, но далеко не всегда, под инструкцией собирались подписи присутствующих на сеймике лиц. Однако их количество лишь очень редко имело прямое отношение к действительному количеству представителей шляхетского сословия, которые приняли участие в сеймике.

При этом спорным является вопрос, были ли избранные сеймиком послы обязаны строго следовать содержанию инструкции или являлась она лишь рядом пожеланий к деятельности представителя сеймика на сейме, а сам посол имел право поступать в соответствии со своей волей и сложившимися обстоятельствами. Известно, что не существовало никаких юридических норм, регулирующих ответственность посла за невыполнение соответствующих пунктов инструкции. Иногда сам сеймик сообщал, что послам дается право решать тот или иной вопрос самостоятельно либо даже наделял их институтом т.н. «моцы незамеренной» («*plena potestas*»), т.е. полными и неограниченными полномочиями. Её противоположностью являлся институт «моцы замеренной» («*limita potestas*»), т.е. ограничение свободы посла в данном вопросе в рамках представленного в инструкции требования. К примеру, минский сеймик в 1646 г. обязывая своих послов требовать компенсации за передачу Москве Трубчевска, сообщил: «в чем даем Паном Послом моц замеренную, обязывая их верой, честью

и братской любовью»³²¹. В большинстве случаев не указывалось, однако, каким видом «моцы» наделяются послы. Можно предполагать, что отсутствие подобных формулировок означало, что сеймики ожидали от послов активных действий на сейме для проведения выраженных в инструкции постулатов, оставляя им при этом определенное пространство для возможного компромисса. Стоит отметить, что в своей деятельности послы могли нести не только юридическую, но и политическую ответственность перед сеймиком. Несомненно, даже при отсутствии формальных ограничений свободы деятельности посла, в случае несоблюдения воли сеймика, он мог лишиться доверия избравшей его местной шляхты и тем самым лишиться важного фактора будущей политической карьеры.

Кроме инструкции сеймик мог подготовить для послов и другие документы, в которых сообщались его решения, просьбы или пожелания: постановления («лауда»), письма к разным лицам, прежде всего чиновникам и сенаторам. При этом, письма могли быть выданы как от имени самого сеймика, так и его руководителя. Зачастую проведение точного разделения между публичным и частным характером данного источника на практике является весьма затруднительным. Одной из форм оповещения разных лиц о решениях сеймика являлась рассылка копий инструкций или постановлений. Многие сохранившиеся до сегодняшнего дня источники являются именно их современными копиями, вероятно, присланными самим сеймиком или участвующими в нем лицами, в первую очередь – клиентами того или иного магната. В свою очередь, лица, несогласные с ходом или итогами сеймика могли вносить протестации: в устной форме во время самого собрания или письменные, которые вносились в гродские судебные книги.

Несомненной проблемой, связанной с изучением сеймиковой жизни Великого княжества Литовского, является неполнота источниковой базы. В отличие от многих земель Короны, до нашего времени сохранилась лишь небольшая часть сеймиковых инструкций. Более того, другие источники, которые могли бы осветить различные аспекты парламентской системы Великого

³²¹ ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 132v-135v.

княжества Литовского – другие сеймиковые акты, письма, как направленные к сеймику, так и посланные от собранной на сеймике шляхты, частная корреспонденция, мемуары, протесты, внесенные участниками сеймика в городские книги – если и сохранились, то только частично. Отчасти это связано с военными потерями Великого княжества Литовского в ходе военных действий с Московским государством в 1654-55 гг. В частности, от пожаров пострадали занятые в 1655 г. российскими войсками Вильно и Троки, вместе с замками, в которых содержались местные судебные книги. Именно в них вносились разного рода документы, связанные с функционированием местных сеймиков, как инструкции, так и документы другого характера, например показывающие практику их деятельности протестации³²².

При этом источниковая база сохранилась весьма неравномерно. Деятельность некоторых сеймиков ещё может быть в какой-то степени отслежена. Лучшим примером является здесь сеймик новогрудский, от которого сохранилось довольно много документов. В частности, нам известно двадцать пять предсеймовых инструкций за период правления Сигизмунда III и Владислава IV, что составляет почти половину от общего числа сеймов, которых за это время (вместе с периодом бескорольевья после смерти Сигизмунда III) было пятьдесят четыре. Кроме того, нам доступно также около сорока других документов, связанных с его деятельностью, таких как письма и обращения к разным лицам, инструкции сеймика на виленскую конвокацию или решения реляционного сеймика. В меньшей степени сохранились документы минского, ошмянского или вилкомирского сеймиков, а также виленского сеймика. От деятельности последнего в изучаемый период сохранилось уже только тринадцать предсеймовых инструкций, хотя данный сеймик из-за статуса самого города, несомненно, являлся самым важным в Великом княжестве. Однако в случае некоторых сеймиков мы вообще не можем сказать почти ничего об их деятельности. Самыми яркими примерами того являются мозырский и жечицкий

³²² Zakrzewski A. B. *Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie...* S. 17.

сеймики, от которых сохранились только по две предсеймовые инструкции, а также мстиславский сеймик, от которого нам известна лишь одна инструкция.

Еще одно затруднение составляет временная неравномерность распределения источникового материала. Самым серьезным пробелом с точки зрения источниковой базы является первая половина 90-ых гг. XVI в. Мы практически не имеем документов, связанных с функционированием литовского парламентаризма этого периода. Ситуация выглядит лишь немного лучше для периода 1601-1606 гг., первой половины 20-ых гг. XVII в. или отдельных периодов правления Владислава IV. Интересно, однако, что между этими периодами существуют промежутки времени, для которых источниковая база сохранилась в довольно высокой степени. Итак, нам известно девять сеймиковых инструкций к сейму 1598 г., а к сейму 1607 г. – десять. Другим интересным примером являются последние годы правления Владислава IV. Нам известно пять инструкций литовских сеймиков перед сеймом 1645 г. и даже тринадцать инструкций перед сеймом 1646 г. Следует обратить внимание, что ни для одного другого сейма во второй половине XVI – первой половине XVII вв. не сохранилось столь значительного количества литовских сеймиковых инструкций. Но к следующему сейму, 1647 г., нам известны лишь три инструкции сеймиков из Великого княжества.

Почти все документы, связанные с функционированием литовских сеймиков до сих пор не изданы, в отличие от их коронных аналогов, часть которых уже давно стала предметом интереса со стороны издателей. С этим связана следующая проблема в исследованиях литовских сеймиков, которой является разрозненность источниковой базы. Материалы по данной проблематике находятся в фондах ряда архивов и библиотек, в первую очередь – польских. Из них, прежде всего, стоит упомянуть варшавский Главный архив древних актов, в первую очередь – материалы из бывшего Радзивилловского архива в Несвиже, который несомненно является основной архивной коллекцией для всех исследователей истории Великого княжества. Серьезная часть документов находится также в Кракове. Весьма важными являются рукописи № 360 и 365,

хранившиеся в Библиотеке Польской академии наук, содержащие ряд сеймиковых документов со всей Речи Посполитой. Существенная часть источников находится также в целом ряде фондов Библиотеки Чарторьских, а отдельные документы – в Государственном архиве в Кракове.

Несомненное значение для исследования имеет коллекция рукописей, собранная сотрудником Императорской публичной библиотеки П.П. Дубровским, хранившаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Отдельные сеймиковые документы находятся также в Вильнюсе, в Библиотеке Академии наук Литвы имени Врублевских.

В настоящее время двумя независимыми исследовательскими коллективами проводится работа по изданию сеймиковых источников Великого княжества Литовского. Коллектив под руководством Т. Кемпы из Университета Николая Коперника в Торунь готовит к изданию документы сеймиков виленского воеводства в период до 1654 г. Другой коллектив, под руководством А. Рахубы из Института истории Польской академии Наук, ведет подготовку к изданию актов новогрудского сеймика в XVI-XVIII вв. Завершение работы обоих коллективов будет иметь несомненное значение для дальнейших исследований в области парламентской системы Литвы.

В итоге Люблинско́й унии, как уже отмечалось, литовская парламентская система была включена в общую систему Речи Посполитой. В итоге, выбранные на сеймиках послы участвовали в общих сеймах, которые обычно проводились в Варшаве. Перед этим, избранные на литовских сеймиках послы собирались на специальном генеральном сеймике, который изначально проводился в Волковыске, а после подтверждения Сигизмундом III Вазой III Литовского статута – в Слониме. Задачей генерального сеймика являлась выработка единой позиции Великого княжества в вопросах, которые должны были обсуждаться на сейме. По мнению А. Рахубы, данный институт являлся проявлением памяти о бывшем статусе Литвы как самостоятельной державы³²³. Однако с наблюдением автора вряд ли можно согласиться. Подобные генеральные сеймики уже давно

³²³ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 154.

существовали в Короне – отдельно для Великой и Малой Польши, а возникновение их литовского аналога является, скорее всего, одним из проявлений коронного влияния на литовскую парламентскую систему. Однако без сомнения можно сказать, что возможность выработки общего курса литовских представителей могла способствовать усилению партикулярных тенденций Великого княжества. Решения генеральных сеймиков принимались в форме резолюции. Сеймик мог также от своего имени выдавать и другие документы, в первую очередь рассылать разным лицам письма.

Стоит, однако, отметить, что с течением времени данной возможностью литовская шляхта пользовалась все реже, а институт генеральных сеймиков стал отмирать. Впрочем, он никогда не отличался многочисленностью членов, несмотря на повеления со стороны сеймиков. Последнее сообщение о нем встречается в 1632 г. В некоторой степени данный институт был заменен собиравшимися уже во время сейма для обсуждения представителями данной провинции различных вопросов «сессиями наций»³²⁴.

За период с 1587 по 1648 г. нам известно лишь 7 итоговых решений генерального сеймика в Слониме, закрепленных в форме резолюции. Первая из них датируется 24 февраля 1589 г., последняя – 14 июня 1632 г. Кроме этого, известен проект одного решения (от 13 марта 1596 г.), который не принял формы резолюции, а также 7 других актов генерального сеймика, в том числе одна резолюция, не являющаяся итоговым решением сеймика, два универсала, одна аттестация, одно полномочие и два письма. Все вышеперечисленные документы были изданы Г. Люлевичем³²⁵. Также в данной публикации были помещены два диариуша генеральных сеймиков, существенно дополняющие и освещающие практику деятельности данного института.

Несомненно, главным элементом парламентской структуры Речи Посполитой являлся общий сейм. Именно он, как мы увидим во второй главе,

³²⁴ Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983. S. 223.

³²⁵ Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Opr. H. Lulewicz. T. 1: Okresy bezkrólewí. Warszawa: Wydawnictwo Neriton-Instytut Historii PAN, 2006. – 437 s.; T. 2: Okresy panowań królów elekcyjnych XVI-XVII wiek. Warszawa: Wydawnictwo Neriton-Instytut Historii PAN, 2009. – 451 s.

олицетворял в глазах шляхты не только государство, но и все шляхетское общество. Сейм обладал широкими компетенциями, однако их точное определение до сих пор вызывает в науке серьезные сомнения³²⁶. В исследованиях подчеркивается отсутствие точного разграничения между законодательной, исполнительной и судебной властью³²⁷. Обоснованным кажется взгляд, что компетенции сейма создавались в практике его деятельности, закрепляясь потом соответствующими законодательными актами³²⁸. Главной юридической основой законодательных компетенций польского сейма являлась конституция «*nihil novi*» («ничего нового») от 1505 г. в которой предусматривалось, что король не может устанавливать новые права и накладывать новые обязанности без общего согласия сенаторов и послов³²⁹. Обозначены конституцией «*nihil novi*» границы законодательной компетенции сейма являлись очень широкими³³⁰. Кроме того, намечался процесс их постепенного расширения из-за передачи сейму рассмотрения тех вопросов, которые до этого числились в ряде исключительных компетенций монарха³³¹.

Общая характеристика как законодательных, так и других компетенций сейма была указана в «генрицианских артикулах» от 1573 г. В них предусматривалось право сейма на решение вопросов войны, «посполитого рушения», судебной системы, налогов и пошлин, а также изменения и введения новых законов³³². Последняя компетенция в практике понималась широко – в нее входили как вопросы государственного строя, так и все проблемы, касающиеся шляхетского общества, а также ряд вопросов, касающихся частных лиц, если по каким-то причинам сейм считал нужным заняться их рассмотрением (последние,

³²⁶ Suchedni-Grabowska A. Kilka uwag o miejscu króla w sejmach „złotego wieku” // Studia z dziejów Rzeczypospolitej szlacheckiej. Red. K. Matwijowski, Z. Wójcik. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1988. S. 81.

³²⁷ Opaliński E. Sejm srebrnego wieku 1587-1652: między głosowaniem większościowym a liberum veto. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2001. S. 22.

³²⁸ Lewandowska-Malec I. Sejm walny koronny Rzeczypospolitej Obojga Narodów i jego dorobek ustawodawczy (1587-1632). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2009. S. 258-259.

³²⁹ Volumina legum. Prawa, konstytucje y przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych sejmiech koronnych od Seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone. Wyd. J. Ohryzko. T. I. Petersburg: Jozafat Ohryzko, 1859. S. 137.

³³⁰ Lewandowska-Malec I. Sejm walny koronny... S. 259.

³³¹ Bardach J. Sejm dawnej Rzeczypospolitej // Dzieje sejmku polskiego. Red. J. Bardach. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1993. S. 58.

³³² Volumina legum... T. II. Petersburg: Jozafat Ohryzko, 1859. S. 150-152.

по мнению И. Левандовской-Малец, по сегодняшним представлениям причисляются скорее к перечню административного применения права)³³³.

Польский сейм состоял из трех станов (короля, сенаторов и послов) и двух палат: сената (в котором заседал также король) и посольской избы. Такая структура польского сейма была определена еще в 1493 г. и отчасти напоминает структуру английского парламента, вместе с его принципом «короля в парламенте» («King in Parliament»)³³⁴. В итоге Люблинской унии в состав соответствующих палат были включены представители Великого княжества Литовского. После 1569 г. сейм обычно проходил в Варшаве, хотя бывали исключения из этого правила, вызванные как устоявшейся практикой (коронационный сейм происходил в Кракове), так и насущными потребностями (к примеру, сейм в 1626 г. имел место в Торуне, из-за проводимой в Королевской Пруссии военной кампании против Швеции).

Работа сейма начиналась с католического богослужения (св. мессы) к Святому Духу, при чем представители других конфессий могли собираться и на своих, отдельных богослужениях. После него наступали отдельные заседания сената и посольской избы. В последней происходил выбор маршалка и, в случае необходимости, т.н. руги, т.е. проверка полномочий послов (к примеру, если на сейм приехало больше послов с данного сеймика или сеймик оказался расколот и избраны были два комплекта послов). Выбор маршалка наступал большинством голосов, при чем соблюдался принцип т.н. альтернаты. На его основе поочередно на должность маршалка избирались представители Великой Польши, Малой Польши и Великого княжества Литовского. В следующих главах настоящего исследования мы рассмотрим влияние данного принципа на способ функционирования Литвы в рамках совместного государства.

Далее происходило совместное заседание сената и посольской избы. После торжественного приветствия монарха представлялась т.н. королевская пропозиция, т.е. набор предлагаемых королем вопросов для обсуждения. В

³³³ Lewandowska-Malec I. Sejm walny koronny... S. 260-261.

³³⁴ Opaliński E. Sejm srebrnego wieku... S. 17 и 23-25; Elton G.R. The parliament of England 1559-1581. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 17-22.

практике, уже на данном этапе, в целях парламентской тактики, часто учитывались итоги сеймиковой кампании и выраженные сеймиками (и осознанные королем и его сторонниками) пожелания. Затем пропозиция обсуждалась сенаторами, которые по очереди высказывали т.н. вота, т.е. свое мнение по представленным в ней вопросам.

После вотов начинались отдельные заседания палат, в течение которых обсуждались как представленные королем, так и внесенные другими членами сейма вопросы, а также осуществлялось королевское судопроизводство. В это время могли созываться уже упомянутые «сессии наций», т.е. собрания всех представителей провинции для обсуждения возникающих вопросов и выработки совместной точки зрения. Именно достижение единого мнения являлась главной задачей всех происходивших в данное время заседаний, поскольку в последний день на совместном заседании обеих палат сейма происходила конклюзия, т.е. принятие окончательных решений.

Именно от выработки консенсуса зависел успех работы сейма, поскольку основой парламентской системы Речи Посполитой являлся принцип общего согласия всех ее станов и палат, а также всех их представителей. В практике вплоть до 1652 г., т.е. первого применения т.н. «либерум вето» («*liberum veto*»), т.е. срыва работы сейма одним послом, это не означало необходимости учтения единичных голосов протеста. Принятию решений препятствовало лишь существование заметных групп, которые им сопротивлялись. Единичные протесты часто не принимались во внимание. К примеру, в 1590 г. сейм в качестве протеста покинуло даже 30 послов, но он все же завершился успешным принятием решений³³⁵.

Решения сеймов принимались в форме конституций, каждая из которых посвящалась отдельному вопросу. Данный институт был известен в Короне с 1493 г. Окончательная редакция конституций проводилась уже после завершения работы сейма, во время т.н. «печатных сессий», в которых участвовали великий канцлер, маршалок посольской избы и избранные сеймом депутаты. Изначально

³³⁵ Bardach J. *Sejm dawnej Rzeczypospolitej...* S. 34-35.

конституции сейма писались на латыни, а с 1543 г. – на польском языке. В XVI в. конституции стали печататься. С 1613 г. они должны были быть внесены в городские судебные книги города, в котором проходил данный сейм, а также рассылались в другие городские уряды в Речи Посполитой.

Важным проявлением самостоятельности Великого княжества Литовского являлось существование, наряду с конституциями общими для всей Речи Посполитой, отдельных конституций, относящихся только к Литве. При этом обычно они носили общее заглавие «Конституции Великого княжества Литовского».

В силу своего фундаментального значения для польского правового порядка, конституции сеймов издавна привлекали внимание общественности. Уже в 30-ые гг. XVIII в., по инициативе киевского епископа Ю. Залуского, С. Конарски подготовил и издал собрание королевских привилегий и сеймовых конституций с 1347 по 1736 г. под названием «*Volumina Legum*». В дальнейшем работа продолжалась, в итоге чего до конца XVIII в. было издано восемь томов «*Volumina Legum*», содержащих конституции сеймов вплоть до конца 70-ых гг. XVIII в. В 1859-60 гг. они были переизданы И. Охрызко. Последние тома собрания, содержавшие конституции сеймов 80-ых и 90-ых гг. XVIII в. были изданы в конце XIX–XX вв.³³⁶. Для освещения содержания конституций необходимо привлечь и другие материалы, которые позволят выяснить работу сейма и политический контекст принимаемых решений: диариушы, высказывания его участников, подготовительные материалы и т.п. В основном, это материалы архивного характера, хранящиеся при этом в различных архивах в России и за рубежом³³⁷.

Элементом самостоятельности литовского парламентаризма после Люблинской унии являлся также институт виленских конвокаций или главного

³³⁶ *Volumina legum. Prawa, konstytucje y przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od Seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone.* W 8 T. Wyd. J. Ohryzko. Petersburg: Jozafat Ohryzko, 1859-1860; T. 9: Kraków: Akademia Umiejętności, 1889 – 503 s.; T. 10: Wyd. Z. Kaczmarczyk. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1952. – 443 s.

³³⁷ Стоит отметить, что в практике данные материалы встречаются часто в довольно неожиданных фондах; к примеру, серьезный комплекс материалов к сеймам 1627-1629 гг. содержится в книге коронной канцелярии, хранящейся в РГАДА: РГАДА. Ф. 12. № 27.

съезда Великого княжества Литовского, который собирался с 1572 г. Его возникновение не было предусмотрено ни в решениях Люблинского сейма 1569 г., ни в последующих правовых актах и являлось элементом проводимой литовской знатью после смерти Сигизмунда Августа политики, направленной на изменение условий заключенной в Люблине унии³³⁸. Скоро данный институт довольно прочно закрепился в системе институтов власти Речи Посполитой, являясь в некоторой степени остатком отдельного литовского сейма³³⁹. Во время правления Сигизмунда III данный институт еще больше приобрел черты своеобразного «литовского сейма». Собранию виленской конвокации предшествовал созыв сеймиков, призванных выбрать послов на главный съезд, которым выдавались инструкции, напоминающие аналогичные предсеймовые акты.

В интересующий нас период 1587-1648 гг. известно 30 различных документов съездов разного характера и разной степени формальности. В силу специфики формирования института главного съезда и его характера, принимаемые им решения имели разный формальный статус. При этом, как отмечает Г. Люевич, богатство встречаемых в делопроизводстве данного органа форм отвечает разнообразию самых съездов. Формальные решения чаще всего выдавались в форме «постановления». За 1587-1648 гг. известно 11 подобных документов. Кроме них, съезд мог разослать универсалы, высылать письма или выдать инструкции высылаемым съездом послам. Стоит отметить, что документы главных съездов Великого княжества Литовского были изданы Г. Люевичем в указанной уже публикации³⁴⁰

³³⁸ Lulewicz H. Zjazd w Rudnikach we wrześniu 1572 roku // Przegląd Historyczny. 2000. Z. 2. S. 203-219.

³³⁹ Радаман А. Галоўны з'езд Вялікага княства Літоўскага // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. Рэд. Г. П. Пашкоў і інш. Т. I: Абаленскі – Кадэнцыя. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2007. С. 487-489; стоит отметить разнородный характер главного съезда Великого княжества Литовского; по этому поводу см. указанную выше полемику между Я. Середыкой и Г. Виснером.

³⁴⁰ Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego...

2.3. Главные проблемы, связанные с изучением источниковой базы

Вышеназванные проблемы не ограничиваются только техническими сложностями. Факт разной степени сохранности источников разных сеймиков ограничивает, к сожалению, их репрезентативность для всей Литвы, тем более, что лучше всех сохранились источники от тех сеймиков, которые были связаны с деятельностью Радзивиллов. Это обуславливает необходимость для исследователя весьма осторожно подходить к полученным результатам. Кроме того, мы обладаем небольшими возможностями установить точную деятельность лиц, участвующих в сеймиковой жизни, что ведет к тому, что мы в недостаточной степени знаем причины тех или иных решений сеймиков, а также не можем определить влияние конкретных лиц на принятие решений.

Весьма важным для данного исследования является вопрос о масштабе участия местной шляхты в работе сеймиков. С одной стороны, это бы свидетельствовало о том круге лиц, который принимал участие в политической жизни Литвы, а, шире, всей Речи Посполитой, помогало определить, насколько обсуждаемая сеймиками проблематика влияла на политические установки шляхетского сословия. С другой – указало бы на источники возможных инспираций конкретных формулировок и постулатов, содержащихся в инструкциях. К сожалению, отсутствие детальных исследований, посвященных этому вопросу, и, прежде всего, недостаток самих источников, заставляет опираться на слабо верифицируемые суждения и выводы довольно общего характера, выведенные на основе фрагментарной источниковой базы, иногда нерепрезентативной для всей эпохи.

Спорным вопросом в литературе является уже само право участия в сеймике. В историографии возникли по этому поводу две основные концепции. Согласно первой, в работе сеймика мог участвовать каждый представитель

шляхетского сословия, независимо от оседлости или наличия имущества³⁴¹. Согласно второй, право участия в сеймике имел только шляхтич, имеющий имущество и оседлый в данном повете (земле)³⁴². Случалось, однако, что в сеймиках участвовали солдаты, хотя без права голоса (правда, не всегда это ограничение соблюдалось)³⁴³, а также высшие католические или православные священники нешляхетского происхождения (при этом за римско-католическими епископами всегда, вне зависимости от происхождения, закреплялось право голоса).

В посвященной Короне литературе различаются право участия в сеймике и право участия в голосовании на нем³⁴⁴. В литовской сеймиковой практике историография, однако, такого различия не проводит, принимая, что право участия в сеймике включало в себя также право участия в голосовании³⁴⁵. Ситуацию упорядочила конституция сейма с 1613 г., которая в Великом княжестве Литовском предусматривала выбор послов на сейм и депутатов в Трибунал большинством голосов. При этом, право голосования имелось при выполнении двух предпосылок: наличия шляхецтва и оседлости³⁴⁶.

Отдельным вопросом является степень фактического участия в деятельности сеймиков лиц, имеющих такое право. Еще до заключения Люблинской унии сенаторы данного повета были обязаны под угрозой денежного наказания участвовать в сеймике, но уже правила, предусматриваемые III-им Литовским Статутом не являются до конца ясными. Согласно Статуту, право участвовать в сеймике имели епископы, воеводы, каштеляны, земские чиновники, князья, пань и шляхта. Дискуссионным остается, однако, вопрос, возлагалась ли на перечисленные лица такая обязанность³⁴⁷. Несомненно, они не несли никакой юридической ответственности за свое отсутствие на сеймике. Однако

³⁴¹ Bardach J. Początki sejmu // Historia sejmu polskiego. T. I: Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej. Red. J. Michalski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984, S. 14; Włodarczyk J. Op. cit. S. 53.

³⁴² Lityński A. O modelu monografii sejmiku // Czasopismo Prawno Historyczne. 1985. T. XXXVII. Z. 1. S. 147.

³⁴³ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 39.

³⁴⁴ Łysiak L. O społecznym składzie sejmików ziemskich // Księga pamiątkowa ku czci Konstantego Grzybowskiego. Red. J. Lewandowska. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1971. S. 113.

³⁴⁵ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 40-41.

³⁴⁶ Ibid. S. 41.

³⁴⁷ Против такой интерпретации: Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 91-92.

«присутствие на сеймике, несмотря на отсутствие санкций, имело характер некоего принуждения»³⁴⁸, вытекающего, прежде всего из чувства гражданской ответственности за судьбу государства и общества. Мы можем обнаружить примеры сенаторов, которые, как Николай «Сиротка» Радзивилл, «ответственно относились к своим гражданским обязанностям, в том числе связанным с исполнением сенаторских достоинств»³⁴⁹, частью чего являлось также активное участие в деятельности литовских сеймиков. Кроме того, необходимость присутствия на сеймике вытекала из потребностей политической тактики и реализации собственных интересов. Несмотря на это, согласно Г. Виснеру, «обязанность участия в сеймиках далеко не всеми соблюдалась»³⁵⁰. Сеймики, в которых участвовало большинство сенаторов, имели, скорее всего, исключительный характер³⁵¹.

Определение фреквенции на литовских сеймиках является не только весьма сложной, но, из-за недостатка источникового материала, часто невыполнимой задачей. Не помогает в этом исследование количества подписей под инструкциями. Многие сохранившиеся инструкции являются при этом лишь копиями, вообще не содержащими подписей³⁵². Если все же в источнике подписи имеются, их «количество (...) обычно никак не связано с сеймиковой фреквенцией»³⁵³. Причин этого могло быть много: неграмотность части участников, слишком долгое время, которого требовал сбор подписей, важность документов или отсутствие такой традиции³⁵⁴. Иногда случались и очевидные нарушения – расписывание за отсутствующие лица или сбор подписей сеймиковым маршалком по шляхетским домам. Оценить масштаб таких явлений, однако, сложно³⁵⁵. Иногда мы встречаемся с еще одним интересным

³⁴⁸ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 45.

³⁴⁹ Цит. за: Kempa T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł... S. 243.

³⁵⁰ Wisner H. Sejmiki litewskie w czasach Zygmunta III... S. 64.

³⁵¹ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 98.

³⁵² Kempa T. Wobec kontreformacji... S. 9-10.

³⁵³ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 51.

³⁵⁴ Ibid.

³⁵⁵ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 135.

явлением, которое затрудняет ответ на данный вопрос – разным количеством подписей и печатей под одним и тем же документом³⁵⁶.

Только редко мы имеем точные данные о числе участников сеймика, при чем точное указание этого числа, скорее всего, связано было с неким несоблюдением нормы. Примером может служить инструкция оршанского повета с 1628 г. (на сейм с 1629 г.). В ней выражено возмущение по поводу слишком позднего получения королевских универсалов, из-за чего 28 ноября на сеймике присутствовало только семь человек, случайно бывших в это время в Орши. По этому поводу избран был только один посол. Несколько дней позже, 7 декабря, шляхта собралась на элекционный сеймик, «на который почти все мы приехали»³⁵⁷. Что понималось под словами «почти все мы», к сожалению, не знаем. Очевидно, однако, что настолько низкая фреквенция в глазах собравшейся на сеймике шляхты являлась очевидным нарушением установленной практики. Против этого факта, по мнению участников, необходимо было открыто высказать свое возмущение.

По этой же причине, любые попытки подсчетов количества лиц, участвующих в литовских сеймиках весьма рискованны. Э. Опалиньски количество лиц, принимающих участие в конце XVI в. в сеймиковой жизни, определял примерно в тысячу человек. На один литовский сеймик должно было приходиться около 40 человек³⁵⁸. Данные подсчеты подверг сомнению А. Рахуба, воздерживаясь, однако, от указания других величин³⁵⁹.

Другим весьма важным для нашего исследования вопросом, который вызывает множество противоречий, является вопрос о влиянии магнатов на принимаемые сеймиками решения, а шире – определение факторов, имеющих решающую роль в формировании позиций, выраженных в сеймиковых инструкциях.

³⁵⁶ К примеру, к свидетельству участников ошмянского депутатского сеймика от 2 февраля 1647 г. приложены 32 печати, хотя подписей под документом только 24: РГАДА. Ф. 1603. Оп. 11. № 182. Л. 30-30об.

³⁵⁷ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 109-109v.

³⁵⁸ Opaliński E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587-1652: system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. S. 264.

³⁵⁹ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 98.

На литовской политической сцене можно указать нескольких «действующих лиц», которые влияли на принимаемые сеймиками решения и на содержание их инструкций. Первым из них, несомненно, являлся король. Именно он созывал сеймик и выдвигал свои предложения в форме инструкции, присылаемой на сеймик королевским послом. Кроме этого, монарх посылал письма местной элите – вышеуказанные печатные и открытые письма, одной из целей которых являлось получение поддержки для королевской политики со стороны их адресатов³⁶⁰. Особенно стоит подчеркнуть влияние королевской инструкции на формирование инструкций сеймиков. Можно найти примеры инструкций сеймиков, в которых почти полностью сохранилась схема королевской инструкции³⁶¹. Нередко авторы инструкций прямо сообщали, что данный вопрос сеймику был представлен королем³⁶². Несомненно, шляхта чувствовала себя в некой степени обязанной ответить на королевские предложения, хотя встречаются также примеры их игнорирования. Частично данное явление может быть связано с проблемой отношения сеймика к королевской политике³⁶³.

Вторым фактором, влияющим на содержание сеймиковых актов, являются действия магнатов. В литературе господствует взгляд о доминирующей роли магнатов в политической жизни Великого княжества Литовского. Несомненно, можно найти немало аргументов, подтверждающих этот тезис. Экономическое могущество великих родов, сильные клиентальные связи, отсутствие в Литве т.н. экзекуции имущества, а также существование древних традиций перевеса князей и панов в Великом княжестве – все это сильно влияло на литовские отношения³⁶⁴.

Однако нельзя забывать, что наш способ видения политической системы Великого княжества Литовского во многом определяется односторонностью источников, в своем большинстве связанных с кругами магнатории, поэтому

³⁶⁰ Ibid. S. 90.

³⁶¹ Mazur K. W stronę integracji... S. 108.

³⁶² Например инструкция ковенского повета с 1634 г.: РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 152. № 67. Л. 147.

³⁶³ Mazur K. W stronę integracji... S. 109.

³⁶⁴ Augustyniak U. Dwór i klientela Krzysztofa Radziwiłła (1585-1640). Mechanizmy patronatu. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe „Semper”, 2001. S. 19-21; см. также: Sawicki M. Średnioszlachecka klientela... S. 31-32, где приводится широкий обзор литературы по данной проблематике.

отражающими скорее их политику и соответствующий ей круг влияния. Самостоятельным действиям шляхты редко уделяется в них внимание³⁶⁵. Это в ни коей мере не означает, что магнатские роды не имели сильной позиции на литовской политической сцене. Важно, однако, помнить, что картина координированной сеймиковой кампании, построенная на основе магнатской корреспонденции может иногда значительно отличаться от реального хода событий. По мнению А. Закжевского, координация действий средней шляхты, «часто спонтанных и ограниченных территорией одного повета, не требовала переписки»³⁶⁶.

Стоит при этом отметить, что представители главных родов могли вести как оппозиционную в отношении короля политику, так и поддерживать действия монарха. Существовало несколько способов влияния магнатов на сеймики: личное присутствие на сеймике, посылание на них своих представителей, использование уже существующих клиентальных связей, равно как и попытки привлечения новых сторонников, посылание писем на сеймик. Интересным примером таких шагов является письмо, переданное Адамом Стабровским Яну Самуэлю Глебовичу в 1630 г. В нем Адам Стабровски представил действия, предпринятые во время сеймиковой кампании Львом Сапегой, перечислил послов, которые, по его мнению, должны быть выдвинуты на сеймиках в Орши, Смоленске, Минске, Мстиславе и Витебске³⁶⁷. Безусловно, бросается в глаза убежденность, с какой Стабровски перечисляет будущих послов. Однако можно усомниться, столь ли сильная на этих сеймиках была позиция Сапеги и был ли он в состоянии выдвигать «удобных» себе кандидатов, если его планы в результате не полностью воплотились в жизнь³⁶⁸. Таким образом, кажется, что к подобного рода претенциозным высказываниям стоит относиться с должной осторожностью.

Несомненно, сеймики были предметом разного рода действий со стороны магнатов. В переписке частных лиц можно иногда отследить попытки тем или

³⁶⁵ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 101.

³⁶⁶ Сит. по: Ibid. S. 18.

³⁶⁷ См. Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 119.

³⁶⁸ Ibid. S. 120.

иным способом повлиять на содержание сеймиковых инструкций. К примеру, в 1611 г. Януш и Кшиштоф Радзивиллы договорились, что последний попытается повлиять на сеймики, которые должны принять постулат, чтобы король не нарушал решения Трибунала³⁶⁹. В 1636 г. Кшиштоф Радзивилл повелел своему сыну Янушу и своим клиентам предпринять попытки включить в состав инструкций постулаты, касающиеся защиты прав протестантов³⁷⁰. Однако, это удалось лишь частично. С данным постулатом выступил виленский сеймик³⁷¹, но остальные известные нам инструкции от того года не содержат подобных требований³⁷².

Однако далеко не всегда является возможным детально проследить способы влияния на позиции, выраженные в инструкции. Об их существовании могут, однако, свидетельствовать сходства в содержании инструкций разных сеймиков³⁷³. Кроме этого, мы неоднократно встречаем поддержку тех или иных частных требований, выраженных в форме так называемых «петитов». Примером могут служить те инструкции сеймиков, которые в 20-ые гг. XVII в. требовали восстановления разрушенных шведами Бирж, принадлежащих литовскому польному гетману, Кшиштофу Радзивиллу³⁷⁴. Особенная значимость данного вопроса подчеркивается еще нарастающим в это время соперничеством между Радзивиллом и Львом Сапегой³⁷⁵.

В то же время, содержащиеся в инструкциях «петиты» касаются не только лиц, принадлежащих к политической элите Великого княжества Литовского. Встречаем их также в вопросах, касающихся менее известных лиц, которые иногда сложно идентифицировать. Часто они были результатами индивидуальных

³⁶⁹ Я. Радзивилл к К. Радзивиллу. AGAD. AR. Dz. IV. 172. K. 1.

³⁷⁰ К. Радзивилл к А. Пшиповскому. AGAD. AR. Dz. IV. 324. K. 11.

³⁷¹ Я. Радзивилл к К. Радзивиллу. AGAD. AR. Dz. IV. 182. K. 90-92.

³⁷² Инструкция новгородского сеймика: LMAВ. F. 198. № 2. K. 5-7v; инструкция ошмянского сеймика: MN Kraków. Rkps 160. S. 118-120; инструкция мозырского сеймика: BCzart. Rkps 375. K. 619; Kempa T. Wobec kontrreformacji... S. 445-446.

³⁷³ См. Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 80.

³⁷⁴ Например инструкция новгородского сеймика с 1627 г.: AGAD. AR, II 978. K. 4; инструкция гродненского сеймика с 1628 г.: AGAD. AR, II 990. K. 2.

³⁷⁵ Подробнее см.: Амброзьяк Т. Значение Биржанской крепости в политической деятельности Криштофа Радзивилла и его соперничестве с Львом Сапегой в 1625-1629 гг. // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV-XVIII стст.): зборнік навуковых прац. Пад рэд. А.М. Янушкевіча. Мінск: Медысонт, 2014. С. 326-342; рост влияния Сапегы привел к тому, что Радзивилл повелел своим сторонникам точно определить состав его клиентов: К. Радзивилл к А. Пшецлавскому. AGAD. AR. Dz. IV. 319. K. 36.

попыток лиц, по разным причинам заинтересованных в получении поддержки³⁷⁶. С течением времени, количество «петитов» значительно выросло, вместе с общей тенденцией к удлинению инструкций³⁷⁷.

Из-за отсутствия соответствующего источникового материала, весьма сложным является определение значимости третьего фактора, а именно влияния местной шляхты. Все же, кажется, что он значительно недооценен в литературе. Средняя и мелкая шляхта иногда были в состоянии помешать планам магнатов³⁷⁸. Исследования, проведенные на материалах XVIII в., указывают, что средняя шляхта являлась партнером для магнатов в деятельности сеймиков, а шляхта, не имеющая собственности (т.н. голота) использовалась только в качестве своего рода устрашения³⁷⁹. Сложно оценить, насколько подобный взгляд можно отнести к более раннему периоду. Возможно также, что к литовским сеймикам применим вывод К. Мазура, сделанный им в отношении сеймиков волынского, киевского и брацлавского воеводств, а именно, что магнатам для осуществления их планов необходима была поддержка «сеймиковых лидеров, которые пользовались уважением местного общества»³⁸⁰. Если удастся обосновать тезис о широком участии шляхты в работе сеймиков, это, несомненно, даст бóльшую вероятность того, что выраженные в инструкциях взгляды разделялись значительной частью литовской шляхты. Пока, однако, стоит быть весьма осторожным в подведении подобного рода итогов.

На окончательный вариант инструкции могли влиять также и другие лица: собственно посол или ведущий заседания воевода или поветовый маршалок³⁸¹. Кроме того, к сеймику могли направить письма разные лица, которые не участвовали непосредственно в его деятельности, как магнаты, так и менее

³⁷⁶ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 100.

³⁷⁷ Ambroziak T. Rzeczpospolita w litewskich instrukcjach sejmikowych w latach 1587-1648. Próba analizy terminologicznej // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 2013. T. LXV. Z. 2. S. 191.

³⁷⁸ Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie... S. 121.

³⁷⁹ Zielińska Z. Mechanizm sejmikowy i klientela Radziwiłłowska za Sasów // *Przegląd Historyczny*. 1971. T. 62. Z. 3. S. 406.

³⁸⁰ Mazur K. W stronę integracji... S. 185.

³⁸¹ Zakrzewski A. B. Kierowanie obradami sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego... S. 142-143; см. также: idem. *Marszałek powiatowy Wielkiego Księstwa Litewskiego...* S 356-361.

значимые лица или даже солдатские конфедерации, желающие получить поддержку шляхты для своих собственных постулатов³⁸².

Ситуацию усложняет еще факт, что вплоть до 1768 г. способ производства инструкций в Великом княжестве Литовском не был до конца определен, хотя в Короне он был отрегулирован еще в 1616 г. Это давало возможность разного рода манипуляций, хотя необходимо было считаться с мнением присутствующих на сеймике, особенно в случае сильной оппозиции³⁸³.

Настоящий краткий обзор главных проблем, с которыми сталкивается историк при интерпретации источникового материала, следует закончить выводом, что мы имеем дело со многими вопросительными знаками, существенно усложняющими выдвижение ясных и неоспоримых утверждений. К сожалению, из-за слишком маленького количества, а иногда и полного отсутствия других источников, сложно ожидать серьезного улучшения этой ситуации. Таким образом, необходимо, с одной стороны, проявлять большую осторожность в выдвижении каких бы то ни было гипотез, а с другой – предпринять попытку максимального использования имеющегося материала.

³⁸² Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska i Związek Braterski wojska litewskiego w latach 1660-1663. Warszawa: NDAP, 1989. S. 144.

³⁸³ Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie... S. 121.

Глава 2.

Институциональные рамки литовского партикуляризма и их отображение в понятийном аппарате сеймикового делопроизводства Великого княжества Литовского

Проведенный нами в предыдущей главе анализ научной литературы, посвященной проблеме роли и места Литвы в государственной системе управления Речи Посполитой позволяет выдвинуть тезис о необходимости детального и всестороннего исследования особенностей функционирования политических институтов Великого княжества Литовского в системе государственной власти польско-литовского государства. Именно решению данной исследовательской задачи будет посвящена настоящая глава. Это будет достигнуто при помощи всестороннего анализа проявлений литовского партикуляризма в парламентской жизни Великого княжества. Для этого будет изучен широкий круг вопросов, позволяющий нам понять специфику функционирования Литвы в рамках учрежденной на основе Люблинской унии Речи Посполитой.

Ключевое значение Люблинской унии для определения роли и места Великого княжества в рамках польско-литовского государства вынуждает нас обратиться к рассмотрению причин (как внутреннего, так и внешнеполитического характера) и способа ее заключения. Будет предпринята попытка выявления приоритетных задач в политической деятельности литовской шляхты и ответа на вопрос, насколько способ заключения и условия унии отвечали литовским представлениям.

Будет описана также учрежденная в 1569 г. система государственных органов власти, как совместных, так и отдельных институтов Великого княжества Литовского. Это позволит нам определить сохранившиеся после Люблинской

унии элементы государственного суверенитета Литвы, а также понять особенности функционирования совместного, польско-литовского государства.

Внимание будет также уделено соотношению сил Короны и Великого княжества Литовского после 1569 г. Нам кажется, что именно неравное соотношение сил во многом определяло роль и место Литвы в рамках Речи Посполитой. Без освещения данной проблемы было бы неполным исследование того, как самими литвинами мыслилось сосуществование в рамках совместного государства, а также рассмотрение приоритетов литовской политики, как в период непосредственно после заключения Люблинской унии, так и во время правления двух первых Вазов. По вышеуказанным причинам проблема неравенства потенциала обеих частей Речи Посполитой будет рассмотрена в разных ее проявлениях: территория, численность населения, а также условия унии и юридический характер созданных в 1569 г. институтов власти.

Будут рассмотрены также попытки изменения условий унии, предпринятые литовской стороной после сейма в Люблине. Будут обозначены задачи, которые ставились литовской элитой власти в качестве приоритетных ориентиров ее политики, а также способы, при помощи которых представители Великого княжества стремились достичь определенные ими цели. В частности рассмотрим, каким образом для решения выявленных нами задач литовские элиты пытались воспользоваться событиями трех первых бескоролевий после смерти Сигизмунда Августа. Также мы постараемся дать оценку эффективности литовской тактики, попытаемся понять, какие из приоритетных задач ей удалось решить и как это повлияло на институциональную специфику функционирования Великого княжества в системе государственного управления Речи Посполитой. В частности, будет затронут вопрос появления новых по сравнению с 1569 г. правовых институтов, таких как Литовский Трибунал и виленская конвокация, а также принятия III Литовского Статута. Мы постараемся усмотреть их влияние на усиление имевшихся после Люблинской унии элементов государственного суверенитета Великого княжества Литовского.

Таким образом, мы сможем определить место Великого княжества в системе государственной власти Речи Посполитой в начале правления Сигизмунда III. Данный анализ позволит нам понять, какие задачи и по каким причинам потеряли в глазах литовской шляхты то значение, которое они имели еще во время первых трех бескоролевий, исчезая из литовской повестки дня. Мы сможем также обозначить те вопросы, которые сохранили свою актуальность после 1587 г.

Выявление динамики этих изменений станет точкой отсчета для изучения особенностей политической культуры литовской шляхты, которое мы проведем при помощи детального анализа понятийного аппарата сеймиковых источников Великого княжества. Это поможет определить специфику литовского понимания своей роли и места в общегосударственной системе власти, в том числе способ отношения как к совместной Речи Посполитой и ее политическим институтам, так и к самому Великому княжеству. В частности, будет рассмотрен вопрос, какие смысловые категории вкладывались литовской шляхтой в употребляемые ей понятия политического языка, а также каким образом используемая в парламентской жизни страны понятийная система влияла на представления о функционировании Литвы в системе государственной власти Речи Посполитой. Мы сможем проследить также дальнейшую эволюцию этих представлений, отражающихся в употребляемой сеймиками терминологии и риторике.

1. Роль и место Великого княжества Литовского в системе государственного управления Речи Посполитой после Люблинской унии

1.1. Причины и способ заключения Люблинской унии

Принятый 1 июля 1569 г. и подтвержденный Сигизмундом Августом три дня спустя акт Люблинской унии являлся завершением долгого совместного пути, пройденного Польшей и Великим княжеством Литовским, начатого еще с заключения Кревской унии в 1385 г. В науке указывались различные причины этого важнейшего события. Уже в 30-ые гг. XVI в., согласно мнению Г. Виснера, появился с польской стороны импульс «к укреплению давних связей». В самой же Литве «лозунг унии стал слышен спустя четверть века»³⁸⁴. Урегулирования данного вопроса, наряду с включением в состав Польской Короны Королевской Пруссии, требовало польское эзекуционное движение еще со времен сейма в Петркове (1547-48 гг.). Участвующая в нем шляхта ссылалась при этом, под лозунгом «эзекуции прав» (т.е. их исполнения) на невыполненные условия Кревской (1385 г.) и Городельской (1413 г.)³⁸⁵, а также Гродненской (1432 г.) и Мельницкой (1501) уний³⁸⁶.

Несомненно, одной из важнейших причин, которые побуждали Литву к более тесным связям с Польшей, являлась военная угроза со стороны Московского государства во время Ливонской войны. Очевидно, что одно Великое княжество Литовское не могло справиться с военной мощью Москвы, которая заняла не только часть Лифляндии, но и Полоцк (в 1563 г.)³⁸⁷. Не

³⁸⁴ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski... S. 23.

³⁸⁵ Bardach J. Krewo i Lublin. Z problemów unii... S. 46.

³⁸⁶ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 225.

³⁸⁷ Ibid. S. 224.

удивительно поэтому, что еще 13 сентября 1562 г. собравшаяся под Витебском для военных нужд литовская шляхта требовала от Сигизмунда Августа созыва совместного польско-литовского сейма и заключения унии³⁸⁸.

Однако военная слабость Великого княжества Литовского в Ливонской войне не являлась единственной причиной заключения Люблинской унии. Следует отметить, что в начале 60-ых гг. XVI в. наступил кардинальный поворот в политике Сигизмунда Августа, до того с настороженностью относящегося к идее укрепления связей между обоими государствами. В историографии обычно этот ключевой для заключения Люблинской унии фактор объясняется отсутствием у короля наследника мужского пола и, следовательно, ожидаемым прекращением существования династии Ягеллонов. Таким образом, после смерти короля уния Литвы и Польши, имеющая до этого династический характер и не обладавшая совместными институтами кроме совместного монарха (или даже, как бывало еще до начала XVI в., лишь общей династией), могла уйти в прошлое. Решительное, по крайней мере, с 1563 г., стремление Сигизмунда Августа связать Польшу и Литву более тесной унией, заключающейся в учреждении совместных институтов государственной власти, указывается как одна из главных причин Люблинской унии³⁸⁹.

Именно 60-ые гг. XVI в. стали при этом для Литвы моментом важнейших преобразований, как в области общественного, так и государственного строя. На основе привилегии Сигизмунда Августа от 7 июня 1563 г. были упразднены последние ограничения прав православной шляхты³⁹⁰, заключающиеся в запрете (в практике не всегда соблюдаемым) на должности виленского и троцкого каштелянов и воевод³⁹¹. Значение данной привилегии для заключения Люблинской унии было подчеркнуто В.И. Пичетой. Именно этот документ, по его

³⁸⁸ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 19.

³⁸⁹ Właszyk G. Litwa na przełomie... S. 145-146.

³⁹⁰ Большинство различий в правовом положении католической и православной шляхты в Великом княжестве Литовском было упразднено уже в 1547 г.; Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawę sejmową o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Wyd. A. T. Działyński. Poznań: Drukarnia na Garbarach, 1841. S. 418-419.

³⁹¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III: 1544-1587. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. С. 118-121.

мнению, «превратил русскую шляхту в ярую сторонницу унии, столь благодетельной для шляхты»³⁹².

В 1564-66 гг. были проведены ключевые, во многом основанные на польских образцах, реформы государственного строя Великого княжества Литовского: судебная, административная и парламентская. Судебная реформа заключаясь в упразднении существующих до этого судов, отдельных для разных категории феодалов, введении единой судебной системы для всех представителей шляхетского сословия, а также принципа равенства прав всей шляхты³⁹³. Таким образом, не только прекращалось существование одного из главных инструментов власти князей и панов над литовской и русской шляхтой, но также (учитывая отмену ограничений прав православных) образовывалось единое шляхетское сословие Великого княжества, формально обладавшее одинаковыми правами и обязанностями.

В итоге административной реформы отменялось сложное территориальное деление Великого княжества Литовского на «множество единиц с разными названиями, численностью населения и площадью»³⁹⁴. Государство было разделено на 13 воеводств, которые, в свою очередь, делились на поветы (общей суммой 30), обладавшие судебными, административными и парламентскими функциями.

Ключевой для дальнейшего существования литовской парламентской системы оказалась третья из указанных реформ. Она заключалась в изменении характера и компетенций литовского сейма, введении сеймиков и преобразовании института рады панов. Все эти изменения, как, кстати, и предыдущие реформы, являлись по сути перенесением на Литву польских образцов государственного строя³⁹⁵. В их итоге литовский сейм, до этого имевший консультативный характер, стал законодательным органом, обладавшим исключительной компетенцией создания права. В его состав на полных правах была включена

³⁹² Пичета В. И. Указ. соч. С. 543.

³⁹³ См. подробнее: Лаппо И. И. Земский суд... С. 263-301; тот же. Подкоморский суд... С. 341-403; тот же. Гродский суд... С. 51-113.

³⁹⁴ Właszczyk G. Litwa na przełomie... S. 122.

³⁹⁵ Любавский М. К. Очерк истории... С. 276-290.

шляхта, голос которой до того не учитывался наравне с голосами панов и великих князей. С этого момента представители шляхты (выбранные на предсеймовых сеймиках) образовывали третий стан сейма, наряду с великим князем и панамирадой. Сам институт панов-рады был преобразован по образцу польского сената. Его состав расширился за счет учреждения новых должностей воевод и каштелянов, которые получили право заседания в нем, подобно коронным аналогам. По образцу Короны была введена также должность подканцлера.

Все эти реформы, закрепленные принятым в 1566 г. II Литовским Статутом, направленные на сближение литовского государственного строя с Польшей, открывали возможность заключения более тесных связей между Великим княжеством и Коронай и создания совместных институтов власти³⁹⁶. По мнению В.И. Пичеты «преобразование политического строя Литовского государства почти уничтожило препятствия к соединению Литвы с Польшей»³⁹⁷. Несомненно, реформы ущемляли доминирующую позицию литовской знати в пользу средней и мелкой шляхты, которая получала несравнимо больше влияния на политическую жизнь государства чем раньше³⁹⁸. Однако литовская знать все же сохранила несравнимо более сильную политическую позицию, чем коронная магнатория. Основной причиной этого являлось, как кажется, сохранение ее экономического доминирования, во многом связанного с тем, что в Литве, в отличие от Короны, не была проведена т.н. экзекуция имуществ, т.е. возвращение королевских имуществ, находившихся в незаконном владении магнатов. Не проведение экзекуции имуществ в Великом княжестве станет одним из главных требований литовской знати как до, так и после заключения Люблинской унии.

Именно в соперничестве шляхты и магнатов Великого княжества как российская, так и польская историография видели раньше основной фактор заключения Люблинской унии³⁹⁹. Литовская шляхта, борясь с доминированием знати, стремилась к получению позиции равной шляхте Короны, рассматривая

³⁹⁶ Bardach J. Krewa i Lublin. Z problemów unii... S. 46-53.

³⁹⁷ Пичета В. И. Указ. соч. С. 549.

³⁹⁸ Kiaura Z., Kiaurienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 227.

³⁹⁹ Коялович М. О. Люблинская уния... С. 21-22; Довнар-Запольский М. В. Польско-Литовская уния... С. 20; Любавский М. К. Очерк истории... С. 294-295; Halecki O. Dzieje unii jagiellońskiej. T. 2. Kraków: Akademia Umiejętności, 1920. S. 232-242.

унию с Польшей в качестве одного из способов достижения этой цели. В таком ключе объяснялись, к примеру, события съезда в Витебске в 1562 г.⁴⁰⁰.

Этот традиционный взгляд на процесс заключения унии был отчасти опровергнут новейшими исследованиями. Несмотря на заинтересованность литовских магнатов в сохранении своего политического доминирования в Великом княжестве Литовском, вряд ли можно говорить о выработке ими единой позиции относительно формального закрепления более тесных связей Литвы с Коронай. Вопрос заключения новой унии во многом стал заложником соперничества между Радзивиллами (Миколаем «Черным» и Миколаем «Рыжим») и Ходкевичами (Яном, Григорием и Юрием) за первенство в политической жизни Великого княжества.

Вплоть до конца 50-ых гг. XVI в. именно Радзивиллы играли ведущую роль в Великом княжестве Литовском. Они занимали ключевые государственные посты: «Черный» - канцлера и виленского воеводы, «Рыжий» - великого гетмана и троцкого воеводы. Радзивиллы были также очень близки к королю, который в 1547 г. даже женился на сестре «Рыжего», Барбаре. Все это позволяло им во время долгих периодов отсутствия Сигизмунда Августа в Великом княжестве практически сосредоточить в своих руках ведение государственной политики. Не удивительно поэтому, что именно Радзивиллы не были заинтересованы в слишком тесной унии с Польшей, которая ограничивала бы самостоятельность Литвы, а в практике – их собственную власть. Это все же не означало, что они являлись убежденными противниками любых связей с Польшей. Однако выдвигаемые ими проекты унии сводились лишь к тесному дипломатическому и военному союзу Великого княжества с Коронай, хотя были готовы даже согласиться на создание некоторых совместных институтов власти⁴⁰¹.

Однако в начале 60-ых гг. позиция Радзивиллов, в связи с ухудшением их отношений с Сигизмундом Августом, стала колебаться. Одной из причин этому

⁴⁰⁰ Любавский М. К. Литовско-русский Сейм... С. 636; Пичета В. И. Указ. соч. С. 545-546.

⁴⁰¹ Кемра Т. Konflikty w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku (do 1569 roku) a kwestia unii polsko-litewskiej // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.). Рэд. С. Сокал, А. Янушкевіч. Мінск: БІП-С Плюс, 2010. С. 56.

являлся поворот в политике короля, который стал явным сторонником заключения унии. Ослабление радзивилловского доминирования пытались использовать в свою пользу Ходкевичи, которые для получения поддержки со стороны монарха стали проявлять себя в качестве сторонников унии. О весомости фактора соперничества Радзивиллов и Ходкевичей свидетельствует факт, что вышеуказанная просьба собранной в 1562 г. под Витебском шляхты созвать совместный сейм для заключения унии была принята на этом съезде уже после выезда Миколая «Рыжего», а главным предводителем данного движения стал именно Ян Ходкевич, который был, кстати, вместе со своим двоюродным дядей, Мельхиором Шеметой, выслан с соответствующей просьбой к королю.

Кроме соперничества Радзивиллов и Ходкевичей заметными стали и другие причины отсутствия единогласия в Литве. Намного более склонной к заключению унии с Коронай, чем представители других литовских земель оказалась шляхта Волыни и Подляшья⁴⁰². Именно позиция представителей этих воеводств станет ключевой для судьбы унии период весны-лета 1569 г. решающим фактором неудачи литовских попыток сорвать исход сейма в Люблине и тем самым – заключение унии.

Стоит отметить, что единогласия по поводу формы желаемой унии с Литвой не было также у ее польских партнеров. Постулаты коронной шляхты варьировались от полного включения Великого княжества в состав Польши (коронный великий подскарбий Валенты Дембиньски, предлагал в январе 1564 г. даже упразднение названия «Великое княжество Литовское» и использование вместо него названия «Новая Польша») до более умеренных концепций, допускающих определенную самостоятельность Литвы в рамках будущего государства.

Совместная работа по определению условий унии между государствами началась, при существенной поддержке со стороны Сигизмунда Августа, во время сейма в Варшаве в 1563-64 гг.⁴⁰³. В его деятельности приняла участие также

⁴⁰² Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 20.

⁴⁰³ Подробнее см. Любавский М. К. Литовско-русский Сейм... С. 663-676.

литовская делегация во главе с Миколаем «Черным» Радзивиллом. Из-за несогласия на предлагаемые ей условия унии, литовская сторона выехала из Варшавы, по сути, срывая переговоры. Однако после ее выезда Сигизмунд Август издал два документа: «Рецес коронного сейма вокруг литовской унии» и «Декларацию о литовской унии», значение которых оказалось в будущем решающим для определения правил Люблинской унии. Король отказывался от своих наследственных прав на литовский престол и передавал их Польской Короне, а также заявлял о будущей совместной элекции (выборе) монарха, совместном сейме и уравнивании прав польской и литовской шляхты⁴⁰⁴. Следующие переговоры по заключению унии велись с 1566 г., но еще несколько раз срывались⁴⁰⁵.

Ключевым для решения данной задачи оказался сейм в Люблине, работа которого началась 10 января 1569 г. С формальной точки зрения в Люблине проводились два отдельных сейма, коронный и литовский. Еще до начала их работы Миколай «Рыжий» Радзивилл, который после смерти «Черного» занял пост канцлера и виленского воеводы, попытался избежать повторения ситуации из 1564 г., когда несмотря на литовское несогласие на условия унии, Сигизмунд Август в одностороннем порядке выдал два документа, серьезно меняющие статус Великого княжества. Радзивиллу удалось получить королевскую привилегию, выданную в Вогини 21 декабря 1568 г., в которой подтверждались литовские права и свободы, а также предусматривалась неограниченная возможность выезда представителей Великого княжества в случае их несогласия с предлагаемыми им условиями унии⁴⁰⁶.

Во время переговоров в Люблине польской стороной были предложены два проекта унии: компромиссный проект краковского епископа Филипа Падневского и менее приемлемый для Литвы проект от 12 февраля. В последнем предусматривались институт совместного сейма с одновременным упразднением

⁴⁰⁴ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski... S. 26.

⁴⁰⁵ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 228.

⁴⁰⁶ Akta unji Polski z Litwą 1385-1791. Wyd. S. Kutrzeba, W. Semkowicz. Kraków: Polska Akademia Umiejętności-Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932. S. 189-192.

отдельных сеймов Короны и Великого княжества, упразднение отдельного возведения на престол великого князя (предусматривалась лишь коронация на короля), а также отмена ограничений на получение имуществ и должностей в обеих частях совместного государства. В ответ литовской стороной был предложен проект, предусматривающий лишь создание совместного сейма, но без отмены отдельных сеймов для Короны и Литвы, отмену ограничения на получение имуществ (но с сохранением исключительного права литвинов на занятие постов в Великом княжестве), а также ведение совместной внешней политики. Литовский проект унии был, однако, отклонен польской стороной⁴⁰⁷.

Несогласная с польскими предложениями литовская делегация во главе с Радзивиллом ночью с 28 февраля на 1 марта покинула Люблин и вернулась в Литву, фактически срывая переговоры. Однако этот шаг оказался для судьбы Великого княжества роковым. Несмотря на положения вогинской привилегии, гарантировавшей литовской стороне возможность покинуть Люблин, коронный сейм во главе с королем не только не прекратил свою работу, но и принял ряд ключевых для судьбы унии решений. Во второй половине марта был предложен следующий проект унии, утвержден 24 марта Сигизмундом Августом, который в итоге лег в основу принятого 1 июля акта Люблинской унии⁴⁰⁸. Более того, сразу после выезда прозвучали требования включения в состав Короны принадлежавших Великому княжеству подляшского и волынского воеводств. Уже 5 марта Сигизмунд Август «вернул и включил» их в состав Короны⁴⁰⁹. На этом печальные для Литвы события не закончились. 27 мая король не только подтвердил передачу Польше Волыни, но добавил к ней еще и брацлавское воеводство⁴¹⁰. К тому же, 6 июня в состав Короны Сигизмунд Август передал и киевское воеводство⁴¹¹. Следует отметить, что как само решение литовской стороны о выезде из Люблина, так и проведенные после этого территориальные

⁴⁰⁷ Błaszczuk G. Litwa na przełomie... S. 146-147.

⁴⁰⁸ Akta unji Polski z Litwą... S. 221-227.

⁴⁰⁹ Ibid. S. 193-297.

⁴¹⁰ Ibid. S. 300-308.

⁴¹¹ Ibid. S. 308-319.

изменения получили весьма разные оценки со стороны историографии⁴¹². И.И. Лаппо, указывая на факт выдачи Сигизмундом Августом вогинской привилегии, в которой гарантировалось литовской делегации право покинуть Люблин, определил их как бесправные⁴¹³.

Польская наука, следуя мнению О. Халецкого, в качестве главного фактора успеха этих территориальных изменений усматривала позицию местной шляхты. Так, Подляшье уже давно было в очень большой степени заселено мазовецкой шляхтой. В его юридической системе присутствовали также многие элементы коронного правопорядка. Включение в состав Польши не воспринималось в силу этого большей частью шляхты как насильственное, но как вполне естественный шаг. По мнению Халецкого, также шляхта русских воеводств, прежде всего Волыни, хотела включения в состав Короны и восприняла этот шаг с одобрением⁴¹⁴.

Также украинский историк Я. Пеленский указывал на политические установки местной шляхты, прежде всего на заинтересованность магнатов (Александра Чарторыского, Константина Василя Острожского, Константина Вишневецкого или Романа Сангушки) в сохранении ряда прав и привилегий, что им, по его мнению, вполне удалось, а не в реализации интересов литовской элиты власти⁴¹⁵. Однако недавно устоявшееся в науке мнение о поддержке волынской шляхты для включения ее воеводства в состав Короны было поставлено под сомнение К. Мазуром, на основе найденного им неизвестного источникового материала⁴¹⁶.

⁴¹² Подробнее см. Kiaupienė J. Problem rozbicia jedności terytorialnej Wielkiego Księstwa Litewskiego w 1569 roku w kontekście historiografii poświęconej Unii Lubelskiej: tradycje i nowe interpretacje // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej. Red. L. Glemža, R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. P. 114-125.

⁴¹³ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения... С. 27-32; тот же. Литовский Статут... Т. 1.: Исследование. Ч. 1. Каунас: SPIDULIO, 1934. С. 247-253 и 282.

⁴¹⁴ Halecki O. Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. Kraków: Akademia Umiejętności, 1915. S. 237-243.

⁴¹⁵ Pelenski J. Inkorporacja ukraińskich ziem dawnej Rusi do Korony w 1569 roku. Ideologia i korzyści – próba nowego spojrzenia // Przegląd Historyczny. 1974. T. 65. Z. 2. S. 256-259.

⁴¹⁶ Mazur K. Nieznana petycja szlachty wołyńskiej do króla w dobie sejmu lubelskiego 1569 r. // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 2. С. 41-56; idem. Szlachta wołyńska wobec unii jagiellońskiej w dobie sejmu lubelskiego 1569 r. // Przegląd Historyczny. 2004. T. 95. Z. 1. S. 37-52.

Возвращение потерянных воеводств стало в последующие годы главным приоритетом политики Великого княжества. Провал проводимой «Рыжим» линии привел, тем временем, к серьезному изменению ситуации в самой Литве. Радзивилл, оставаясь убежденным противником заключения унии, устранился, а позицию главного руководителя литовской политикой занял Ян Ходкевич, который согласился на возвращение литвинов в Люблин и на возобновление переговоров. Как кажется, согласие на заключение унии рассматривалось в качестве цены за возвращение переданных Короне воеводств. Однако эти расчеты так и не сбылись, а литовская сторона смогла добиться лишь небольших уступок в свою пользу. Переговоры были завершены 29 июня, когда был согласован текст акта унии⁴¹⁷.

Несомненно, такое положение дел во время сейма в Люблине не отвечало литовским представлениям о способе заключения унии с Польшей. Как сами условия, так и способ принуждения Великого княжества к достижению соглашения являлись для литовской делегации глубоко разочаровывающим. Не удивляют, поэтому, горькие оценки случившегося, высказываемые самими литвинами. К примеру, один из них в письме к Радзивиллу определял Люблинскую унию как «похороны и вечное уничтожение свободной и отдельной речи посполитой, которой когда-то было Великое княжество Литовское»⁴¹⁸.

1.2. Государственная структура Речи Посполитой в итоге Люблинской унии

Акт Люблинской унии и другие документы, принятые во время сейма в 1569 г. учреждали «одно единое и неделимое тело», которым являлась «одна

⁴¹⁷ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 27-30.

⁴¹⁸ AGAD. AR V, 10263. S. 21. M. Naruszewicz do M. Radziwiłła „Rudego”. Lublin, 27.06.1569.

совместная Речь Посполитая, которая из двух отдельных государств и народов в один народ и государство слилась и соединилась»⁴¹⁹. На их основе учреждалась также новая система институтов государственной власти. Несмотря на заявление о создании «одного тела» новое государство – польско-литовская Речь Посполитая имела дуалистический характер и состояла из двух отдельных частей: Польской Короны и Великого княжества Литовского. Обе части сохраняли свои названия, территорию и границы – тем самым не осуществились планы полного включения Литвы в состав Польши, вплоть до отмены самого названия Великого княжества, выдвигаемые некоторыми представителями Короны.

Сложно, однако, говорить о полном равенстве обоих членов совместного государства. Это было связано со многими факторами. Часть из них имела вполне объективный характер. К таким, несомненно, стоит отнести человеческий или военный потенциал Короны и Литвы. Часть из них имела юридический характер и вытекала из определенных условиями Люблинской унии правового пространства. Третья группа факторов была связана со способом заключения унии в 1569 г., особенно с передачей Сигизмундом Августом Короне части территории Великого княжества. Ввиду этого, нам кажется вполне справедливым говорить не столько о формальном неравенстве членов Речи Посполитой, сколько о неравном соотношении сил между ними, поскольку данное явление выходило далеко за рамки чисто юридического характера созданных в Люблине институтов государственной власти.

Рассмотрим с начала соотношение территории и населения обеих частей Речи Посполитой. Еще в конце XV в. площадь Великого княжества Литовского насчитывала около 900 тыс. км². В итоге поражений в войнах с Москвой Литва потеряла около 40% своей территории, а ее площадь уменьшилась до около 550 тыс. км² (или 520 тыс. км²)⁴²⁰. Во время Ливонской войны были временно потеряны также занятые Иваном Грозным часть полоцкого (с самим Полоцком) и витебского воеводств. Однако на основе перемирия в Яме-Запольском (1582 г.)

⁴¹⁹ Akta unji Polski z Litwą... S. 358.

⁴²⁰ Błaszczuk G. Litwa na przełomie... S. 160.

Литве удалось не только вернуть эти земли, но и часть ранее потерянных территорий на полоцком и велижском направлениях.

Серьезнейшим ущемлением территории Великого княжества являлось включение Сигизмундом Августом в состав Короны подляшского, волынского, брацлавского и киевского воеводств, площадь которых занимала около 250 тыс. км² (или 220 тыс. км²), т.е. 45% территории Литвы до 1569 г.⁴²¹. В итоге, не считая Лифляндии, находившейся в совместном владении Литвы и Короны, Великое княжество Литовское после Люблинской унии занимало площадь около 296 900 км². Совместная площадь Короны и Литвы составляла около 815 тыс. км², а Речь Посполитая в целом, вместе с Лифляндией, обладала территорией около 867 тыс. км². Таким образом, Великое княжество Литовское после Люблинской унии занимало (без учета Лифляндии) около 36% территории совместного государства, т.е. чуть больше, чем одну треть⁴²².

Сложнее охарактеризовать соотношение количества населения обеих частей Речи Посполитой, прежде всего из-за недостаточных сведений исторической демографии. В проведенном в 40-ые гг. XX в. исследовании Г. Ловмянски определял численность населения Великого княжества в 1528 г. в целом как 2,7 млн жителей⁴²³. В 1961 г. им было предложено немного более низкое число – 2,5 млн, из чего полмиллиона отводилась Волыни, Брацлавщине и Киевщине. В 1569 г., по его мнению, численность населения Великого княжества составляла 3,5 млн человек. При чем, без волынского, киевского и брацлавского воеводств, но вместе с Подляшьем в Литве проживало 2,5 млн жителей⁴²⁴.

Другие исследователи указывали более высокие цифры. Е. Топольски полагал, что численность населения Великого княжества после 1569 г. достигала 3-3,5 млн жителей⁴²⁵. По мнению литовских историков Ю. Киаупене и З. Киаупы

⁴²¹ Ibid. S. 161.

⁴²² Aleksandrowicz S. Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII w. // Acta Baltico-Slavica. 1970. T. VII. S. 60; Augustyniak U. Historia Polski 1572–1795. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. S. 36-37.

⁴²³ Łowmiański H. Zaludnienie państwa litewskiego w wieku XVI: zaludnienie w roku 1528. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1998. S. 209-210.

⁴²⁴ Idem. Popisy wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. jako źródło do dziejów zaludnienia // Mediaevalia. W 50. rocznicę pracy naukowej Jana Dąbrowskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. S. 433-435.

⁴²⁵ Topolski J. Polska w czasach nowożytnych: od środkowoeuropejskiej potęgi do utraty niepodległości (1501-1795). Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1994. S. 68.

в границах Литвы до 1569 г. проживало 4 млн человек, а к середине XVII в. численность населения Великого княжества, уже в новых, послелюблинских границах, существенно выросла – к около 4,5 млн человек⁴²⁶. В принципе ими было повторено мнение Е. Можего, который для середины XVII в. указывал такую же цифру⁴²⁷.

Численность населения всей Речи Посполитой определяется разными исследователями как 7,5-8 млн человек скоро после заключения Люблинской унии и как 11 млн в середине XVII в.⁴²⁸. Таким образом, население Великого княжества Литовского после 1569 г. должно составлять, по разным подсчетам, от 33 до 44% населения всей Речи Посполитой, т.е. больше одной третьей. Это в общих чертах соответствует или в невысокой степени превышает соотношение территории обеих частей польско-литовского государства.

Актом Люблинской унии определялось существование совместных институтов государственной власти, среди которых ключевыми являлись совместный монарх и сейм. Монарх одновременно имел титул короля польского и великого князя литовского. Король избирался на совместной элекции, которая происходила в Короне. Однако условия и способ ее проведения в документах Люблинского сейма не определялись и были выработаны только после смерти Сигизмунда Августа. В акте Люблинской унии предусматривался лишь принцип, что отсутствие одной из сторон не мешает ее проведению. Очевидно, что данное решение на практике являлось существенным ограничением поля действий литовской шляхты, т.к. сложно было себе представить, чтобы на проходящую в Короне элекцию не приехала коронная шляхта. Также коронация монарха происходила лишь один раз, в Кракове. Тем самым упразднялось отдельное возведение на литовский престол⁴²⁹.

⁴²⁶ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 243.

⁴²⁷ Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1965. S. 136.

⁴²⁸ Topolski J. Op. cit. S. 68; Baranowski B., Herbst S. Wielonarodowa Rzeczpospolita szlachecka // Historia Polski. T. 1: Do roku 1764. Cz. 2: Od połowy XV w. Red. H. Łowmiański. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. S. 416; Samsonowicz H. Historia Polski do 1795 r. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990. S. 151.

⁴²⁹ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski... S. 35.

Создавался совместный сейм, состоявший из трех станов (короля, сенаторов и послов), и двух палат (посольской избы и сената, в котором заседал и король). Как уже отмечалось, именно сейм по своей структуре и составу в присущих польско-литовской политической культуре представлениях олицетворял всю шляхту и ее государство. По сути новый, совместный институт власти являлся продолжением польского «вального» сейма. В 1569 г. не изменился ни юридический характер сейма, ни его компетенции, ни способ функционирования, а данная дата не является существенным рубежом в его развитии⁴³⁰. В его состав лишь включались литовские послы и сенаторы.

О неравной позиции Короны и Великого княжества Литовского в рамках сейма свидетельствует, однако, не только сам юридический характер этого института. Местом его проведения оставалась Корона – только с 1673 г. каждый третий сейм должен был проводиться в Великом княжестве.

В обеих палатах отмечалось преимущество Короны, как в количестве представителей, так и в их иерархии. В сенате на общее число 140 сенаторских мест Великое княжество получило их лишь 27. Хотя в посольской избе количественное соотношение сил не было столь неравным, все же коронные послы составляли почти три четвертые ее состава. На общее число 166 послов, Литва имела лишь 44 представителя. Более того, несмотря на то, что в иерархии мест представители Короны и Литвы были перемешаны, все же, как в сенате, так и в посольской избе, первые места занимали коронные сенаторы и послы. Самый высокий из литовских сенаторов, виленский епископ, занимал лишь пятое или шестое место – попеременно с познанским епископом; среди светских сенаторов самый высокий представитель Литвы – виленский воевода – занимал четвертое место.

Главной причиной подобной ситуации являлась отнюдь не целенаправленная политика более сильного партнера – Польши – или короля Сигизмунда Августа, но определенный путь формирования литовского сейма,

⁴³⁰ Согласно Э. Опалинскому, только период бескоролья после смерти Сигизмунда Августа является моментом, в котором сейм проходит дальнейшую эволюцию – образуются конвокационный и элекционный сеймы, а также институт экстраординарных сеймов. (См. Opaliński E. Sejm srebrnego wieku... S. 13-16).

особенно после реформы 1564-66 гг. Как уже отмечалось, в их итоге были сформированы воеводства, которые в свою очередь разделялись на поветы. Эти территориальные единицы были при этом довольно крупными. В каждом из поветов собирался отдельный сеймик, на котором выбиралось по два посла на (тогда еще отдельный литовский) сейм. После включения в 1569 г. в состав Короны подляшского, волинского, брацлавского и киевского воеводств в Литве существовало (не считая обладавшей особым статусом Лифляндии) 22 повета. После включения в 1613 г. в состав Литвы смоленской и северской земель их число увеличилось до 24.

Эта простая и прозрачная схема существенно отличалась от коронной, в которой сеймики далеко не всегда совпадали с территориальным делением, а количество избираемых на них послов было разным и определялось сложившейся традицией. Кроме того, в Короне существовало несравнимо больше сеймиков, чем в Литве. Некоторые из сеймиковых округов являлись при этом совсем небольшими. Особенная раздробленность намечалась в Мазовии, разделенной на три воеводства. В ней существовало аж четырнадцать сеймиков, на которых избиралось, в общей сложности, 30 послов⁴³¹. С другой стороны, в Короне существовали также сеймики, охватывающие большие территориальные единицы и имеющие право посылать на сейм большее количество послов. Ярчайшим примером этому является сеймик средский, в котором участвовала шляхта двух воеводств, входивших в состав Великой Польши: познанского и калиского. На этом сеймике, одном из важнейших в политической жизни государства, избиралось аж двенадцать послов.

Также количество сенаторов зависело во многом от особенностей территориального деления. В состав сената входили: католические архиепископы и епископы, воеводы, каштеляны, а также некоторые высшие центральные должности (как коронные, так и литовские): великий маршалок, канцлер, подканцлер, великий подскарбий и надворный маршалок. Поскольку Люблинская уния предусматривала сохранение литовских центральных должностей,

⁴³¹ Choińska-Mika J. Op. cit. S. 23-25.

количество сенаторских мест зависело от количества епископов, воевод и каштелянов.

Именно здесь наметились серьезные различия между Короной и Литвой. В Литве существовало лишь два епископства: жмудское и виленское (лишь в 1638 г. в состав сената был включен недавно назначен смоленский епископ). В то же время в Короне после Люблинской унии существовало 13 католических епископств (два из них, луцкое и киевское до 1569 г. находились в составе Великого княжества).

Еще более серьезные отличия существовали в количестве воевод и каштелнов, которое в Великом княжестве Литовском было сравнительно небольшим. После Люблинской унии Литва делилась на 8 воеводств и Жмудь, фактически обладавшую статусом воеводства, но вместо воеводы имевшую генерального старосту. В каждой из этих территориальных единиц имелся один каштелян. К этому прибавлялись чисто формальные до 1611 г. должности смоленского воеводы и смоленского каштеляна. В то же время в Короне количество аналогичных должностей было несравнимо больше, при этом варьировалось в разных территориальных единицах. Особенно многочисленными были т.н. «лавочные» каштеляны (*kasztelanowie drążkowi*), находившиеся в конце чиновничьей иерархии. Их название происходило от того, что они не имели права заседать в сенате на отдельных креслах, но на узких лавках под стеной. К примеру, в одной Мазовии насчитывалось 11 каштелянов, т.е. больше, чем во всей Литве.

Стоит отметить, что все эти отличия вытекали из характера проведенной в 1564-66 гг. реформы государственного строя Великого княжества Литовского. Хотя она и была основана на польских образцах, однако вводила в Литве намного более прозрачную, но в то же время более крупную структуру территориального деления. Таким образом, Литва не повторяла сложную коронную систему. Указанные отличия сказались на составе ее парламентской репрезентации. Кроме того, необходимо при этом помнить, что разница в количестве представителей

отчасти вытекала также из факта включения в состав Короны четырех воеводств, которые до 1569 г. принадлежали Великому княжеству.

Также юрисдикция во время сейма принадлежала, на основе выданного 19 июля 1569 г. «Порядка, согласно которому коронные и литовские маршалки вести себя должны», коронному великому маршалку. Только в случае если бы сейм проходил в Литве, юрисдикция принадлежала бы литовскому великому маршалку. Однако это являлось лишь теоретической возможностью, поскольку в практике все сеймы в исследуемый нами период проходили в Короне. Первый сейм на территории Великому княжества (в Бресте) был созван в 1653 г. Только спустя двадцать лет после сейма в Бресте был принят принцип проведения каждого третьего сейма в Гродне, первый из которых состоялся в 1678 г.

Необходимо при этом отметить, что количество представителей обеих частей Речи Посполитой во многом теряло свое значение в итоге принятого на сейме принципа общего согласия – согласия трех станов сейма (короля, сената и послов) и всех их представителей, как литовских, так и коронных. Отсутствие такого согласия делало невозможным принятие какого бы то ни было решения.

Принцип общего консенсуса являлся одной из основ политической культуры польской шляхты. Однако это не означало, что каждый голос протеста мог парализовать работу сейма. Очень долго мнение отдельных несогласных послов просто игнорировалось. Гибкая процедура работы сейма давала возможность учитывать лишь те мнения, которые поддерживались какой-то более или менее сформированной группой. Таким образом, даже находясь в меньшинстве, представители Литвы в случае достижения хотя бы аморфного единства могли блокировать принятие невыгодных для себя решений, что в практике иногда действительно имело место. Можно, однако, сказать, что уже с самого начала существования совместного сейма позиция Литвы была по сравнению с Короной слабее, тем более, что представители последней всегда играли более активную роль в его деятельности.

Кроме институтов государственной власти в лице монарха и сейма совместными являлись также монета (хотя чеканилась отдельно в Короне и Литве

и с использованием собственных штемпелей⁴³²), а также внешняя политика. Здесь допускались, однако, некие различия и свобода действий сторон⁴³³. В практике сложилось, что в зону ответственности Великого княжества входили отношения с Москвой, в то же время Корона отвечала за отношения с татарами и Турцией. Однако данное разделение не имело формального характера, оно вытекало скорее из политических приоритетов сторон. Отменены были также ограничения в приобретении имущества литовской шляхтой в Короне, а коронной в Литве. Как мы еще увидим, литовская сторона все же попыталась (при этом вполне успешно) сохранить эти ограничения.

Несмотря на заявление об учреждении «одного единого и неделимого тела», все же сохранились элементы суверенитета сторон унии. Продолжали существовать отдельные институты государственной власти, прежде всего центральные учреждения. Сохранились также отдельные армия и казна. Великое княжество Литовское имело также собственные привилегии и юридическую систему в виде II Статута, который сохранил свою силу также на территории включенных в состав Короны воеводств. В Литве и в отторгнутых от нее землях не вводилась также экзекуция имущества⁴³⁴. Однако во время люблинского сейма была учреждена комиссия, целью которой являлась унификация прав обеих частей Речи Посполитой⁴³⁵.

Характер заключенной в 1569 г. унии стал предметом разных оценок со стороны историографии. Учрежденная в ее итоге Речь Посполитая рассматривалась как реальная уния, федеративное или унитарное государство⁴³⁶. Последнее мнение, как кажется, не отвечает правовому характеру этого образования. Нельзя согласиться с мнениями о прекращении существования литовской государственности в итоге заключения Люблинской унии, которое

⁴³² Bardach J. Krewo i Lublin. Z problemów unii... S. 57.

⁴³³ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski... S. 35.

⁴³⁴ Bardach J. Krewo i Lublin. Z problemów unii... S. 57.

⁴³⁵ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski... S. 36.

⁴³⁶ Błaszczak G. Rzeczpospolita w latach 1569-1795. Węzłowe problemy stosunków polsko-litewskich // Zapiski Historyczne. 1998. T. LXIII. Z. 1. S. 59-60.

высказывалось рядом исследователей XIX – начала XX вв.⁴³⁷. В положениях акта унии и других документов, определяющих систему государственной власти, мы все же можем найти аргументы, подтверждающие как концепцию реальной унии, так и федеративного государства. Несомненно, однако, что после 1569 г. продолжали существовать элементы государственного суверенитета Литвы⁴³⁸. По мнению Ю. Бардаха, Люблинская уния гарантировала «внутреннюю самостоятельность Великого княжества в рамках многонациональной Речи Посполитой»⁴³⁹.

1.3. Литовские попытки «исправления унии» и завершение формирования системы институтов государственного управления Речи Посполитой

Условия и способ заключения унии вызвали недовольство в Литве. 1569 год открывает период, когда «политические силы Великого княжества Литовского прикладывали усилия по приспособлению унии к своим целям⁴⁴⁰». Еще во время сейма в Люблине литвинами предпринимались попытки «исправления» унии. Этому способствовал общий характер акта Люблинской унии, в котором не предусматривалось решение многих детальных вопросов. К ним принадлежали, в том числе, принадлежность Лифляндии, способ проведения будущей элекции короля или детальное определение компетенций литовских органов власти. Кроме того, важнейшим вопросом политической повестки дня являлось для Великого княжества получение коронной поддержки в Ливонской войне⁴⁴¹.

⁴³⁷ Коялович М. О. Люблинская уния, или последнее соединение литовского княжества с польским. СПб.: издание редакции газеты «Русский инвалид», 1863. С. 5-6; Любавский М. К. Очерк истории... С. 312-313.

⁴³⁸ Лапо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения... С. 79-81; Пичета В. И. Указ. соч. С. 550. Kutrzeba S. Op. cit. S. 142.

⁴³⁹ Bardach J. Krewa i Lublin. Z problemów unii... S. 59.

⁴⁴⁰ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 234.

⁴⁴¹ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 41-45.

Что касается последнего вопроса, совместному польско-литовскому посольству в Москву удалось в июне 1570 г. заключить перемирие сроком на три года. Однако Великому княжеству Литовскому не удалось сохранить исключительную власть в Лифляндии, переходившей в совместное владение Литвы и Короны, несмотря на принадлежность этих земель с 1561 г. Литве. В конце работы люблинского сейма литовская сторона предприняла также попытки вернуть отошедшие к Короне воеводства, однако эти стремления оказались безрезультатными⁴⁴². Включение в состав Короны подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств породило проблему установления границ между этими воеводствами и Великим княжеством и повлекло за собой появление споров о пограничных имуществвах.

Важнейшим событием в истории литовских стремлений по изменению условий унии оказалось заключение т.н. фамилийной трансакции – политического соглашения между соперничающими до этого за доминирование в Литве Яном Ходкевичем и родом Радзивиллов (Миколаем «Рыжим» и Миколаем Кшиштофом «Сироткой»). Этот шаг дал возможность выработки единой позиции литовской шляхты во время бескоролья после смерти Сигизмунда Августа и элекции нового короля.

Представители Литвы намеревались провести, несмотря на постановления Люблинской унии, отдельную элекцию эрцгерцога Эрнэста Габсбурга, сына императора Максимилиана, на великокняжеский престол. Таким образом, литовская знать пыталась принудить Корону к выбору Эрнэста на польский престол, рассчитывая на то, что представители Короны не решатся на разрыв унии. Поддержка Эрнэста Габсбурга мыслилась при этом как средство решения приоритетных политических задач. В обмен за поддержку литовские элиты хотели получить от Эрнэста подтверждение всех прав и свобод Литвы, в том числе сохранения своего исключительного права на занятие постов в Великом княжестве, а также возвращения потерянных в 1569 г. земель⁴⁴³.

⁴⁴² Ibid. S. 52.

⁴⁴³ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 235.

После смерти Сигизмунда Августа (7 июля 1572 г.) литвины оказались «более подготовленными к ситуации бескоролья чем их коронные партнеры»⁴⁴⁴. К тому же в скором времени литовской элитой сформировалось пространство взаимной коммуникации. Эту функцию исполнили съезды представителей Великого княжества, первый из которых состоялся в Рудниках с 24 по 27 сентября 1572 г. Эти съезды, не предусмотренные ни Люблинской унией, ни какими-либо другими правовыми актами, несомненно, выходили за рамки существующего государственного строя. Отсутствие правовых норм, определяющих их характер и задачи, давало при этом возможность использования их как гибкого инструмента для достижения консенсуса с целью решения стоявших перед литовской элитой задач.

Стоит подчеркнуть, что съезд в Рудниках имел место в совершенно новой политической ситуации. Смерть последнего представителя династии Ягеллонов означала необходимость поиска принципов и путей выбора нового короля, а также обеспечения внутренней и внешней безопасности. Поднятая на съезде в Рудниках проблематика входила в сферу исключительных компетенций совместных сеймов – съезд занялся вопросами налогов, обороны и внешней политики. Во время его работы выдвинут был также проект выбора королем сына царя Ивана Грозного – Федора. На съезде было решено послать к царю посольство во главе с Михалом Гарабурдой, которое должно было согласовать с ним условия выбора.

Спорным вопросом остается, насколько предложения литовской элиты являлись искренними, а насколько были обусловлены опасностью конца перемирия, заключенного в 1570 г. Попытка вести самостоятельную внешнюю политику в отношениях с Москвой и переговоры с царем вызвали, однако, напряженность в польско-литовских отношениях. К этому прибавились еще и другие причины. С литовской стороны последовали многочисленные заявления о необходимости изменить место и дату выбора короля, а также способ участия литвинов в конвокационном сейме, который должен был определить способ и

⁴⁴⁴ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 80.

срок проведения элекции. Литовская элита, собранная на съезде в Вильне (конец 1572 – начало 1573 гг.) прислала на него лишь свое посольство, не принимая активного участия в его деятельности. Литовская тактика во многом имела своей целью подчеркнуть независимость Великого княжества, но отчасти вытекала также с беспрецедентного характера бескоролья, и отсутствия выработанных правовых инструментов.⁴⁴⁵

Во время элекционного сейма представители Литвы отказались, однако, от продвижения кандидатуры Габсбурга и поддержали Генриха Валуа, получив от его посла согласие на все выдвигаемые ими постулаты, прежде всего на возвращение отошедших к Короне воеводств⁴⁴⁶. Скоро, уже во время коронационного сейма в 1574 г. литовская элита оказалась глубоко разочарована, когда выяснилось, что Генрих не желает выполнять обещанного⁴⁴⁷.

Ситуация качественно изменилась после тайного выезда короля во Францию в ночь с 18 на 19 июня 1574 г. Несмотря на пережитое разочарование, литовская знать долго, но безуспешно, ждала его возвращения. Когда оказалось, что Генрих Валуа, получив французский престол, не намеревается приезжать в Речь Посполитую и единственным путем выйти из политического тупика является проведение новой элекции, литвинами вновь была поддержана кандидатура Эрнэста Габсбурга. Как и раньше, в Великом княжестве был разработан план проведения сепаратного выбора Эрнэста на великокняжеский престол в обмен на согласие на литовские условия.

В отличие от предыдущего бескоролья Литва находилась в довольно благоприятной международной обстановке, поскольку ей удалось продлить перемирие с Москвой. Решение об отдельном выборе Эрнэста было принято на очередном съезде литовской знати в Вильне, в октябре-ноябре 1574 г. Ценой за поддержку должно было стать подтверждение Эрнэстом свободы и самостоятельного статуса Великого княжества, возвращение потерянных земель и обещание не проводить в Литве экзекуцию имуществ. Все же литовская знать не

⁴⁴⁵ Ibid. S. 92-108 и 123-136.

⁴⁴⁶ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 235.

⁴⁴⁷ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 161-163.

отказывалась от возможной поддержки для Генриха Валуа, если тот вернулся бы в Речь Посполитую и выполнил данные Великому княжеству обещания⁴⁴⁸.

Ухудшение международной позиции Литвы в связи с возобновлением Иваном Грозным и датским принцем Магнусом более активных действий в Лифляндии, а также более реалистичная оценка шансов Эрнэста на престол привели к тому, что среди литовской элиты единство вновь было потеряно. Часть представителей Великого княжества, во главе с канцлером и виленским воеводой Миколаем «Рыжим» Радзивиллом пришли к выводу о необходимости более гибкого подхода и высказывания поддержки также самому императору Максимилиану или, возможно даже, какому-то другому кандидату, в зависимости от его шансов на получение престола. Дополнительной причиной изменения литовской тактики стала популярность среди коронной шляхты лозунга выбора на польский престол «Пяста» (т.е. не иностранца, а собственного, хотя и точно не определенного кандидата) или даже Рюриковича.

Во время элекционного сейма 1575 г. имела место раздвоенная элекция. Большинство сенаторов и Литва выбрали королем императора Максимилиана Габсбурга, но заседающая отдельно шляхта объявила о выборе Анны Ягеллонки и данного ей в качестве мужа Стефана Батория. Скоро единство Великого княжества распалось, и часть литовской шляхты также начала поддерживать Батория. Оказалось, что император отнюдь не горит желанием занять польский престол, не собирается принимать выдвигаемые ему условия и надеется на передачу польского престола Эрнэсту. Одновременно стало очевидным преобладание Батория в Короне. Отсутствие единства и более активных действий со стороны Литвы привело к потере ею политической инициативы и возможности влиять на ход действий. 5 апреля 1576 г., без присутствия представителей Великого княжества, Баторий был коронован. Литовская элита лишь в июне согласилась признать его выбор, во многом в силу успехов Ивана Грозного и Магнуса в Лифляндии. Великому княжеству удалось, все же, получить в обмен обещание выполнить свои постулаты, среди которых были проведение каждого

⁴⁴⁸ Ibid. S. 191.

второго сейма в Литве, возвращение потерянных земель и назначение исключительно литвинов на должности литовских гетманов⁴⁴⁹.

Период двух первых бескоролевий после смерти Сигизмунда Августа оказался временем, имеющим ключевое значение для функционирования польско-литовского государства. Несмотря на предпринимаемые литовской знатью попытки проведения сепаратного выбора на великокняжеский престол и постоянное подчеркивание самостоятельности Великого княжества, заключенная в Люблине уния не претерпела в кризисное время серьезных изменений. Стоит согласиться с мнением, что это случилось главным образом потому, что целью литовской политики не являлось сорвать унию, «но укрепить позицию Литвы в ее рамках [...] подчеркивая дуалистическую структуру Речи Посполитой и указывая на необходимость считаться с литвинами»⁴⁵⁰. Следует при этом учесть, что нежелание разрывать унию во многом было вызвано сложной позицией Литвы в Ливонской войне. Указанные цели удалось достичь лишь частично. Необходимость считаться с мнением представителей Великого княжества не привела, однако, к решению тех глобальных задач, которые ставились Литвой сразу вскоре после заключения унии. Несмотря даже на полученные литвинами от Стефана Батория обещания, в структуре государственных органов власти не произошли изменения, которые могли бы позволить нам говорить о серьезном преобразовании характера совместного государства. Великое княжество Литовское не вернуло себе также отошедшие к Короне воеводства.

Периодом определенной стабилизации унии и позиции Литвы в рамках Речи Посполитой являлось правление Стефана Батория (1576-86 гг.). Великое княжество дождалось эффективной поддержки со стороны Короны в Ливонской войне. Успешные военные кампании Батория против Москвы, возвращение занятого Иваном Грозным в 1563 г. Полоцка, а также заключение перемирия в Яме-Запольском, которое обеспечило Речи Посполитой владение большей частью Лифляндии, наконец устранили опасность с востока. Однако Лифляндия, опять

⁴⁴⁹ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 236.

⁴⁵⁰ Ibid. S. 236-237.

же, передавалась в совместное владение Литве и Короне. Несомненным достижением Литвы оказалось учреждение в 1581 г. Литовского трибунала, отдельного от Коронного, что подчеркивало характер Речи Посполитой как дуалистического государства. В этот же период началась работа по подготовке нового, III Литовского Статута⁴⁵¹.

Во время правления Стефана Батория в Литве была также разработана идейная основа самостоятельной политической линии. Подобную задачу выполнили труды Мачея Стрыйковского, которого З. Войтковяк назвал «выразителем литовских национальных интересов»⁴⁵². Как уже отмечалось, по мнению А.И. Рогова, «одной из основных идей Хроники и являлось возвеличение Литвы, подтверждение ее самостоятельности, благородства и знатности ее властителей. Мы увидим проявление этой идеи на протяжении всей Хроники»⁴⁵³. Именно Стрыйковский детально разработал упомянутую уже в литовско-русских летописях, в том числе «Хронике Быховца», легенду о римском происхождении литовской шляхты, что должно было подчеркнуть ее равноправие, а может и даже превосходство над шляхтой коронной. Равноправие Литвы и Короны подчеркивалось при этом автором постоянно.

Во время очередного бескоролья, после смерти Стефана Батория (декабрь 1586 – январь 1588 гг.) ситуация Литвы во многом повторилась. Литовская элита так и не смогла достичь единства в своих предпочтениях. Ее часть поддержала кандидатуру царя Федора Ивановича, другие Максимилиана Габсбурга, брата императора Рудольфа. Литвинами были выдвинуты те же требования, которые оставались главной линией политики после люблинского сейма: созыва каждого второго сейма в Литве или передачи Великому княжеству полного контроля над Лифляндией⁴⁵⁴. Однако опять же Литва оказалась вне главного течения политической жизни. Представители Великого княжества, за редкими исключениями (в лице несвежской ветви Радзивиллов) не приняли участие в

⁴⁵¹ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski... S. 38-39.

⁴⁵² Wojtkowiak Z. Op. cit. S. 216.

⁴⁵³ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 126.

⁴⁵⁴ Kiaura Z., Kiaurienė J., Kucevičius A. Op. cit. S. 240.

выборе короля. После разделенной элекции, когда одновременно на престол были избраны Максимилиан Габсбург и шведский королевич Сигизмунд Ваза, литовская шляхта изначально отказалась от поддержки какого бы то ни было из соперников. Победа сторонников Вазы заставила их, однако, пересмотреть свои позиции. Литвинами были вновь представлены условия, на которых они соглашались признать выбор Сигизмунда. Стоит отметить, что перечень этих условий качественно отличается от ранее выдвигаемых требований. Главное место среди них занимал постулат подтверждения заключенного с Москвой перемирия, а также только что изданного III Статута. Из основных до этого приоритетов Великого княжества среди представленных Сигизмунду условий мы встречаем лишь требование полного контроля над Лифляндией. Даже эти, настолько смягченные по сравнению с литовской «программой максимум», постулаты встретились с сопротивлением со стороны как самого Сигизмунда, так и представителей Короны. В итоге литовской знати пришлось отказаться даже от требования контроля над Лифляндией и смириться с ее подчинением совместной власти Литвы и Короны⁴⁵⁵.

Двадцатилетний период между заключением Люблинской унии и началом правления Сигизмунда III оказался временем испытаний для заключенного в 1569 г. соглашения. Несмотря на различные трудности, в течение этого времени вырабатывалась практика существования совместного государства и взаимных связей Литвы и Короны. Речь Посполитая после смерти Сигизмунда Августа пережила важнейший период развития институтов государственного строя, в том числе таких основополагающих для ее дальнейшего существования как вольная элекция, генрицианские артикулы или пакта конвента.

В течение этого времени был также завершен процесс институционального формирования Великого княжества Литовского. Мы упоминали уже о создании Литовского трибунала, а также о принятии и утверждении Сигизмундом Вазой III

⁴⁵⁵ Wisner H. Unia lubelska i statut litewski... S. 39; см. также Bardach J. Zatwierdzenie III Statutu litewskiego... S. 39-51.

Литовского Статута⁴⁵⁶. В итоге создавалось особое, отдельное правовое пространство, а Великое княжество Литовское стало обладать не только разработанной и довольно четкой системой материального права в лице Статута, но и полностью самостоятельной отдельной судебной системой, вместе с ее главным элементом – Трибуналом. Именно вопрос функционирования и организации отдельной литовской судебной системы станет, как мы увидим в третьей главе, одной из ключевых проблем, обсуждаемых в парламентской деятельности Великого княжества.

Кроме завершения формирования судебной системы и системы материального права важным элементом структуры государственных институтов власти Великого княжества Литовского стало возникновение института главных съездов или виленских конвокаций, которые изначально мыслились как площадка выработки единой литовской политики в условиях первых бескоролевий. Несмотря на отсутствие подобного органа в определенной Люблинской унией системе государственных органов Речи Посполитой, неформальные съезды литовской знати, среди которых первый имел место в сентябре 1572 г. в Рудниках⁴⁵⁷, стали постепенно приобретать институциональный характер и скоро прочно закрепились в системе органов государственного управления. В течение правления Сигизмунда III, как отмечалось в первой главе, данный институт вообще приобрел черты своеобразного заместителя существующего до заключения унии отдельного литовского сейма. Именно тогда была выработана процедура, во многом повторяющая процедуру созыва сейма, вместе с созывом поветовых сеймиков, на которых происходил выбор послов и подготовка для них соответствующих инструкций.

Итак, период 1569-87 гг. мы можем назвать временем окончательного формирования тех институтов власти, которые будут определять специфику существования Великого княжества в рамках Речи Посполитой во время правления Сигизмунда III и Владислава IV. Стоит отметить, что указанная нами

⁴⁵⁶ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 421-424.

⁴⁵⁷ Idem. Zjazd w Rudnikach... S. 203-219.

эволюция системы органов польско-литовского государства имела характер усиления элементов государственного суверенитета Великого княжества.

Однако конец третьего бескоролья во многом завершает литовские усилия, направленные на изменение условий Люблинской унии. Как мы увидели, литовской элите так и не удалось достичь успеха на большинстве своих приоритетных направлений. В частности, не были решены ключевые задачи возвращения потерянных в 1569 г. воеводств и сохранения исключительного управления Лифляндией. Провал литовских усилий привел к кардинальному изменению проводимой представителями Великого княжества политической линии. С этого момента ключевым вопросом стало для Литвы не изменение условий Люблинской унии, но сохранение тех элементов государственного суверенитета, которые удалось сохранить или выработать в течение 1569-87 гг. Именно на выполнение данной задачи будут направлены литовские усилия, предпринимаемые в рамках парламентской жизни Великого княжества. Вместе с тем во время правления Сигизмунда III и Владислава IV, как мы впоследствии увидим, не осуществляются попытки реформирования парламентской системы Речи Посполитой в сторону принятия более выгодных для Литвы условий, как это было еще в предшествующий период.

2. Понятийный аппарат сеймиковых источников и политическая культура литовской шляхты

Соглашаясь с Эвой Бэм-Висьневской, что «язык, использованный конкретным обществом, отражает его структуры»⁴⁵⁸, мы полагаем, что именно язык является одной из важнейших плоскостей, в которой проявляется

⁴⁵⁸ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 8.

национальная идентичность. Исследования языка (как его понятийной системы, так и использованной риторики) исторических источников могут внести новый взгляд на вопросы, которые являются предметом интереса со стороны историографии.

В связи с этим весьма интересным кажется проведение анализа понятийного аппарата литовских сеймиковых инструкций как проявления политической культуры шляхты Великого княжества Литовского. Для решения данной исследовательской задачи мы рассмотрим, каким способом употреблялись главные понятия политической терминологии Великого княжества Литовского, а также какие смысловые категории были присущие этим понятиям. Это позволит нам ответить на вопрос, что именно обозначали используемые в сеймиковом делопроизводстве понятия, такие как «речь посполитая», «отчизна», а также каким образом они пересекались с терминами «Великое княжество Литовское», «Польша» или «Корона».

В данном исследовании были использованы как количественный (для подсчета частотности употребления лексем), так и эгземплификационный метод, позволяющий ознакомиться с контекстом, в котором выступают исследуемые лексемы. Это даст нам возможность увидеть не только все многообразие понятийного аппарата сеймиковых источников, но также определить, какие из наблюдаемых нами моментов можно считать закономерностью, а которые стоит отнести к ряду случайностей.

В качестве материала для проведения количественного анализа было выбрано 141 сеймиковая инструкция, являющихся основным и наиболее однотипным документом сеймикового делопроизводства, что делает выводы, основанные на сопоставлении сеймиковых инструкций наиболее показательными.

Для выявления динамики исследуемых перемен весь период 1587-1647 гг. был разделен на подпериоды, отвечающие приблизительно следующим десятилетиям: 1587-1600, 1601-1610, 1611-1620, 1621-1630, 1631-1640, 1641-1647. Количество инструкций, являющихся предметом анализа для следующих подпериодов, указано в Таблицы 2.

Таблица 2. Количество сеймиковых инструкций для отдельных подпериодов	
подпериод	количество инструкций
1587-1600	17
1601-1610	14
1611-1620	31
1621-1630	22
1631-1640	32
1641-1647	25
Итого 1587-1647	141

Стоит отметить, что с течением времени объем инструкций увеличивался. Данное явление было уже указано в первой главе в Таблицы 1, где было представлено среднее количество страниц рукописи для отдельных подпериодов.

В силу разного количества инструкций для разных подпериодов, а также разного объема отдельных инструкций, в наших рассуждениях использованы не только абсолютные величины, но и соответствующие коэффициенты: частотности употребления лексемы на инструкцию (для реже употребляемых лексем) и частотности употребления лексемы на страницу рукописи (для чаще употребляемых). Стоит при этом подчеркнуть, что даже эти коэффициенты сложно считать вполне сопоставимыми, поскольку рукописи отличаются как характером письма, так и разным объемом текста, помещенным на одной страницы источника. Несмотря на это, их употребление позволяет обнаружить некие интересные явления, касающиеся как языка, так и риторики, использованных в литовских сеймиковых инструкциях.

Стоит подчеркнуть, что подобного рода исследования неизбежно связаны с разными проблемами. Упомянутая уже Э. Бэм-Висьневска отметила, что

«исследуемые понятия несут разные семантические уровни»⁴⁵⁹. В их интерпретации нельзя, к сожалению, избежать определенной доли произвольности. Причиной этого является отсутствие точных инструментов, позволяющих разрешить проблемы в интерпретации и соотнести данное употребление лексемы с определенной смысловой категорией. «Ни обширная цитата, ни широкий контекст не гарантируют уверенности в значении, в каком выступает данный термин»⁴⁶⁰. Осознавая эти сложности, в данной работе мы отказались от разработки точной и исчерпывающей классификации использованной в источниках терминологии в пользу рассуждений типологического характера.

Несомненно, важнейшей лексемой польской политической терминологии Раннего Нового времени является понятие «речи посполитой», которое «имело существенное и однозначное влияние на политическое сознание общества, как и на форму государства»⁴⁶¹. Однако, несмотря на то, что данный термин был уже предметом частных исследований⁴⁶², он, к сожалению, все же не дождался всесторонней систематизации⁴⁶³.

Понятие «речи посполитой» выводится из латинской терминологии государственного строя и является дословным переводом на польский язык термина «*respublica*», происходящего от латинских слов «*res publica*», т.е. «общее дело». Оно распространилось в польской политической мысли в XVI в., в связи с обращением мысли эпохи Возрождения к античной традиции. Однако

⁴⁵⁹ Автор выделяет четыре типа значений (отмечая при этом, что данная схема имеет прежде всего теоретический характер): выявленные автором и читателем; выявленные автором, но не опознанные читателем; опознанные читателем, но использованы автором бессознательно; невыявленные ни автором, ни читателем; *Ibid.* S 58-59.

⁴⁶⁰ Mazur K. W stronę integracji... S. 227-228.

⁴⁶¹ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 168.

⁴⁶² Olszewski H. Rzeczpospolita. Przyczynek do dziejów ideologii polityczno-prawnej w dawnej Polsce // *Idem.* Sejm w dawnej Rzeczypospolitej: ustrój i idee. T. 2: Studia i rozprawy. Poznań: Printer, 2002. S. 7-16; Opaliński E. Kultura polityczna szlachty polskiej...; Pietrzyk-Reeves D. O pojęciu «Rzeczpospolita» («*res publica*») w polskiej myśli politycznej XVI wieku // *Czasopismo Prawno-Historyczne.* 2010. T. LXII. Z. 1. S. 37-63; Mazur K. W stronę integracji...; см. также рассуждения Э. Бэм-Висьневской, являющиеся попыткой короткого сопоставления с термином «Польша»; см. Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 168-171.

⁴⁶³ В отношении других терминов польского политического языка необходимо отметить, что название «Польша» стало предметом неоднократно цитируемой работы Э. Бэм-Висьневской (*Funkcjonowanie nazwy Polska...*); предметом анализа того же автора было также понятие «отчизна» («*ojczyzna*»): Bem E. Termin „ojczyzna” w literaturze...; данному термину посвящена также работа Б. Отвиновской: *Otwinowska B.* *Op. cit.*; недавно, употребление того же термина, вместе с понятиями «государства» и «нации», было исследовано Ю. Лгомской: *Legomska J.* *Op. cit.*

классическое понятие «respublica», использованное для описания польской государственности того времени, приобрело в трудах употребляющих его авторов специфический для Польши характер. Его распространение во многом связано с тем, что в античной традиции была сформулирована концепция смешанной формы правления, соединяющей монархический, аристократический и демократический элементы, что в наибольшей степени отвечало идеологии шляхетского движения, как гарантия сохранения свобод этого сословия и ограничения королевского абсолютизма⁴⁶⁴. Из Коронных земель, параллельно с усиливающимся влиянием польских образцов государственного строя, это понятие в течение XVI в. проникало в Великое княжество Литовское.

Термин «речь посполитая» (вместе с его латинским аналогом, т.е. «respublica») является наиболее часто употребляемым понятием в сфере политической терминологии литовских сеймиковых инструкций. Во всех исследуемых источниках оно употребляется всего 1653 раза. Частотность его употребления в обсуждаемый нами период указана в Таблицы 3:

Таблица 3. Частотность употребления термина «речь посполитая» в отдельные подпериоды		
Подпериод	Суммарное количество употреблений термина	Частотность употребления термина на страницу рукописи
1587-1600	99	1,49
1601-1610	115	1,71
1611-1620	387	2,26
1621-1630	259	2,48
1631-1640	421	2,24
1641-1647	372	1,95
Итого 1587-1647	1653	2,09

⁴⁶⁴ Pietrzyk-Reeves D. Op. cit. S. 37-40.

Для более четкого изображения наблюдаемых явлений использована диаграмма (Диаграмма 1), в которой представлен коэффициент частотности употребления данной лексики на страницу рукописи.

Оставляя пока в стороне детальные рассуждения касательно значения употребляемого в инструкциях термина «речь посполитая», стоит отметить интересную тенденцию. В течение 1587-1630 гг. постепенно возрастает частотность его употребления, от уровня 1,49 до 2,48 на страницу рукописи. В следующие подпериоды наблюдается, однако, снижение его частотности – до уровня 1,95 на страницу рукописи в 40-ые гг. XVII века. Отчасти это можно объяснить упомянутым уже ростом объема сеймиковых источников (см. Таблица 1). В связи с этим значительно выросло также количество обсуждаемых вопросов, не только тех, которые касались общегосударственных проблем, но, прежде всего, вопросов локального характера или пожеланий в делах отдельных лиц, т.н. «петитов». В данных вопросах термин «речь посполитая» неизбежно употреблялся реже.

Однако кажется, что подобное объяснение не является исчерпывающим. В 40-ые гг. XVII века мы наблюдаем обострение спорных моментов в отношениях Великого княжества Литовского и Польской Короны. К таковым, несомненно,

относится бурная негативная реакция литовских сеймиков на передачу Московскому государству части стародубского повета вместе с Трубчевском во время проводимого разграничения. Перед сеймами в 1645 и 1646 гг. все литовские сеймики подняли данный вопрос, во многом обвиняя коронных партнеров в увеличении собственной территории за счет Литвы⁴⁶⁵. Другие претензии сеймиков были вызваны компетенционными конфликтами между коронными и литовскими маршалками⁴⁶⁶, случаями возбуждения судебных дел в отношении представителей литовской шляхты в коронных судах⁴⁶⁷ или спорами вокруг распределения жилых дворов во время сейма⁴⁶⁸.

Интерпретация понятия «речь посполитая» является непростой задачей и вызывает серьезные сложности. Они связаны с многозначностью, на которую обратил внимание еще автор первого словаря польского языка, Б. Линдэ, выделивший в своей работе следующие значения данного термина:

- «общество (die Gemeinschaft)»;
- «правление, государство, штат (der Staat)»;
- «политический строй государства, в котором либо всему народу, либо его избранной части принадлежит управление и высшая власть (die Republik)»⁴⁶⁹.

Э. Бэм-Висьневска выделяет до 15 разных значений, среди которых автор уделила особое внимание следующим пяти:

⁴⁶⁵ См.: Амброзьяк Т. Отношение литовских сеймиков к передаче Трубчевска Московскому государству в 1645-46 гг. // Ваенныя трыумфы эпохі Вялікага княства Літоўскага: зборнік навуковых прац (в печати).

⁴⁶⁶ Вопрос поднимался в инструкциях перед сеймом в 1645 г.: браславского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 117; гродненского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 123; минского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 481; слонимского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 120; отчасти также в инструкциях перед сеймом в 1646 г.: виленского сеймика: ВСzart. TN. 140. Nr 61. К. 242-243; гродненского сеймика: ВСzart. TN. 140. Nr. 60. К. 216.

⁴⁶⁷ Вопрос поднимался в инструкции новогрудского сеймика от 1641 г.: ВСzart. Rkps 375. К. 605; инструкциях перед сеймом в 1645 г.: браславского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 117; гродненского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 124; минского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 482; новогрудского сеймика: ВСzart. Rkps 375. К. 852-853; слонимского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 120; инструкциях перед сеймом в 1646 г.: гродненского сеймика: ВСzart. TN. 140. Nr 60. К. 221; лидского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 158; а также в инструкции лидского сеймика от 1647 г.: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 174.

⁴⁶⁸ Вопрос поднимался в инструкциях перед сеймом в 1641 г.: виленского сеймика: АГАД. АР II, 1202. К. 5; новогрудского сеймика: ВСzart. Rkps 375. К. 607; инструкции ковенского сеймика от 1643 г.: АГАД. АР II, 1205. К. 6; инструкциях перед сеймом в 1645 г.: гродненского сеймика: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 124; новогрудского сеймика: ВСzart. Rkps 375. К. 854; инструкциях перед сеймом в 1646 г.: виленского сеймика: ВСzart. TN. 140. Nr 61. К. 240; гродненского сеймика: ВСzart. TN. 140. Nr 60. К. 216-217.

⁴⁶⁹ Linde S. B. Słownik języka polskiego. Т. 3. Warszawa: Drukarnia XX. Pijarów, 1812. S. 167-168.

- «польско-литовское государство»;
- «власть, т.е. польский сейм, но также для обозначения послов»;
- «определение шляхты, т.е. общности»;
- «символ для обозначения идейных сюжетов, связанных с польским государством, шляхтой как общностью, с государственным строем шляхетской демократии»;
- «тип государственного строя, способ правления, форма власти»; значение «близкое сегодняшнему пониманию термина *республика*»⁴⁷⁰.

Противоположное мнение было высказано Я. Дзенгелевским, по мнению которого «слово *речь посполитая* всегда обозначает государство. В формулировках *без консенсуса Речи Посполитой* или *in facie Reipublicae* данный термин отсылает не к сейму или шляхетской общности, но политическим субъектам, олицетворяющим государство. Сходные примеры мы можем наблюдать сегодня, в частности, когда говорим *государство*, а правильнее было бы сказать *государственная власть*, либо когда духовенство, или даже одних епископов называем *Церковью*»⁴⁷¹. Данный взгляд, однако, не разделяется исследователями.

Учитывая вышесказанное, мы предприняли попытку проанализировать употребление выделенных Э. Бэм-Висьневской смысловых категорий термина «речь посполитая», приводя к ним примеры, поддающиеся однозначной интерпретации. Вслед за К. Мазуром мы исключили из нашего анализа четвертое из выделенных Э. Бэм-Висьневской значений, т.е. «символ для обозначения идейных сюжетов», являющиеся наименее уловимым и вызывающим серьезные интерпретационные затруднения. Другого рода сложности (указанные нами далее) привели к объединению двух смысловых категорий: «польско-литовское государство» и «государство вообще». Таким образом, мы охарактеризуем три следующих значения термина «речь посполитая»:

- «государство (в том числе польско-литовское государство)»;

⁴⁷⁰ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 168-170; см. также Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej... S. 20.

⁴⁷¹ Цит. по: Mazur K. W stronę integracji... S. 255-256. Przyp. 133.

- «власть, т.е. сейм, но также для обозначения послов»;
- «определение шляхты, т.е. общности».

Следует отметить, что данный подход во многом отвечает принятой Э. Опалинским понятийной триаде: «государство – станы сейма – совокупность шляхты»⁴⁷². Однако в нашем понимании указанные категории с одной стороны уточняются, с другой – обращается внимание на их внутреннее разнообразие. При этом, данная систематизация лучше всего отражает, на наш взгляд, специфику употребляющегося в сеймиковом делопроизводстве понятийного аппарата, основной функцией которого не являлись философские или моральные размышления, но решение конкретных задач, определенных актуальными политическими вызовами.

Стоит подчеркнуть, что указанные понятийные категории отнюдь не являются взаимоисключающими. Наоборот, они скорее дополняли друг друга, формируя, таким образом, представление о шляхетском государстве, олицетворенном в институте сейма. Именно сейм как ничто другое соединял в лице трех составляющих его станов столь важные в польском понятии «речи посполитой» элементы монархии (король), аристократии (сенат) и демократии (посольская изба).

Учитывая то, что, используя данный подход, мы оставляем часть употреблений данной лексемы (особенно тех, интерпретация которых вызывает серьезные затруднения) не сгруппированными в рамках определенных нами смысловых категорий, стоит еще раз подчеркнуть типологический, а не классификационный характер наших размышлений.

На основе проведенного анализа нами были выделены следующие способы употребления:

⁴⁷² Opaliński E. *Kultura polityczna szlachty polskiej...* S. 30.

а. «Речь посполитая» как государство (в том числе и польско-литовское государство)

Это наиболее часто встречаемое употребление (287 раз), что совпадает с подобным наблюдением Э. Бэм-Висьневской⁴⁷³.

В рамках данной смысловой категории можно выделить подкатегорию «государство вообще», которая встречается в исследуемых источниках 12 раз. К примеру, новогрудская шляхта в 1626 г. жаловалась на «опасности таковые, которые даже могущественные речи посполитые путать и губить способны»⁴⁷⁴. Тот же сеймик в 1637 г. писал: «мы надеялись на Божью благодать, которую имеют все счастливые речи посполитые»⁴⁷⁵.

Однако в большинстве случаев десигнатом данного термина является не абстрактный образ государства, но конкретная государственная структура, т.е. «польско-литовское государство». К примеру, шляхта лидского повета в 1598 г. поручала поблагодарить короля за то, что «своими государскими усилиями замышляет об этой Речи Посполитой, отчизне нашей, в этой страшной опасности со стороны турецкого царя»⁴⁷⁶. В 1615 г. ковенская шляхта указывала послам, чтобы «с лучшим благом Речи Посполитой совещались о турецких замыслах и соблюдении мира, также и с Москвой»⁴⁷⁷.

К сожалению, зачастую сложно определить, насколько конкретным является десигнат понятия «речь посполитая», т.е. относиться ли он к «польско-литовскому государству» или скорее к абстрактному десигнату «государство вообще» (например «имущество государства (вообще)» или «государственная казна (вообще)»). Иногда эти сомнения можно решить с помощью контекста. К примеру, поскольку в указанных выше постулатах лидского сеймика в 1598 г. и ковенского сеймика в 1615 г. обозначена одна конкретная граница государства, подвергающаяся опасности со стороны соседей, можно предполагать, что в

⁴⁷³ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 169.

⁴⁷⁴ AGAD. AR II, 963. K. 1.

⁴⁷⁵ BCzart. Rkps 375. K. 635.

⁴⁷⁶ AGAD. AR II, 354. K. 1.

⁴⁷⁷ AGAD. AR II, 621. K. 1.

данном случае термин «речь посполитая» употребляется именно в значении «польско-литовское государство».

Однако мы далеко не всегда оказываемся в столь счастливом положении. Во многих случаях вполне равноправными кажутся как интерпретации типа «граница польско-литовского государства» или «казна польско-литовского государства», так и «граница государства (вообще)» или «государственная казна (вообще)». Более того, пример выражения «казна речи посполитой» указывает ещё на одну серьёзную проблему в интерпретации исследуемого понятия, поскольку не существовало одной «казны Речи Посполитой», а отдельные казны Польской Короны и Великого княжества Литовского⁴⁷⁸. Отсюда возникает вопрос, как в данном случае понимать термин «речь посполитая» - является ли он своего рода упрощением (а автор источника имел в виду «государственные финансы») или данное понятие употреблялось в значении «Великое княжество Литовское».

В связи с этим возникает следующий вопрос: будет ли всегда конкретным десигнатом термина «речь посполитая» в значении «государство» именно «польско-литовское государство» или все же возможно разделение его на элементы, из которых состояла Речь Посполитая, т.е. Польскую Корону и Великое княжество Литовское.

На существование термина «Речь Посполитая княжества Литовского» или «Литовская Речь Посполитая» указывали уже Г. Виснер⁴⁷⁹ и П. П. Романюк⁴⁸⁰. Первый из авторов отметил их употребление в 60-ые гг. XVI в.⁴⁸¹. В исследуемых нами сеймиковых инструкциях термин «речь посполитая» именно в таком, ограниченном до Литвы, значении появляется несколько раз. В 1604 г. слонимская шляхта просила короля, чтобы тот проживал в Великом княжестве Литовском «как для святой справедливости, так и для порядка и для украшения

⁴⁷⁸ Детально см.: Filipczak-Kocur A. Z dziejów skarbu Wielkiego Księstwa Litewskiego za pierwszych Wazów (1587-1648) wieku // Wilno – Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur. Materiały I Międzynarodowej Konferencji Białostok 21-24 IX 1989 w czterech tomach. Red. E. Felisiak. T. II. Białostok: Towarzystwo Literackie im. Adama Mickiewicza. Oddział Białostocki, 1992. S. 73-90; idem. Skarbowość Rzeczypospolitej...

⁴⁷⁹ Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej... S. 17-29.

⁴⁸⁰ Romaniuk P. P. Op. cit. S. 31-40.

⁴⁸¹ Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej... S. 17.

Речи Посполитой Великого княжества Литовского», упрашивая также литовских сенаторов, чтобы те пребывали при короле «для украшения государева величества и для нужд Речи Посполитой Великого княжества Литовского»⁴⁸². Выражение «Речь Посполитая Великого княжества Литовского» появляется также в волковысской инструкции от 1627 г., в которой сеймик просил поддержки для восстановления Бирж, «крепости мощной и очень нужной Речи Посполитой Великого княжества Литовского»⁴⁸³. Из-за использованных в рукописи сокращений возможно также, однако, прочтение данного фрагмента как «Речи Посполитой и Великому княжеству Литовскому»⁴⁸⁴. Кроме того, данное выражение встречается также в инструкциях вилкомирского сеймика от 1600 г. и от 1639 г., в которой требовалось, чтобы «должности, чиновничьи посты и имущества Речи Посполитой Великого княжества Литовского раздавались согласно давним правам»⁴⁸⁵.

С другой стороны, в инструкции новогрудского повета от 1646 г. встречаем и противоположное явление, т.е. сужение десигната термина «речь посполитая» к Польской Короне. Сеймик потребовал, чтобы вопрос о выплатах кварцянному войску был решен одной лишь Короной, т.к. «кварцянское войско нанималось за счет Речи Посполитой Коронной»⁴⁸⁶.

Указанные примеры употребления данного термина являются, однако, единичными. Это соответствует наблюдениям П. П. Романюка относительно конца XVII – начала XVIII вв., согласно которому термин «Речь Посполитая Литовская» не вошел в Великом княжестве в частое употребление⁴⁸⁷. Учитывая это, можно предполагать, что употребляя термин «речь посполитая» в значении

⁴⁸² ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 14.

⁴⁸³ Стоит отметить, что значение Бирж для Литвы сильно подчеркивал сам К. Радзивилл; см.: К. Радзивилл к Е. Волловичу. AGAD. AR. Dz. IV. 314. К. 1; им были разосланы письма по разным сеймикам, как в Литве, так и в Короне, в которых указывались заслуги гетмана и содержались просьбы о поддержке со стороны шляхты относительно возвращения затрат на содержание крепости; см.: С. Курош к К. Радзивиллу. AGAD. AR. Dz. V. 8080/1. К. 65; С. Бучински к К. Радзивиллу. AGAD. AR. Dz. V. 1584/IV. К. 18-19; К. Радзивилл к Е. Волловичу. AGAD. AR. Dz. IV. 316. К. 22; П. Кохлевски к К. Радзивиллу. AGAD. AR. Dz. V. 6569. К. 53; К. Радзивилл к сеймикам. AGAD. AR. Dz. IV. 316. К. 41; Л. Сапега, Е. Воллович и А. Госевски к К. Радзивиллу. AGAD. AR. Dz. IV. 13855/XXI. К. 28.

⁴⁸⁴ AGAD. AR II 981. К. 4.

⁴⁸⁵ РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 133. Л. 50.

⁴⁸⁶ BCzart. TN. 140. Nr 113. К. 431.

⁴⁸⁷ Romaniuk P. P. Op. cit. S. 36; см. также замечания Г. Виснера касательно функционирования данного термина: Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej... S. 17-18.

«государство» авторы источников имели в виду, прежде всего, «польско-литовское государство». При этом вполне возможно, что они даже не осознавали все указанные нами тонкости и проблемы в интерпретации. Вероятно также, что упомянутое понятие «казны речи посполитой» являлось, как было замечено, некоторым упрощением и не означало сужения десигната термина «речь посполитая» к «Великому княжеству Литовскому».

в. «Речь Посполитая» как власть, т.е. сейм, но также для обозначения послов

Данное значение встречается довольно часто, в исследуемых инструкциях употребляется 174 раза. Среди них можно упомянуть следующие примеры:

- ошмянская шляхта в 1607 г. выражала поддержку определенным лицам: «перед всеми станами, к сейму принадлежащими, стараться, чтобы с благоволения Его королевской мости при согласии всей Речи посполитой то, о чем просят, получили»⁴⁸⁸;
- витебский сеймик в 1615 г. просил, чтобы оборонительные нужды витебского замка «королю Его мости и Речи посполитой предложить»⁴⁸⁹;
- полоцкий сеймик в 1632 г. (перед коронационным сеймом) писал: «к общему согласию всей Речи посполитой нашей Их мостей панов послов наших отсылаем»⁴⁹⁰;
- минский сеймик в 1646 г., требуя компенсации за передачу Трубчевска России, велел: «предложив это королю Его мости перед станом Речи посполитой, панове послы наши не только ни к какому решению или предложению сейма, но и даже к консультациям приступать не будут»⁴⁹¹.

Стоит при этом отметить, что частотность однозначных употреблений термина в этом значении систематически растет, о чем свидетельствуют данные в Таблицы 4.

⁴⁸⁸ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 23.

⁴⁸⁹ АГАД. АР II 637. К. 2.

⁴⁹⁰ РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 132. Л. 15.

⁴⁹¹ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 132-133.

Таблица 4. Частотность употребления термина «речь посполитая» в значении «власть, сейм» для отдельных подпериодов		
подпериод	Суммарное количество употреблений	Частотность употребления на инструкцию
1587-1600	2	0,13
1601-1610	5	0,36
1611-1620	40	1,29
1621-1630	17	0,77
1631-1640	48	1,5
1641-1647	62	2,48

Еще более четко данное явление прослеживается при помощи Диаграммы 2, в которой представлены частотность употребления термина «речь посполитая» в значении «государство (в том числе польско-литовское государство)» и «власть, сейм».

Кроме роста частотности употребления значения «власть, сейм» можно заметить также, что в подпериод 1631-1647 она становится сопоставимой с частотностью употребления значения «государство».

На наш взгляд, это свидетельствует о постоянном формировании представления о сейме как об институте, олицетворяющем польско-литовское государство. На основе данного исследования можно предполагать, что в XVI в. подобное представление среди литовской шляхты было еще довольно слабым и только в XVII в. в Великом княжестве вполне формируется понятийная триада «государство – сейм – шляхта», на которую указывал. Э. Опалиньски⁴⁹².

с. «Речь посполитая» как определение шляхты, т.е. общности

В отличие Э. Бэм-Висьневской⁴⁹³, на основе проведенного нами количественного анализа на первый взгляд не подтверждается тезис о частом употреблении термина «речь посполитая» в данном значении, поскольку в исследуемых источниках можно указать лишь 40 однозначных употреблений. Однако во многих случаях значение «шляхта, общность» является одной из возможных (а иногда и самых вероятных) интерпретаций. Поэтому стоит признать возможность его употребления намного чаще, чем это вытекало бы из сугубо количественных данных.

Для иллюстрации употребления термина «речь посполитая» в значении «шляхта, общность» можно привести следующие примеры:

- в 1615 г. новогрудский сеймик, добиваясь награждения виленского каштеляна Иеронима Ходкевича, сообщал, что о его военных заслугах «хорошо известно всей речи посполитой»⁴⁹⁴;
- минская шляхта в 1625 г. требовала, чтобы сенаторы и канцлеры не оскорбляли послов, «которые по поручению братьев претензии речи посполитой излагают», а в их лице «всю речь посполитую»⁴⁹⁵;

⁴⁹² Kultura polityczna szlachty polskiej... S. 30.

⁴⁹³ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 169.

⁴⁹⁴ РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 126. Л. 5.

⁴⁹⁵ AGAD. AR II 944. K. 4.

- тот же сеймик в 1645 году жаловался, что «речь посполитую тяжело огорчают новыми требованиями»⁴⁹⁶.

Стоит при этом отметить, что десигнатом термина «речь посполитая» в значении «шляхта, общность» могла быть не только «шляхта Короны и Великого княжества Литовского», но и шляхта лишь одной из составляющих частей польско-литовского государства. В 1600 г. минский сеймик требовал выделения средств на защиту Литвы «с ведома и с согласия всей речи посполитой Великого княжества Литовского»⁴⁹⁷. В 1604 г. слонимский сеймик требовал, чтобы литовский подскарбий «денег без ведома речи посполитой Великого княжества Литовского Короне ни на что не выдавал»⁴⁹⁸. Тот же сеймик в 1646 г. жаловался, что в Пиллау собирают пошлины «с великим ущербом речи посполитой Великого княжества Литовского»⁴⁹⁹. Лидский сеймик в 1616 г. просил поддержки для Анджея Монтовта, представшего перед коронным судом, «что касается всей речи посполитой»⁵⁰⁰. Речь идет, несомненно, о литовской шляхте, неоднократно выступающей против судебных процессов в отношении литовцев в коронных судах⁵⁰¹.

С другой стороны, гродненский сеймик в 1628 г. требовал выплаты ста тысяч злотых из коронной казны в качестве компенсации за закрытие порта в Кенигсберге, т.к. «это было обещано королем Его мостью и коронной речью посполитой и документами подтверждено»⁵⁰².

Более того, десигнат термина «речь посполитая» в значении «шляхта, общность» мог еще сужаться – к шляхте лишь одного повета. Такие употребления находим еще в конце XVI в. В 1587 г. жмудский сеймик, требуя права пользования пуццами для всей шляхты Жмуди, жаловалась, что применение

⁴⁹⁶ ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 481.

⁴⁹⁷ РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 130. Л. 16.

⁴⁹⁸ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 14.

⁴⁹⁹ BCzart. TN. 140. № 57. К. 191; интересно, что в других копиях этой инструкции данная формулировка отсутствует: в BCzart. TN. 126. № 5. К. 26 написано «с великим ущербом обывателей княжества Литовского», а в ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 160 «с великим ущербом княжества Литовского»; возможно, что термин «речь посполитая» является в данном случае добавлением со стороны переписчика.

⁵⁰⁰ AGAD. AR II 646a. К. 5.

⁵⁰¹ Стоит отметить, что часть употреблений термина «литовская речь посполитая», приведенных П. П. Романюком, стоит понимать именно как «шляхта Великого княжества Литовского»; см.: Romaniuk P. P. Op. cit. S. 34.

⁵⁰² AGAD. AR II 990. К. 2.

каких-либо ограничений «ку кривде и шкоде речи посполитой есть»⁵⁰³. Брестский сеймик в 1598 г. выступил за назначение на пост брестского старосты оседлого там шляхтича, подчеркивая, что это староство «важно для всей речи посполитой»⁵⁰⁴. Стоит при этом отметить, что подобного рода сужения являются скорее исключением и чаще всего термин «речь посполитая» включал в себя все шляхетское сословие.

К сожалению, эта многозначность не является единственной проблемой в интерпретации данного понятия. Стоит согласиться с мнением К. Мазура, который на основе проведенного им исследования сеймиковых документов киевского, брацлавского и волынского воеводств пришел к выводу, что «иногда весьма сложно определить, что имела в виду шляхта, употребляя термин *речь посполитая*. Кажется, что иногда сами представители инкорпорированных к Короне воеводств могли не отличать разные значения данного слова и могли понимать его одновременно как государство и сейм, государство и общность либо как сейм и общность»⁵⁰⁵.

Действительно, в практике разница в значениях данной лексемы могла исчезать, более того, понятие «речи посполитой» могло одновременно включать в себя несколько из них. К примеру, автором витебской инструкции перед конвокационным сеймом в 1632 г. термин «речь посполитая» был в одном предложении употреблен в двух выделенных нами значениях: «власть, сейм» и «польско-литовское государство». Итак, сеймик, требуя выделения средств из казны на восстановление замка в Витебске, указывал «просить всей речи посполитой [здесь в значении «власть, сейм»] собранной на конвокации, чтобы из казны Великого княжества Литовского выделили как можно скорее сумму денег, так как витебская крепость, как каждый может понять, является щитом не только Великого княжества Литовского, но всей Речи Посполитой [в значении «польско-литовское государство»]»⁵⁰⁶.

⁵⁰³ AGAD. AR II 196. K. 6.

⁵⁰⁴ AGAD. AR II Sup. 142. K. 1.

⁵⁰⁵ Mazur K. W stronę integracji... S. 229.

⁵⁰⁶ РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 132. Л. 3.

Анализ значения термина «речь посполитая» стоит дополнить еще одним наблюдением. В 1587-1620 гг. систематически растет частотность выражений «речь посполитая наша» и «речь посполитая отчизна наша». В 1611-1620 гг. эти выражения были употреблены аж 44 раза. Интересно также, что в следующие десятилетия частотность их употребления уменьшается. В 1641-47 гг. они были употреблены лишь 6 раз. Эти тенденции подтверждаются также при использовании коэффициента частотности употребления данного выражения на инструкцию (Таблица 5).

Таблица 5. Частотность употребления выражений «речь посполитая наша» и «речь посполитая отчизна наша» для отдельных подпериодов				
Подпериод	«речь посполитая наша»	«речь посполитая наша» на инструкцию	«речь посполитая отчизна наша»	«речь посполитая отчизна наша» на инструкцию
1587-1600	10	0,625	2	0,125
1601-1610	3	0,21	9	0,64
1611-1620	18	0,58	26	0,84
1621-1630	8	0,36	7	0,32
1631-1640	16	0,5	10	0,31
1641-1647	4	0,16	2	0,08
Итого	59	0,41	56	0,39

Данные тенденции представлены также в Диаграмме 3.

Употребление выражения «речь посполитая отчизна наша» заставляет задуматься, какими являлись для авторов литовских сеймиковых источников территориальные рамки десигната понятия «отчизна». Само понятие «отчизна» является не менее многозначным, чем термин «речь посполитая». Выводившееся от слова «отец», изначально обозначало «имущество, полученное в наследие от отца»⁵⁰⁷. «Словарь польского языка XVI в.» подсказывает также следующее значение: «родная земля, страна происхождения; иногда: ее жители», а в качестве дополнительных: «родная земля как политический организм» и (метафорически) «небо»⁵⁰⁸. Э. Бэм-Висьневска выделила 8 значений данного термина⁵⁰⁹. Ю. Легомска в семантической структуре данной лексемы указала на три главных элемента: «наследство», «происхождение – место и люди», а также «политическая целостность места и общины»⁵¹⁰. На основе этого, а также исследуемых нами сеймиковых материалов можно поставить под сомнение тезис Д. Бутлера, что в понятии «отчизны» нематериальные элементы начинают играть первостепенную роль лишь в XVIII в.⁵¹¹.

К сожалению, на вопрос, что понималось авторами сеймиковых источников под термином «отчизна»: все польско-литовское государство или

⁵⁰⁷ Słownik polszczyzny XVI wieku... T. XXI. S. 135.

⁵⁰⁸ Ibid. S. 142.

⁵⁰⁹ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 165-168.

⁵¹⁰ Legomska J. Op. cit. S. 110-139.

⁵¹¹ Buttler D. Op. cit. S. 84.

только Великое княжество Литовское, нельзя дать однозначный ответ. С одной стороны, в сеймиковых инструкциях Великого княжества Литовского мы находим примеры употребления данного термина относительно всей Речи Посполитой. Итак, минская шляхта в 1613 г. просила найти способ избавиться от неоплаченных военных отрядов, «советуясь и ища согласия в этом с Их мостями панами послами коронными и Великого княжества Литовского, вместе с нами любящими отчизну»⁵¹². Слонимский сеймик в 1618 г. в связи с угрозой со стороны Турции выражал благодарность королю за то, что «своей отцовской заботой благоволил успокаивать отчизну, со всех сторон огромными угрозами окруженную»⁵¹³. В том же году вилкомирский сеймик потребовал успокоить религиозную ситуацию в стране, «чтобы в этой совместной отчизне от этих обид избавиться». В конце документа выражалось при этом доверие послам, что «все будут делать на благо совместной отчизны»⁵¹⁴. Тот же сеймик перед конвокационным сеймом в 1632 г. требовал передать аннаты «на защиту совместной отчизны»⁵¹⁵.

С другой стороны, можно, хотя реже, найти примеры употребления термина «отчизна» в отношении Великого княжества Литовского. Новогрудский сеймик в 1639 г. жаловался на военные отряды, разоряющие литовские имения, добавляя: «неужели это отчизне терпеть»⁵¹⁶. Тот же сеймик в 1641 г. напрямую писал: «в отчизне нашей, в Княжестве Литовском»⁵¹⁷. В том же году минский сеймик, не соглашаясь платить налоги на снабжение Смоленска и Динебурга, жаловался: «истинно это тяжелый пункт и предложение для нашей отчизны, чтобы одному городу, мечем приобретенному, княжество Литовское платило дань»⁵¹⁸.

В большой части случаев невозможно однозначно определить, как понималось автором данного источника понятие «отчизна», в некоторых других —

⁵¹² AGAD. AR II 583. К. 3.

⁵¹³ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 84.

⁵¹⁴ AGAD. AR II 700. К. 5 и 8.

⁵¹⁵ AGAD. AR II 1150. К. 2.

⁵¹⁶ AGAD. AR II 1177. К. 11.

⁵¹⁷ ВСзарт. Rkps 375. К. 610.

⁵¹⁸ AGAD. AR II Sup. 511. К. 3.

допустимыми являются обе интерпретации. Поэтому стоит отметить, что данный термин может обозначать как «польско-литовское государство», так и «Великое княжество Литовское». Следует при этом подчеркнуть, что все же гораздо чаще мы находим примеры однозначного употребления его в первом значении⁵¹⁹.

Не менее интересным является способ употребления целого ряда выражений: «Великое княжество Литовское», «Княжество Литовское», «Литва», «литвин», «литовский». Следует подчеркнуть, что в данном случае мы также можем выделить несколько разных смысловых категорий. В качестве главных Э. Бэм-Висьневска указала 5:

- «литовское государство»;
- «провинция, т.е. больше, чем "земля", меньше, чем "государство"»;
- «земля»;
- «общность, т.е. "народ", "люди"»;
- «символ»⁵²⁰.

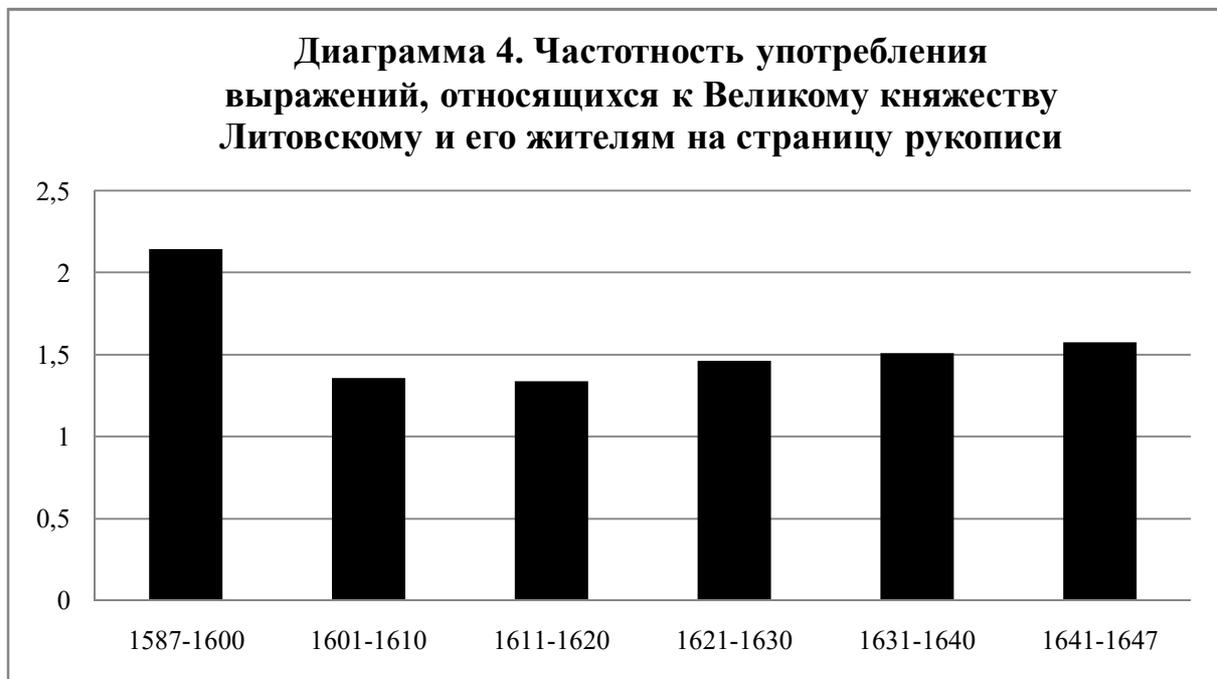
Все эти термины в исследуемых инструкциях встречаются всего 1133 раза, заметно уступая в плане частотности термину «речь посполитая» (1653 раза). В том числе в 121 случае они употреблялись при определении чиновничьих постов, например «гетман Великого княжества Литовского» или «подचाший Великого княжества Литовского». Чаще всего мы встречаем термины «Великое княжество Литовское» и «Княжество Литовское», всего 991 раз. Другие употреблялись несравнимо реже: прилагательное «литовский» 92 раза, «литвин» 41 раз, а «Литва» лишь 9 раз. Стоит также отметить, что поскольку частотность употребления этих терминов в 1587-1600 гг. является довольно высокой (2,14 употребления на страницу рукописи), в первой половине XVII века она заметно

⁵¹⁹ Стоит при этом привести мнение Э. Бэм-Висневской касательно отношения терминов «отчизна» и «Польша»: «иначе говоря, когда в старопольских текстах появляется термин отчизна, он необязательно относится к Польше, но его десигнатом чаще всего будет именно Речь Посполитая как польско-литовское государство»: Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 170-171; касательно многозначности термина «отчизна» см. также мнение Г. Виснера, который утверждает, что данное понятие стало применяться к целой Речи Посполитой еще перед рокошом Зебжидовского: Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej... S. 25-28.

⁵²⁰ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 148-149.

снижается, оставаясь на примерно одном уровне (около 1,5 употребления на страницу рукописи), что указано в Таблицы 6 и Диаграмме 4.

Таблица 6. Частотность употребления выражений, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям для отдельных подпериодов		
Подпериод	Суммарное количество употреблений	Частотность употребления на страницу рукописи
1587-1600	154	2,14
1601-1610	100	1,36
1611-1620	213	1,34
1621-1630	144	1,46
1631-1640	238	1,51
1641-1647	284	1,58
Итого	1133	1,53

На основе проведенного нами исследования подтверждается вывод Э. Бэм-Висьневской о том, что доминирующим значением является «провинция

польско-литовского государства». Именно так в большинстве случаев употребляются данные термины, что свидетельствует о том, насколько сильным являлось представление о Литве как о части Речи Посполитой. При этом в отличие от наблюдений Бэм-Висьневской, сделанных в отношении коронных источников, в литовских сеймиковых источниках не прослеживается частое употребление этих терминов в значении «общность, люди». Термин «литвин» появляется в инструкциях только 9 раз, последний раз в 1634 г.⁵²¹, а термин «литва» в значении «люди» лишь 6 раз⁵²². Чтобы передать значение «люди» употреблялись выражения «литовский народ» или «жители Великого княжества Литовского». Можно предположить, что поскольку коронные авторы могли чаще употреблять термин «литва» для обозначения «жителей Великого княжества Литовского», литвины предпочитали в отношении самих себя использовать более «достойные» выражения, такие как «литовский народ».

Стоит подчеркнуть одну интересную тенденцию в употреблении терминов «речь посполитая» и терминов, обозначающих Великое княжество Литовское. В исследуемый период соотношение частотности их употребления существенно меняется в пользу термина «речь посполитая» (см. Таблица 7). В 1587-1600 гг. мы наблюдаем преобладание терминов, обозначающих Великое княжество Литовское (их соотношение к частотности употребления термина «речь посполитая» равно 61:39). Однако уже в 1601-10 гг. отмечаем преобладание термина «речь посполитая» (53:47), которое в последующие годы становится ещё более очевидным (более 60%), немного уменьшаясь в 1641-47 гг. (57:43), что соответствует уменьшению частотности употребления термина «речь посполитая» в данный подпериод (см. Таблицу 3 и Диаграмму 1).

⁵²¹ В инструкции вилкомирского сеймика: РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 152. Л. 145.

⁵²² В инструкции волковысского сеймика от 1607 г. (AGAD. AR II. Ks. 12. K. 336), мстиславского сеймика от 1615 г. (AGAD. AR II Supl. 270. K. 2) и оршанского сеймика от 1617 г. (BCzart. Rkps 2245. Nr 23. K. 157).

Таблица 7. Суммарное количество употреблений термина «речь посполитая» и выражений, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям для отдельных подпериодов		
Подпериод	«речь посполитая»	выражения, относящиеся к Великому княжеству Литовскому и его жителям
1587-1600	99	154
1601-1610	115	100
1611-1620	387	213
1621-1630	259	144
1631-1640	421	238
1641-1647	372	284
Итого	1653	1133

Для более четкого изображения наблюдаемых явлений использована диаграмма (Диаграмма 5), в которой представлено соотношение частотности употребления термина «речь посполитая» и выражений, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям для отдельных подпериодов.

Стоит также охарактеризовать способ, каким литовскими сеймиками определялась вторая часть совместного государства, Речи Посполитой, т.е. Польская Корона, а также её жители. Для этого употреблялись следующие термины: «Корона», «паны коронные», «Польша», «поляки», а также прилагательные «коронный» и «польский». Данные термины, конечно, употребляются реже, чем выражения, относящиеся к Великому княжеству Литовскому и его жителям – всего 635 раз. Детальные данные касательно частотности их употребления приведены в Таблицы 8. Стоит при этом отметить, что все случаи употребления выражения «Польская Корона» (34 раза) во избежание двойного исчисления были причислены только к выражению «Корона».

Таблица 8. Суммарное количество употреблений выражений, относящихся к Польской Короне для отдельных подпериодов		
Подпериод	«Корона», «коронный», «паны коронные»	«Польша», «польский», «поляки»
1587-1600	59	37
1601-1610	53	22
1611-1620	111	15
1621-1630	94	0
1631-1640	106	11
1641-1647	125	2
Итого	548	87

На основе приведенных в Таблицы 8 данных отмечается тенденция к отказу от употребления терминов «Польша» и «поляки», частых еще в конце XVI – начале XVII вв. В последующие подпериоды авторы сеймиковых источников заметно предпочитают употреблять термины «Корона» и «коронный». С одной стороны, таким способом десигнат этих терминов определялся более четко, чем в случае многозначных и довольно расплывчатых «Польша» и «поляков», с другой

– их употребление наводит на мысль о том, что с течением времени авторами сеймиковых источников выражались не столько черты отдельной польской государственности (что лучше отдавал термин «Польша»), но ее «провинциальность» в рамках Речи Посполитой. Другими словами, можно предположить, что литовская шляхта постепенно перестала видеть в Короне отдельную, даже чужую (хотя близкую) страну, но начала воспринимать ее как часть совместного, своего, польско-литовского государства. Это соответствует пониманию терминов, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям как «провинции, т.е. больше, чем "земли", меньше, чем "государства"», а именно – части Речи Посполитой и свидетельствует о дальнейшей интеграции литовской шляхты в ее рамках.

Стоит при этом отметить, что на основе исследуемых нами сеймиковых источников не подтверждается тезис Э. Бэм-Висьневской, настаивающей на том, что авторы Великого княжества Литовского употребляли термин «Польша» для обозначения всей Речи Посполитой⁵²³. Во-первых, данный термин, как уже отмечалось, использовался редко (всего лишь 16 раз) и вытеснялся термином «Корона». Во-вторых, всегда однозначно употреблялся для обозначения не целого польско-литовского государства, а лишь Польской Короны. К примеру, ошмянский сеймик в 1598 г. требовал, чтобы «польская казна» взяла на себя выплату татарских поминок, из-за присоединения волынского, брацлавского и киевского воеводств «к Польше»⁵²⁴. Также полоцкий сеймик, выступая в 1640 г. против аренды евреями права сбора торговых и транспортных пошлин («сю» и «myto») и доходов с добычи соли (żupa), а также управления ими корчмами, указывал, что «многие воеводства и поветы в Польше и Великом княжестве Литовском могут без них обойтись»⁵²⁵.

На основе проведенного нами исследования можно прийти к выводам противоположным тем, что были сделаны Г. Виснером, полагающим, что термин «польский» использовался для самообозначения шляхтой ВКЛ наряду с термином

⁵²³ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska... S. 107 и 114.

⁵²⁴ AGAD. AR II 371. K. 2.

⁵²⁵ AGAD. AR II 1197. K. 6.

«литовский»⁵²⁶. Прилагательное «польский» в литовских сеймиковых инструкциях встречается 25 раз. В большинстве случаев оно является частью выражения «король польский» (или «короля польские»). Кроме того, 34 раза выступает в качестве части выражения «Польская Корона», а 6 раз – в качестве части выражения «Польское королевство». Приведенная автором в качестве примера инструкция полоцкого сеймика от 1640 г., в которой высказывалось требование, чтобы «будовничий, городничий и виленский войт был польским оседлым шляхтичем, не чужестранцем»⁵²⁷ является однозначным исключением. Обычно прилагательное «польский» употреблялось как синоним прилагательного «коронный». К примеру, в вилкомирской инструкции на конвокационный сейм в 1632 г. требовалось обеспечить «границы польские и литовские»⁵²⁸.

Стоит отметить еще один интересный случай употребления прилагательного «польский» - для обозначения всей шляхты Речи Посполитой, как коронной, так и литовской. В инструкции новогрудского сеймика от 1607 г. указывалось на «вольную элекцию» как на одну из «свобод польского народа»⁵²⁹. Однако подобное употребление также является исключением из указанных выше правил.

Следует также обратить внимание на любопытный способ употребления выражений типа «Корона и Великое княжество Литовское». Почти всегда на первом месте упоминается именно Корона. К примеру, минский сеймик в 1613 г. призывал провести совместные консультации с «панами послами коронными и Великого княжества литовского» касательно решения проблем, вызванных конфедерацией военных отрядов⁵³⁰. Вилкомирский сеймик в 1625 г. повелел поддержать предыдущие выступления «панов послов некоторых, как коронных, так и Великого княжества Литовского»⁵³¹. В инструкции браславского сеймика от 1640 г. требовалось признавать лишь старые титулы «как князей их мостей

⁵²⁶ Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej... S. 21.

⁵²⁷ AGAD. AR II 1197. K. 2.

⁵²⁸ AGAD. AR II 1150. K. 2.

⁵²⁹ ВРАН Kraków. Rkps 360. K. 198v.

⁵³⁰ AGAD. AR II 583. K. 3.

⁵³¹ AGAD. AR II 937. K. 2.

Короны Польской, так и Великого княжества Литовского»⁵³². Исключением из этого общего правила является инструкция новогрудского сеймика от 1618 г., авторы которой в связи с нападениями со стороны казаков призывали придумать способ защиты вместе «со всеми станами Княжества Литовского и коронными»⁵³³. Данный способ употребления с одной стороны повторяет последовательность королевского титула, в котором титул великого князя литовского упоминался после титула короля польского. С другой стороны, можно предполагать, что даже в глазах самой литовской шляхты Корона обладала своего рода преимуществом или неподвергающимся сомнению старшинством.

Не менее интересным с точки зрения способа функционирования Великого княжества Литовского в сознании шляхты как одной из частей Речи Посполитой является еще одно наблюдение. В терминологии сеймиковых источников довольно редко встречаем указания на элементы государственной самостоятельности Литвы. Совместный монарх практически всегда назван «королем», а не «великим князем» или «господарем». Что еще более любопытно, ссылаясь в своей аргументации на прошлые времена, даже на времена до заключения Люблинской унии, авторы источников также употребляют титул «королей польских». К примеру, пинский сеймик в 1607 г. требуя отстранения иностранцев, подчеркивал: «хватит Его королевской мости народа здешнего, которые по примеру первых своих предков польским королям служили»⁵³⁴. Ошмянский сеймик в 1641 г. указывал на существующие правила в отношении королевских имуществ, которыми «довольствовалось великое количество королей польских»⁵³⁵. Исключением является, однако, инструкция новогрудского сеймика от 1618 г., в которой требовалось провести пересмотр и напечатать привилегии Великого княжества Литовского, данные «королями Их мостями и великими князьями литовскими»⁵³⁶. Необычную формулировку употребил в 1632 г. (перед конвокационным сеймом) витебский сеймик, который указывал на привилегии,

⁵³² AGAD. AR II 1192. K. 3.

⁵³³ AGAD. AR II 701. K. 2.

⁵³⁴ BPAŃ Kraków. Rkps 365. K. 35.

⁵³⁵ AGAD. AR II 1201. K. 5.

⁵³⁶ AGAD. AR II 701. K. 2.

данные «во время предков Их мости королей польских и Великого княжества литовского». Интересной является не сама только формулировка, но и указанный сеймиком перечень монархов, включающий в себя как великих князей, которые не являлись польскими королями (Витовта и Сигизмунда Кейстутовича), так и королей, которые не были великими князьями (Владислава Варненчика и Яна Ольбрахта)⁵³⁷.

Стоит также обратить внимание на способ употребления слов типа «добро», «польза», «нужда», связанных, прежде всего, с термином «речь посполитая». Особенно часто данные обороты выступают в довольно конвенциональных просьбах поблагодарить короля или формулах, завершающих документ. К примеру, оршанский сеймик в 1596 г. писал о созыве сейма «для великих и важных потреб речи посполитое»⁵³⁸, минский сеймик в 1608 г. предлагал определить способ службы поветовых ротмистров, готовых явиться там, «где нужда речи посполитой покажется»⁵³⁹, а лидская шляхта в 1630 г. просила поблагодарить короля за «мышление около добра речи поспойтой». Лишь редко появляются исключения из данного правила. К примеру, в той же инструкции лидского повета от 1630 г. требовалось, чтобы вопрос найма австрийских войск был решен так, как «лучшим для Великого княжества Литовского будет»⁵⁴⁰.

Можно все же предположить, что в большинстве случаев употребления понятия «речь посполитая» в значении «государство» и «шляхта» под ними подразумевались «все польско-литовское государство» и «все шляхетское сословие», т.е. как Польская Корона, так и Великое княжество Литовское. Это еще более отчетливо прослеживается в значении слова «сейм», поскольку парламентарный строй Речи Посполитой был основан на принципе единства. Его проявлением является сам институт совместного сейма, соединяющего три станы (короля, сенат и посольскую избу) и обе части Речи Посполитой, а также практика

⁵³⁷ РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 132. Л. 5.

⁵³⁸ AGAD. AR II 346. К. 1.

⁵³⁹ AGAD. AR II 545. К. 3.

⁵⁴⁰ AGAD. AR II 1030. К. 1.

его функционирования, в которой для принятия каких-либо решений требовалось общее согласие всех станов и всех их представителей (не только коронных и литовских, но в более широком смысле – всех воеводств, земель и поветов, представителей всего «шляхетского народа»). Поэтому в понятии «речи посполитой» прослеживается определенный объединяющий смысл, даже если не всегда оно относится ко всему польско-литовскому государству или ко всей шляхте.

Следует обратить внимание на динамический характер исследуемых явлений, как в области политической деятельности литовской шляхты, так и в плоскости употребляемой ей терминологии. Что касается последней, в конце XVI в. в сеймиковых источниках доминирует ещё собственный, литовский взгляд на существование совместного польско-литовского государства и на место Великого княжества в его рамках. В XVII в., однако, начинает уже преобладать позиция, выражающая его единство и целостность. В частности, об этом свидетельствуют итоги проведенного нами анализа относительно количественных отношений и способа употребления термина «речь посполитая» и терминов, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям.

В динамике этих перемен особенно выделяются два момента. Первый из них – высокая частотность употребления терминов «речь посполитая наша» и «речь посполитая отчизна наша» во втором десятилетии XVII в. Второй – заметное сокращение их употребления, вместе с сокращением употребления самого термина «речь посполитая», в 40-ые гг. XVII в., которые в области употребляемой сеймиками риторики и терминологии можно охарактеризовать как период определенного рода кризиса в польско-литовских отношениях. Подобное охлаждение имело объективные причины, связанные с разгоревшимися в этот период польско-литовскими конфликтами, речь о которых пойдет в третьей главе настоящего исследования.

Что же касается первого, выделенного нами момента, важной причиной произошедших в данный период изменений, как кажется, являлся внешнеполитический фактор, а именно ведение в 1609-1618 гг. войны с Москвой.

В связи с этим в литовских сеймиковых инструкциях в данный период, в отличие от предыдущих лет, мы встречаем многочисленные призывы к сотрудничеству Короны и Литвы. В своей риторике сеймики особенно апеллировали к чувству единства Речи Посполитой⁵⁴¹. К примеру, ковенский сеймик в 1615 г. требовал денежной поддержки со стороны коронной шляхты, обращаясь к ней как к «братьям одной отчизны»⁵⁴². Вилкомирский сеймик в 1618 г. высказал свою поддержку королевичу Владиславу, который, по словам сеймика, потратил «прошлое лето на службе Речи Посполитой совместной отчизны»⁵⁴³. Этому не помешал даже серьезный, но довольно быстро преодоленный, конфликт вокруг принадлежности Смоленска, который будет нами охарактеризован также в третьей главе. Отсюда кажется очевидным, что, несмотря на проблемные моменты в польско-литовских отношениях, чувство единства Речи Посполитой все же играло заметную роль в сознании шляхты Великого княжества.

На основе проведенного нами анализа можно указать на главные моменты, которые дают возможность говорить о наличии у Великого княжества Литовского элементов государственного суверенитета. Это позволяет опровергнуть указанные нами в первой главе тезисы историографии о прекращении существования литовской государственности в итоге заключения Люблинской унии. Несмотря на создание совместных польско-литовских институтов государственной власти у Великого княжества Литовского все же остался ряд элементов государственного суверенитета. К таковым стоит отнести само название Великого княжества, в видимый способ отличавшее его от остальной части совместного государства, т.е. Польской Короны, наличие собственной территории, а также ряда собственных институтов государственной власти, таких

⁵⁴¹ Амброзьяк Т. Внешняя угроза как катализатор интеграционных процессов: на примере отношений литовской шляхты к Польской Короне во время войны Речи Посполитой с Россией 1609–1618 гг. // *Фундаментальные науки и пути становления и развития новой экономики России. Труды международной научно-практической конференции с элементами научных школ. Ч. 1.* Ред. В. М. Герасимов. М.: ТПК РЕКОРД, 2013. С. 6–9; тот же. Отношение литовских сеймиков к Смуте и интервенции Речи Посполитой в Москве (1604–1618) // *Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции 22–23 апреля 2013 г.* М.: Прометей, 2013. С. 179–185.

⁵⁴² AGAD. AR II 621. K. 3.

⁵⁴³ AGAD. AR II 700. K. 3.

как центральные должности (маршалков, канцлера и подканцлера, подскарбия или гетманов) или отдельные казна и армия. Существенное значение для завершения формирования статуса Великого княжества в рамках Речи Посполитой имели 1569-87 гг., во время которых были сформированы дополнительные литовские институты власти: Литовский трибунал и виленская конвокация. В Великом княжестве была также утверждена отдельная система материального права в лице III Литовского Статута.

Однако общий итог двадцатилетия после заключения Люблинской унии с точки зрения решения тех глобальных задач, которые ставились литовской элитой власти как приоритетные направления собственной политики, стоит оценить негативно. Представителям Великого княжества не удалось достичь большую часть целей, которые они перед собой ставили. Так, Литве не удалось вернуть потерянные в 1569 г. воеводства, без которых сложно было говорить о проведении более самостоятельной политической линии. Лифляндия оказалась под совместной властью Короны и Великого княжества. Не удалось также провести изменения в функционировании государственной системы власти, которые обозначили бы позицию Литвы как равноправную Короне, такие как хотя бы проведение каждого второго сейма в Великом княжестве.

Окончательным провалом литовских усилий оказалось бескорольевье после смерти Стефана Батория. Именно выбор Сигизмунда III и его одобрение литовской стороной завершает долгий процесс «исправления унии», т.е. введения тех изменений в государственную систему, которые отвечали бы литовским представлениям о дуалистической и равноправной структуре государства. Неудача литовской тактики заставила литовскую шляхту отказаться от «программы максимум» и смириться с тем местом Великого княжества в рамках Речи Посполитой, которое было определено условиями Люблинской унии, а также произошедшими в 1569-87 гг. изменениями государственной системы власти.

Вышесказанное позволяет говорить о своеобразной динамике изменений в мышлении литовской шляхты о роли и месте Великого княжества в рамках Речи

Посполитой. После 1587 г. многие из указанных нами приоритетов литовской политики теряют свою актуальность, другие – как мы увидим в третьей главе – пройдут определенную эволюцию. Отражение данной эволюции мы увидели в изменении понятийного аппарата литовских сеймиков в сторону постепенного уменьшения подчеркивания собственного, литовского взгляда на обсуждаемые в парламентской деятельности вопросы, в пользу формирования представления о единстве всей Речи Посполитой, одной из частей которой является Литва. Как мы увидели, данный процесс начался с определенной задержкой: еще в начале правления Сигизмунда III можно говорить о преобладании в мышлении литовской шляхты элементов партикуляризма. Однако уже в начале XVII в. в плоскости используемой сеймиками терминологии и риторики видна грядущая интеграция обеих частей Речи Посполитой.

Стоит отметить, что огромное значение для формирования представления о единстве государства имело само понятие «речи посполитой». Именно оно как ничто другое, благодаря понятийной триаде государство-власть-общность выражало мысль о единстве и взаимосвязи шляхетского сословия, его государства, а также олицетворяющего это государство сейма.

Вышесказанное отнюдь не означало исчезновения элементов дуализма в представлениях о структуре государства. Наоборот, данное представление было весьма сильным, что отчетливо прослеживается как в существовании отдельных институтов государственной власти так и в употребляемой литовской шляхтой понятийной системе. Об этом говорит столь частое использование выражений «Корона и Великое княжество Литовское», наглядный пример отражения в языке двойной структуры государства. Это является тем более важным, ввиду того, что наряду с названием «Великое княжество Литовское» употребляется точный и имевший ярко выраженное территориальное содержание термин «Корона». Ее границы нельзя было спутать, так как и нельзя было спутать, кто принадлежит к литовской, а кто к коронной шляхте.

При этом заслуживает особого внимания факт употребления в литовской терминологии названия «Корона» на первом месте, перед Великим княжеством.

Это является, на наш взгляд, отражением первенства Короны в рамках совместного государства, первенства, которое отчетливо прослеживается не только в субъективных представлениях пользователей языка, но и в объективно существующей институциональной системе государства. Данное представление является при этом вполне объяснимым, если учесть первенство титула короля польского перед титулом великого князя литовского или первенство коронных чиновников в структуре сената.

Однако на основе проведенного нами анализа можно констатировать, что в плоскости используемой сеймиками системы понятий сложно обнаружить примеры, которые позволяли бы говорить об особом подчеркивании элементов литовского суверенитета. Это еще раз свидетельствует о существенных изменениях, произошедших после выбора Сигизмунда III, отличает период правления двух первых Вазов от предшествующего.

Как мы увидим дальше, эти представления отнюдь не означали отказа литовской шляхты от формирования и попыток претворения в жизнь своих собственных интересов, а сам процесс интеграции обеих частей Речи Посполитой сталкивался с рядом сложностей. Стоит отметить, что проведенное нами исследование понятийной системы литовских сеймиков позволяет говорить о нарастании к концу правления Владислава IV определенного кризиса в польско-литовских отношениях и усилении партикулярных представлений о месте Литвы в системе государственного управления. В дальнейшем мы постараемся проследить замеченные нами явления в свете выдвигаемых сеймиками конкретных постулатов, а также определить причины и контекст наблюдаемых нами изменений.

Глава 3.

Защита элементов государственной самостоятельности Великого княжества Литовского

Данная глава посвящена характеристике постулатов литовских сеймиков, касающихся защиты прав Великого княжества Литовского и тех элементов государственности, которые сохранялись за ним после Люблинской унии. Как мы увидели во второй главе, люблинский сейм 1569 г. не лишал Литву всех ее государственных институтов, не только оставляя за нее определенную долю самостоятельности, но и часть государственных институтов власти, что позволяет говорить об ограниченном, но все же существующем, государственном суверенитете Великого княжества в рамках совместной, польско-литовской Речи Посполитой.

Изучение встречающихся в парламентской жизни Великого княжества Литовского проявлений литовского партикуляризма кажется нам необходимым для более полного выявления способа мышления литовской шляхты о собственном государстве, о его роли и месте в Речи Посполитой. Соглашаясь с Г. Еллинком, что без рассмотрения социальной стороны правовых явлений невозможно правильно понять способ функционирования правовых норм и институтов, в том числе институтов государственной власти, мы предпринимаем попытку охарактеризовать не только используемый в практике набор правовых норм, но также набор систематизированных структур поведения, связанных с существованием элементов литовской государственности. Другими словами, мы постараемся ответить на вопрос, как сама литовская шляхта относилась к тому политическому и правовому пространству, которое сложилось после Люблинской унии и провала предпринимаемых в 1569-87 гг. попыток изменения ее условий. Ответ на этот вопрос позволит нам установить приоритеты в политической деятельности литовской шляхты, а также понять, как она относилась к существованию Великого княжества в рамках совместного государства.

Рассмотрение данного вопроса неизбежно связано с проблемой того, что Г. Блащик назвал «узловыми проблемами польско-литовских отношений»⁵⁴⁴. Именно определенные действия со стороны коронной шляхты являлись первоочередной причиной предпринимаемых в рамках парламентской системы Великого княжества действий, направленных на защиту имеющихся у Литвы элементов государственного суверенитета.

Стоит отметить, что литература, посвященная данному вопросу неоднократно сосредоточивалась лишь на одностороннем освещении спорных моментов в ущерб целостности образа как польско-литовских отношений, так и ситуации в самой Литве. Как мы увидим, далеко не всегда данную проблему можно свести к простому противостоянию по линии Корона-Литва. Даже в самом Великом княжестве по тем или иным вопросам бывали разногласия, связаны, в том числе, с различными интересами политических группировок или даже отдельных лиц. Как нам кажется, детальный анализ постулатов, сформулированных в парламентском пространстве литовской шляхтой, позволяет в новом ключе рассмотреть, по крайней мере, часть устоявшихся в историографии оценок.

1. Сохранение территориальной целостности Великого княжества Литовского

Рассмотрение литовских постулатов, направленных на сохранение элементов государственного суверенитета Великого княжества стоит начать с вопроса о его территориальной целостности. Наше обращение к данной проблеме неслучайно. Именно территория является важнейшим признаком

⁵⁴⁴ Błaszczuk G. Rzeczpospolita w latach... S. 59.

государственности. На значение территории указывал, кроме прочих, Г. Еллинек, создатель классической дефиниции государства, который выделял ее как один из основных признаков государственности, наряду с властью и подданным ей народом⁵⁴⁵. Значение территории как одного из основных признаков государственности более 80 лет, с принятия Конвенции о правах и обязанностях государств (т.н. Конвенции Монтевидео), закреплено также в нормах международного права⁵⁴⁶.

Однако обращение к проблеме территориальной целостности Великого княжества Литовского связано не только с теоретическими установками, но и с вполне практическими причинами. В первые годы после заключения Люблинской унии именно вопрос о территории вызывал значительное напряжение между Литвой и Коронай. Как уже отмечалось во 2-ой главе, в итоге решений Сигизмунда Августа подляшское, волыньское, киевское и брацлавское воеводства были отъяты от Великого княжества и включены в состав Короны. Их возвращение стало в последующем одной из приоритетных задач литовской элиты⁵⁴⁷.

Следует при этом подчеркнуть, что данная проблема выходила далеко за рамки чисто территориального спора, но имела решающее значение для места и позиции Литвы в совместном государстве. Без потерянных в 1569 г. земель, без их экономического и человеческого потенциала Великое княжество фактически не только лишалось того значения, которое оно имело в Восточной Европе до середины XVI в., но и неизбежно становилось «младшим братом» Короны, всегда зависящим от ее военной, экономической и политической поддержки. Неравенство потенциала двух частей Речи Посполитой, и без того очевидное, становилось после 1569 года непреодолимым. Это во многом ограничивало возможность вести какую-либо самостоятельную политику, так важную для литовской правящей элиты. Таким образом, детальное рассмотрение вопроса

⁵⁴⁵ Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб.: Товарищество «Общественная Польза», 1903. С. 112-114.

⁵⁴⁶ Montevideo Convention on the Rights and Duties of States [Электронный ресурс] <http://www.taiwandocuments.org/montevideo01.htm> дата обращения: 15.08.2015.

⁵⁴⁷ Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 52.

территориальной целостности Великого княжества Литовского является необходимым для определения позиции Литвы в рамках совместного государства.

Неудача осуществляемых вплоть до бескоролья после смерти Стефана Батория попыток возвращения инкорпорированных в состав Короны воеводств вынудила литовскую шляхту пересмотреть целесообразность предпринимаемых усилий и смириться с необратимой потерей серьезной части своей территории. Начало правления Сигизмунда III было, как кажется, моментом переформулирования литовских приоритетов и отказа от попыток вернуть отошедшие к Короне воеводства. Именно тогда данный вопрос перестает подниматься сеймиками Великого княжества⁵⁴⁸. Последнее известное нам выступление по этой проблеме встречается в инструкции жмудского сеймика к коронационному сейму Сигизмунда III от 1587 г.⁵⁴⁹.

Это не означает, однако, что шляхта Великого княжества забыла о данном вопросе. К примеру, еще в 1597 г. Миколай Кшиштоф Радзивилл «Сиротка» вспоминал об этом, описывая совсем другой вопрос, конфликт касательно виленского епископства⁵⁵⁰. Воспоминания о потерянных землях проявляются в первую очередь в обосновании нежелания уплаты Великим княжеством так называемых татарских «поминок» и перекладывания этой обязанности на Корону. Конечно же, подобная позиция скорее была обусловлена экономическими факторами, однако, показательно, что в качестве главного аргумента против выплаты поминок озвучивалась именно потеря волынского, киевского и брацлавского воеводств. Это свидетельствует о том, что память об утраченных воеводствах все же продолжала существовать в сознании литовской шляхты, несмотря на невозможность возвращения земель, и фактического, хотя и вынужденного, смирения с территориальными изменениями, произошедшими в 1569 г. Так в 1598 г. волковысский сеймик указывал, что «татарские поминки взяли паны коронные на свою заботу», напоминая: «когда земля подляшская и

⁵⁴⁸ Ambroziak T. The necessity to reexamine the question of Lithuanian particularism during the reign of Sigismund III and Władysław IV // *Zapiski Historyczne*. 2014. T. LXXIX. Z. 4. S. 105.

⁵⁴⁹ AGAD. AR II 196. K. 2.

⁵⁵⁰ ВРАН Кóрник. Rkps 11617. K. 102.

волынская вместе с Киевом была при княжестве Литовском, мы тогда отправляли [поминки] и не так часто татарин разорял и опустошал тамошние края»⁵⁵¹. Минский сеймик в том же году вопрос поминок передавал в совместное ведение сейма, однако, он подчеркнул, что финансироваться они должны Короной, которой принадлежат Волынь, Подляше и Киевщина⁵⁵². Также виленский сеймик выступал против оплаты Литвой поминок, «из-за отхода Подляшя, Киева и Брацлава»⁵⁵³.

С течением времени подобного рода заявления встречаются, однако, все реже. Еще в 1611 г. минский сеймик отметил, что поминки «обычно всегда из Короны отправляли»⁵⁵⁴. Последний же подобный постулат мы находим в 1618 г. в инструкции лидского сеймика⁵⁵⁵. Таким образом, кажется очевидным, что отказ от территориальных притязаний Литвы, произошедший фактически с началом правления Сигизмунда III, был связан с тем, что литовская шляхта постепенно смирилась с потерей подляшского, волынського, киевского и брацлавского воеводств. При этом ещё во время правления первого Вазы данный вопрос сначала теряет свою остроту, а впоследствии полностью исчезает из повестки дня.

Подобного рода эволюцию мы наблюдаем также в отношении второй причины польско-литовских споров после заключения Люблинской унии, т.е. вопроса принадлежности Лифляндии, правовое отнесение которой к Литве и Короне изначально не было точно определено. На основе заключенного 28 ноября 1561 г. документа под названием «Пакта субектионис» Лифляндия подчинялась непосредственной власти Сигизмунда Августа как великого князя литовского. Тем самым образовалась своего рода личная уния Лифляндии и Великого княжества Литовского, дополнительно закреплённая в 1566 г.⁵⁵⁶

После заключения Люблинской унии Лифляндия оказалась включена в состав Речи Посполитой как территория подчинённая совместно Короне и Литве,

⁵⁵¹ AGAD. AR II 401. K. 3.

⁵⁵² AGAD. AR II 368. K. 4.

⁵⁵³ AGAD. AR II 370. K. 3; BN. BOZ. Rkps 1809. K. 310v.

⁵⁵⁴ BPAŃ Kraków. Rkps 365. K. 42.

⁵⁵⁵ AGAD. AR II 670a. K. 1.

⁵⁵⁶ Tarvel E. Stosunek prawnopaństwa Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustroj administracyjny w latach 1561-1621 // Zapiski Historyczne. 1969. T. XXXIV. Z. 1. S. 54-61.

однако ее правовой статус не был детально урегулирован. Это было сделано только 4 декабря 1582 г., на основе утвержденной Стефаном Баторием ординации Лифляндии, т.н. «*Constitutiones Livoniae*». Она была передана в совместное управление Короны и Литвы и разделена на три президиаты, отвечающие польским и литовским воеводствам. В практике данное решение приводило ко многим конфликтам, предметом которых являлся, прежде всего, раздел имуществ и должностей в Лифляндии. Литовская шляхта неоднократно высказывала претензии из-за неравномерного распределения доходов от провинции и вытеснения литвинов с лифляндских должностей⁵⁵⁷.

В связи с этим, в парламентской деятельности Великого княжества высказывались постулаты о необходимости возвращения изначального статуса Лифляндии как подчиненной только Литве и наделение исключительно литовской шляхты правом распоряжения ее доходами. К примеру, жмудский сеймик в 1587 г. требовал, «ижбы тая земля ифлянтская, вся яко се в себе мае, до Литвы и до Жомойти привернена была». Сеймиком высказывался также постулат о передаче замков и должностей в Лифляндии только людям «народу литовского, жомойтского и лифлянтского»⁵⁵⁸.

Требования литовской шляхты были частично удовлетворены в начале правления Сигизмунда III. В утвержденном им в 1589 г. документе «*Ordinatio Livoniae*» предусматривался механизм паритета между представителями Короны и Литвы в занятии чиновничьих должностей и получении имуществ в данной провинции.

Как решение вопроса принадлежности Лифляндии, так и отказ от попыток возвращения в состав Литвы потерянных в 1569 г. воеводств позволяют утверждать, что именно окончание третьего бескоролья является переломным моментом в польско-литовских отношениях, а также в самом литовском способе мышления о роли и месте Великого княжества в рамках Речи Посполитой.

⁵⁵⁷ Ibid. S. 71-72.

⁵⁵⁸ AGAD. AR II 196. K. 2.

Литовская шляхта добилась лишь небольшого успеха в виде правового подтверждения равной позиции в Лифляндии.

По сравнению с литовской «программой максимум», предусматривающей возвращение границ до 1569 г. и полный контроль над Лифляндией данный успех выглядит совсем скромно. В действительности, саму «программу максимум» вряд ли можно рассматривать как реальную в силу того, что у Великого княжества просто не хватало инструментов для ее проведения. Именно в 1587-89 гг. происходит осознание литовской шляхтой данной неудачи, равно как и отсутствия реальной возможности добиться каких-либо серьезных изменений в сформировавшейся (во многом не во благо Великого княжества) структуре Речи Посполитой.

Это позволяет нам выделить в польско-литовских отношениях два периода: первый – с заключения Люблинской унии (1569 г.) до окончания третьего бескоролья и начала правления Сигизмунда III (1587-88 гг.) и второй – уже после коронации первого Вазы. Именно с этого момента литовская элита отказывается от заранее обреченных неудачей попыток провести определенные территориальные изменения в свою пользу. Идея вернуть волынское, киевское и брацлавское воеводства уходит в прошлое, в обмен на это литовское мышление о месте Великого княжества в рамках совместного государства приобретает сугубо реактивный характер. Оно сосредоточивается на защите имеющегося статус кво, иногда воспринимая разные попытки его нарушения довольно болезненно, как угрозу ограничения своих позиций. Несомненно, в обострении данного способа восприятия коронных действий огромную роль играл как печальный опыт самого Люблинского сейма, так и вынужденный сложившимися обстоятельствами отказ от попыток укрепить собственную позицию в рамках унии с Коронай.

Именно эти черты прослеживаются в двух серьезных спорах, предметом которых являлась территориальная целостность Великого княжества и которые возникли в отношениях между Коронай и Литвой в период правления первых

двух Вазов. Первый из них касался принадлежности Смоленска и Северщины⁵⁵⁹, второй – передачи Московскому государству принадлежащего Великому княжеству Трубчевска в ходе установления границы между Россией и Речью Посполитой. Ввиду этого кажется необходимым их более детальное рассмотрение, которое позволит нам увидеть, как литовская элита представляла себе место Великого княжества Литовского в совместном государстве. Обратимся сначала к проблеме принадлежности Смоленска и Северщины.

Решение Сигизмунда III о включении завоеванных в ходе войны с Москвой земель в состав Короны вызвало в 1611-13 гг. сопротивление со стороны литовских сеймиков⁵⁶⁰. В инструкции виленского сеймика от 1611 г. выдвигалось требование: «Смоленск и вся северская земля, как до этого принадлежала Великому княжеству Литовскому, так и сейчас чтобы за Божьею благодатью Его королевской мостью возвращена к этому государству согласно праву и присяге Его королевской мости включена и возвращена была», а также, чтобы смоленский воевода был включен в состав литовских чиновников⁵⁶¹. К аргументам исторического характера апеллировал также жмудский сеймик, требуя, чтобы «северское княжество, которое с давних веков к Великому княжеству Литовскому принадлежало, и сейчас при Княжестве Литовским оставалось». Сеймик одновременно выражал свою благодарность королю за возвращение этой земли⁵⁶². Также и ошмянский сеймик обязывал своих послов «просить и прикладывать усилия», чтобы Смоленск «согласно присяге предков Его королевской мости и самого Его королевской мости к этому государству, Великому княжеству Литовскому, вернулся»⁵⁶³. Интересно, однако, что подобного рода требование не было в этом году помещено в инструкциях минского и полоцкого сеймиков. Первый из них ограничился высказыванием благодарности королю и просьбой

⁵⁵⁹ Volumina legum... T. II. Petersburg: Jozafat Ohryzko, 1859. S. 95-97; Wisner H. Naprawa państwa w uchwałach sejmików... S. 36; Zakrzewski A. B. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec odrębności... S. 268; Амброзьяк Т. Отношение литовских сеймиков к Смуте... С. 179-185.

⁵⁶⁰ Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę: polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607-1612. Gdańsk: Wydawnictwo Finna, 2008. S. 370; диплом Сигизмунда III от 3 ноября 1611 г.: Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. Т. 2: Приложения к историческому исследованию. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1902. С. I-IV.

⁵⁶¹ AGAD. AR II 561. K. 4.

⁵⁶² BPAN Kraków. Rkps 360. K. 219.

⁵⁶³ AGAD. AR II 560. K. 1.

вернуть «братьям нашим, обывателям Великого княжества Литовского» потерянные имущества⁵⁶⁴. Второй также просил вернуть имущества, находящиеся в смоленском воеводстве и передать их заслуженным людям, одновременно требуя указать виновных в развязывании войны⁵⁶⁵.

Перед следующим сеймом, начавшимся 28 февраля 1613 г., выступления сеймиков по этому вопросу были уже единогласны. Виленский сеймик требовал, чтобы «Смоленск и вся северская земля как член собственного тела Великому княжеству Литовскому были возвращены», а также отмены решения упомянутого диплома Сигизмунда III, который рассматривался как нарушение унии и литовских прав⁵⁶⁶. К образу Литвы как единого организма апеллировал также минский сеймик, требуя отмены конституций прошлого сейма и выданных королевской канцелярией дипломов, а также возвращения королем Литве Смоленщины и Северщины «как члена телу». Данный сеймик выступал также против какого-либо уменьшения полномочий смоленского воеводы и назначения на эту должность человека, не являвшегося литвином. В данном вопросе послы получили «моц замеренную». Выполнение этих постулатов было условием поддержки дальнейшего ведения войны с Москвой⁵⁶⁷. Троцкий сеймик, как и виленский, в своей аргументации ссылался на принципы Люблинской унии, поручая своим послам не приступать к решению каких-либо вопросов до отмены диплома короля⁵⁶⁸. «Моц замеренную» в данном вопросе дали своим послам также ошмянский⁵⁶⁹ и вилкомирский⁵⁷⁰ сеймики, ссылаясь на давние права и привилегии.

Стоит отметить, что совпадение требований и, особенно, использованной сеймиками риторики, может являться следствием скоординированных действий шляхты или, по крайней мере, магнатов, которые более всех располагали необходимыми для этого средствами и инструментами. Яркий этому пример —

⁵⁶⁴ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 41.

⁵⁶⁵ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 49 и 52.

⁵⁶⁶ AGAD. AR II 584. К. 2.

⁵⁶⁷ AGAD. AR II 583. К. 2 и 3.

⁵⁶⁸ AGAD. AR II 589. К. 2.

⁵⁶⁹ AGAD. AR II 585. К. 2.

⁵⁷⁰ AGAD. AR II 588. К. 1.

повторяющийся в той же самой формулировке («как член тела») в виленской и минской инструкциях образ Великого княжества как человеческого организма. К сожалению, отсутствие источникового материала, который мог бы осветить детали сеймиковой и политической деятельности, не позволяет нам выйти за пределы лишь довольно общих гипотез.

Резкие протесты литовской шляхты вынудили Сигизмунда III отказаться от принятого решения. На сейме в 1613 г. была принята «Ординация смоленского воеводства», которая присоединила его к Великому княжеству Литовскому⁵⁷¹. В дальнейшем сеймики несколько раз обращались к этой конституции, требуя ее сохранения и выполнения. Подобный постулат был представлен в 1620 г. минским⁵⁷², а год спустя и упитским сеймиками⁵⁷³. В 1625 г. ошмянский сеймик требовал расширить на смоленское воеводство компетенцию Литовского трибунала⁵⁷⁴. Упитский сеймик в 1628 г. вновь высказался за воплощение в жизнь конституции 1613 г., которая, по его мнению, «до сих пор не приведена к исполнению», а также выступал за назначение, согласно ее постановлениям, соответствующих комиссаров⁵⁷⁵. Ошмянская шляхта в 1630 г. требовала: «Стародуба чтобы Паны коронные от Великого княжества Литовского не отделяли»⁵⁷⁶.

Столь резкое сопротивление включению Смоленска в состав Короны указывает не только на сохранение исторической памяти о землях, ранее входивших в состав Великого княжества, что отмечалось уже Г. Виснером⁵⁷⁷. Это также позволяет утверждать, что отношение литовской шляхты к вопросам территориальной целостности Литвы оказывалось весьма ревностным, а в случае необходимости она умела достичь, как это случилось в 1613 г., определенного единства и, возможно даже, координации своей деятельности.

⁵⁷¹ Volumina legum... Т. III. Petersburg: Jozafat Ohryzko, 1859. S. 95-97.

⁵⁷² AGAD. AR II 730. K. 2.

⁵⁷³ AGAD. AR II 766. K. 3.

⁵⁷⁴ AGAD. AR II 943. K. 3.

⁵⁷⁵ AGAD. AR II 1008. K. 2.

⁵⁷⁶ AGAD. AR II 1035. K. 2.

⁵⁷⁷ Wisner H. Naprawa państwa w uchwałach sejmików... S. 36.

Подобное единство, даже в случае ключевых для Литвы вопросов, зачастую, однако, являлось трудно достижимым. Примером тому может служить второй серьезный конфликт, который возник в отношениях между Коронай и Великим княжеством в изучаемый нами период, т.е. спора о передаче Московскому государству Трубчевска. Именно этот спор указывает нам на всю сложность польско-литовских отношений и многообразие факторов, играющих в них определенную роль, среди которых немаловажными оказывались иногда и личные интересы представителей литовской шляхты.

Стоит отметить, что процесс установления границы между Речью Посполитой и Московским государством начался вскоре после заключения в 1634 г. поляновского договора. Однако из-за расхождений сторон он затянулся более чем на десять лет, в течение которых только часть созданных для решения этого вопроса комиссий смогла успешно завершить работу и хотя бы частично обозначить границу на отведенных себе участках⁵⁷⁸.

Перелом в переговорах наступил во время пребывания в Речи Посполитой московского посольства в лице боярина князя А.М. Львова, думного дворянина Г.Г. Пушкина и дьяка М.Д. Волошенинова, которое 28 сентября 1644 г. подписало с польско-литовской стороной два договора, один из которых регулировал спорные территориальные вопросы⁵⁷⁹. Согласно ему, Речь Посполитая должна была получить следующие земли: в состав Литвы включались Долысь, Березай, Усвай и Ловец (по оценкам В. Годзишевского, их площадь составляла 1100 км²), а также половина урочища Прихабы (полностью переданного в 1647 г. Речи Посполитой). Корона же получала леса между реками Мерчик и Орел, а также часть спорных земель на путивлском участке, вместе с городищами Гадяч и Сарской (ок. 5050 км²). К Москве же отходили: принадлежавшие Литве Вязовский

⁵⁷⁸ Godziszewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyczona w latach 1634-1648) // Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski. 1935. Z. 3. S. 8-30; на фоне вопроса о разграничении имела место частая дипломатическая переписка между польско-литовской и российской сторонами, в состав которой входили, в том числе, грамоты Владислава IV к Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу в 1636-45 гг.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. № 33-57.

⁵⁷⁹ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам Управлявшим Московским архивом коллегии иностранных дел. Ч. 3: 1613-1645. М.: Университетская типография, 1862. С. 130-131; подробно цель и ход посольства изложены в «Отправлении в Польшу полномочных российских послов» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 66) и статейном списке посольства: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 67.

стан (ок. 1000 км²), Плавецкая и Жижицкая волости (ок. 750 км²), села Олешковичи, Крупец и другие на левом берегу р. Клевени (ок. 1000 км²), а также Трубчевск вместе с прилегающими землями (ок. 2350 км²). Со стороны Короны Москва должна была получить городища Недрыгайловское, Городецкое, Каменное, Ахтырское и Ольшанское (ок. 4600 км²)⁵⁸⁰.

Передача определенных в данном договоре земель не раз сопровождалась определенными сложностями⁵⁸¹, однако именно передача Москве Трубчевска вызвала самое сильное сопротивление со стороны не только владельцев переданных имений, но также всей литовской шляхты⁵⁸².

Следует обратить внимание на смешанный, частно-общественный, характер вопроса, который прослеживается, в том числе, и в нормативных документах. С одной стороны, передача Москве земель вместе с Трубчевском являлась проблемой общегосударственного уровня, как Речи Посполитой в целом, так и Великого княжества Литовского в частности. С другой, затрагивала личные интересы разных представителей местной шляхты.

Именно частные интересы и права отдельных лиц, пострадавших в ходе разграничения, придали данному спору особую остроту. Среди заинтересованных лиц на первом месте стоит упомянуть Ежего Виганта Трубецкого, отец которого, Петр (умер в 1644 г.), получил от Владислава IV на ленном праве половину Трубчевска, вторую же половину имея в удельном владении⁵⁸³. Из-за несовершеннолетия Ежего, его опекуном стал отец матери, Эльжбеты (Гальшки) – Ян Друцки-Соколиньски. В то же время Соколиньски выступал как попечитель своей дочери, приданное которой было обеспечено Петром Трубецким именно на

⁵⁸⁰ Godziszewski W. Op. cit. S. 31-33; Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 131-132.

⁵⁸¹ Королевский секретарь Горецки изначально отказался (по крайней мере, до весны 1645 г.) передать С. Яцину и П. Жагину Крупец и другие села на левом берегу р. Клевень; Москве не была выдана также половина урочища Прихабы; во время своего посольства в Москву в 1647 г. А. Кисель получил согласие Алексея Михайловича на включение его в состав Речи Посполитой; Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 136-137 и 142-143.

⁵⁸² Другие земли были переданы Москве в течение 1644-45 гг.: Вязовский стан был передан писарем земским полоцким Я. Подпипентой дворянину С. А. Толбухтну, а Олешковичи и земли за рекой Клевень в июле 1645 г. были переданы Х. Дуниным, опочевским войским, и М. Л. Кшивковским дворянину С. Яцину и подьячему П. Жагину; Godziszewski W. Op. cit. S. 34-41.

⁵⁸³ РГАДА. Ф. 389. Кн. 108. Фасц. 435.

Трубчевске⁵⁸⁴. Сам же Трубчевск во время передачи Москве был сдан в аренду Павлу Солтыку. Именно Друцки-Соколиньски, что не удивительно, играл главную роль в сопротивлении передачи Трубчевска Москве.

Стоит отметить, что круг лиц, частные интересы которых были ущемлены при установлении границы, был намного шире. В самой конституции 1646 г. кроме компенсации Ежему Трубецкому, его матери и Павлу Солтыку, предусматривалась также компенсации трем другим лицам, а кроме того были обещаны выплаты ещё восемнадцати. При этом необходимо допустить вероятность того, что не все заинтересованные были упомянуты в конституции. Известно, например, что владельцем Олешкович и других сел на левом берегу Клевени являлся Александэр Пясэчыньски⁵⁸⁵, имя которого мы в конституции не найдем.

Решение о передаче Москве Трубчевска вызвало резкое неудовольствие собравшихся в январе 1645 г. и в сентябре следующего года литовских предсеймовых сеймиков. Стоит при этом подчеркнуть, что вопрос разграничения обсуждался во всех известных нам инструкциях. При этом внимание сеймиков концентрировалось в первую очередь именно на передаче Трубчевска. Упоминания о других землях, переданных Москве в ходе разграничения, встречаются намного реже. В новогрудской инструкции 1645 г. упоминались (принадлежавшие Александру Пясэчыньскому) Олешковичи и заклевенская волость⁵⁸⁶, а также пострадавшие, которые «вотчины во время последних договоренностей от Серпейска потеряли»⁵⁸⁷ и те, которых имения лежали на новосельском тракте⁵⁸⁸. В 1646 г. браславский сеймик упомянул Вязовский

⁵⁸⁴ Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach... T. 2. S. 488-489; Nagielski M. Sokoliński (Drucki-Sokoliński) Jan // Polski Słownik Biograficzny. T. XL: Soczyński Karol – Sowiński Ignacy. Warszawa-Kraków: IH PAN, 2000-2001. S. 37.

⁵⁸⁵ Godziszewski W. Op. cit. S. 20; Urwanowicz J. Piaseczyński Aleksander // Polski Słownik Biograficzny. T. XXV: Pańko Jan – Piątkiewicz Aleksander. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980. S. 800-803.

⁵⁸⁶ В обеих копиях инструкции, мы сталкиваемся, скорее всего, с ошибками, допущенными копиистами; в первой из них требовалось объяснений, что получила Речь Посполита при передаче «czeklawińskiej włości»: BCzart. Sygn. 375. K. 850; в другой копии той же инструкции название в немного отличающемся варианте: «czaklew[далее неразборчиво]»: BCzart. Sygn. 375. K. 1103; ни одна из двух указанных форм неизвестна В. Годзишевскому.

⁵⁸⁷ Вероятно, имелось в виду проведенное в 1634-37 гг. разграничение с переданным на основе поляновского договора серпейским уездом; см. Godziszewski W. Op. cit. S. 17-26.

⁵⁸⁸ Возможно, речь шла о владениях, расположенных около Новосюлок в серпейском уезде либо села Новосюлки недалеко от Олешкович; см.: Ibid. S. 35; BCzart. Sygn. 375. K. 850.

стан⁵⁸⁹, лидский – Вязовский стан и Серпейск⁵⁹⁰, а смоленский требовал «посмотреть и усвятские и велизские границы»⁵⁹¹.

На основе исследуемых нами инструкций, можно констатировать, что литовскими сеймиками учитывались как частный аспект проблемы, так и общественный. В данном контексте весьма показательным является точное определение сеймиками пострадавших в результате передачи Москве земель, принадлежавших ранее Литве.

Почти все сеймики, как в 1645 г., так и в 1646 г., прямо заявили в своих инструкциях, что передачу земель Москве считают нарушением прав Великого княжества Литовского или целого шляхетского народа. Единственным исключением является здесь вилкомирская инструкция 1646 г., где эксплицитно не указывалось на общественный интерес, а Трубчевск был определен как «шляхетская вотчина», однако помещенное дальше требование решения вопроса так, «чтобы мы были в этой обиде успокоены» позволяет предположить, что и в данном случае для авторов инструкции проблема выходила за рамки лишь частного вопроса⁵⁹². Другой инструкцией, в которой общественный интерес не был выражен напрямую, является минская инструкция 1645 г., в которой в первую очередь указывались потери «здешних обывателей», однако далее высказывалось требование, чтобы как они, так и «вся речь посполитая» не поносили ущерб⁵⁹³.

Во всех других инструкциях прямо сообщалось о нарушении интересов Великого княжества Литовского. В браславской инструкции 1645 г. передача Москве земель определялась как «ущемление границ Великого княжества Литовского». При этом, сеймик напоминал королю, что тот «*sacrosante* присягал *dillatare augere non diminuare* государство Великого княжества Литовского»⁵⁹⁴. Гродненский сеймик в том же году сообщил, что Великое княжество радуется решению пограничных споров, однако «должно немало жалеть» ущемления своих

⁵⁸⁹ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 138.

⁵⁹⁰ ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 479.

⁵⁹¹ ВСзарт. TN 126. Nr 1. К. 2.

⁵⁹² ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 114.

⁵⁹³ ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 479.

⁵⁹⁴ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 116.

границ⁵⁹⁵. Новогрудский сеймик подчеркнул, что данный вопрос касается не только частных лиц, но и «всего нашего народа»⁵⁹⁶. Схожая формулировка была использована в слонимской инструкции⁵⁹⁷.

В 1646 г. используемая сеймиками риторика стала более острой. Браславский сеймик в своей инструкции сообщал, что «Трубчевск и Вязовский стан с величайшей обидой Великого княжества Литовского оторван и передан Москве»⁵⁹⁸. Новогрудский сеймик отметил, что «потеря Трубчевска стыдна Великому княжеству Литовскому»⁵⁹⁹. Против «ущерба и ущемления» Великого княжества Литовского выступил смоленский сеймик⁶⁰⁰. «Ущемлением границ Великого княжества Литовского» назвал передачу Трубчевска волковысский сеймик⁶⁰¹. В похожем тоне высказывались также брестский, гродненский, лидский, слонимский и виленский сеймики⁶⁰².

В троцкой инструкции в том же 1646 г. сообщалось, что в связи с передачей Трубчевска «всему Литовскому княжеству нанесен неизмеримый ущерб»⁶⁰³. Жмудский сеймик не только назвал ее «*propugnaculum* отчизны нашей», но и указал на то, что «отчизне из-за этого угрожает огромнейшая опасность»⁶⁰⁴. Самым острым выступлением являлась, пожалуй, инструкция минского сеймика, который к вопросу передачи земель Московскому государству обращался аж четыре раза. В данной инструкции передача Трубчевска определялась как «великое бесправие и тяжелая обида Великого княжества Литовского», а комиссия по разграничения обвинялась в том, что «нелегально отняла от Литовского княжества давние границы отчизны», а также, что «нанесла Литовскому княжеству тяжелую и жалкую обиду»⁶⁰⁵.

⁵⁹⁵ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 122v.

⁵⁹⁶ ВСзарт. Sygn. 375. К. 849-850.

⁵⁹⁷ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 120v.

⁵⁹⁸ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 138.

⁵⁹⁹ ВСзарт. TN 140. Nr 113. К. 430.

⁶⁰⁰ ВСзарт. TN 126. Nr 1. К. 2.

⁶⁰¹ ВСзарт. TN 126. Nr 7. К. 33.

⁶⁰² Брестская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 127v; гродненская инструкция: ВСзарт. TN 140. Nr 60. К. 211-212; лидская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 155v; слонимская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 160; виленская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 140v.

⁶⁰³ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 361-361v.

⁶⁰⁴ ВСзарт. Rkps. 378. Nr 82. К. 443.

⁶⁰⁵ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 132v-135v.

Одновременно, большинство сеймиков указало на нарушение прав частных лиц, в первую очередь Ежого Трубецкого. Такое заявление находим в инструкциях гродненского⁶⁰⁶, слонимского⁶⁰⁷ и новогрудского⁶⁰⁸ сеймиков от 1645 г., а также вилкомирского⁶⁰⁹, троцкого⁶¹⁰ и виленского сеймиков от 1646 г.⁶¹¹.

Часть сеймиков указала на нарушение прав также и других лиц. Так в 1645 г. новогрудский сеймик наряду с Трубецким упомянул пострадавших, которых имения лежали на новосельском тракте, а также тех, кто «вотчины во время последних договоренностей от Серпейска потеряли»⁶¹². В том же году гродненский сеймик потребовал компенсации «для Его мости пана эйшиского старосты и других»⁶¹³. Год спустя тем же самым лицам высказал свою поддержку виленский сеймик⁶¹⁴.

Стоит также рассмотреть, какие решения предлагались литовскими сеймиками. Наиболее радикальным постулатом, встречаемым в инструкциях, являлось возвращение Трубчевска и других земель, потерянных Литвой в ходе разграничения. В 1645 г. с подобным заявлением выступил браславский сеймик⁶¹⁵, а в следующем - виленский⁶¹⁶, жмудский⁶¹⁷ и слонимский сеймики⁶¹⁸. Стоит при этом отметить, что браславский сеймик в 1646 г. не требовал уже возвращения потерянных земель, ожидая лишь соответствующей компенсации⁶¹⁹. Слонимский же сеймик, наоборот, ужесточил свою позицию, т.к. в 1645 г. настаивал лишь на компенсации для Великого княжества и Трубецкого⁶²⁰. При этом, лишь в слонимской и отчасти виленской инструкциях предусматривались способы достижения этой цели. Конечно же, исполнение постулата возвращения

⁶⁰⁶ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 122v.

⁶⁰⁷ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 120v.

⁶⁰⁸ ВСzart. Rkps. 375. K. 849-850.

⁶⁰⁹ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 114.

⁶¹⁰ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 361.

⁶¹¹ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 146v-147.

⁶¹² ВСzart. Rkps. 375. K. 849-850.

⁶¹³ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 122v.

⁶¹⁴ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 147.

⁶¹⁵ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 116.

⁶¹⁶ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 140v.

⁶¹⁷ ВСzart. Rkps. 378. Nr 82. K. 443-444.

⁶¹⁸ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 160.

⁶¹⁹ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 138.

⁶²⁰ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 160.

Трубчевска или других земель являлось весьма маловероятным, в чем, возможно, по крайней мере, часть сеймиков отдавала себе отчет.

Наиболее часто встречающимся постулатом литовских сеймиков являлось требование компенсации, как для Великого княжества Литовского, так и для частных лиц, интересы которых были нарушены в ходе разграничения. В 1645 г. компенсации для Литвы со стороны Короны требовали браславский⁶²¹ и новогрудский сеймики⁶²².

В 1646 г. оба сеймика повторили этот постулат⁶²³. К ним присоединилось большинство сеймиков, инструкции которых нам известны: брестский⁶²⁴, гродненский⁶²⁵, слонимский⁶²⁶, смоленский⁶²⁷, волковысский⁶²⁸, троцкий⁶²⁹ и минский⁶³⁰. При этом, браславский, минский и троцкий сеймики обязали своих послов не приступать к работе сейма без учёта выдвигаемых ими постулатов⁶³¹.

Реже в литовских инструкциях встречались другие постулаты. В 1646 г. лидский и брестский сеймики потребовали наказания виновных передачи Трубчевска. Последний в резкой форме требовал: «выявить автора такой бури и кем-либо он является, чтобы был явно и строго наказан как главный враг отчизны и вредный советник»⁶³². В 1645 г. новогрудский сеймик просил объяснений, что Речь Посполитая получила в обмен за Олешковичи и заклевенскую волость⁶³³. Год спустя, тот же сеймик потребовал объяснений, «за чьим советом некоторые лица направленные с гвардией Его королевской мости отдали эти имения в московское владение»⁶³⁴. В следующей части инструкции сеймик просил также

⁶²¹ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 116.

⁶²² ВСзарт. Rkps. 375. К. 849-850.

⁶²³ Браславская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 138; новогрудская инструкция: ВСзарт. TN 140. Nr 113. К. 430.

⁶²⁴ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 127v.

⁶²⁵ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 149.

⁶²⁶ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 160.

⁶²⁷ ВСзарт. TN 126. Nr 1. К. 2.

⁶²⁸ ВСзарт. TN 126. Nr 7. К. 33.

⁶²⁹ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 361-361v.

⁶³⁰ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 132v.

⁶³¹ Браславская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 138; троцкая инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 361-361v; минская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 132v.

⁶³² Лидская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 155-155v; брестская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 127v.

⁶³³ ВСзарт. Rkps. 375. К. 850.

⁶³⁴ ВСзарт. TN 140. Nr 113. К. 430.

выдавать шляхте для ознакомления документы, касающиеся поляновского договора и проводимого разграничения⁶³⁵. Общих объяснений относительно передачи Трубчевска потребовали также смоленский и вилкомирский сеймики⁶³⁶.

Соппротивление литовской шляхты принятым в ходе разграничения решениям не ограничилось только выступлениями сеймиков. Она приняла также попытки добиться своих постулатов в ходе сеймов. Вопрос разграничения вызвал возмущение послов на сейме, начавшемся 13 февраля 1645 г. 20 февраля часть из них обратилась с претензиями к королю и сенаторам, упрекая их в том, что решение о разграничении было принято без согласия шляхты⁶³⁷. В последующие дни ситуация еще обострилась. 10 марта возникла ссора между послами и познанским епископом Анджеем Шолдрским, одним из комиссаров, ведущих переговоры с московским посольством, который даже грозил послам подать на них в суд за злословие. Это настолько возмутило послов, что епископ вынужден был публично извиниться и заявить, что не намеревается ни в коей мере ограничивать посольской деятельности⁶³⁸. Несмотря на попытки литовских послов, сейм завершился, однако, без принятия каких-либо решений.

В такой ситуации, проблема продолжала возмущать послов и на следующем сейме, в 1646 г., вызывая, наряду с королевскими планами войны с Турцией, весьма ожесточенные споры⁶³⁹. Сейм закончился, однако, принятием конституций, среди которых была также конституция «Инкорпорация Лоева и Любеча к Великому княжеству Литовскому».

Но даже эти решения в последний момент могли быть заблокированы литовским подканцлером, Казимежем Леоном Сапегой. Камнем преткновения оказались, на самом деле, сугубо личные интересы, не связанные с самим Трубчевском. Подканцлер уговорил своих сторонников протестировать против принятых решений из-за соперничества с литовским польным гетманом, Янушем Радзивиллом. Спор между ними возник вокруг должности новогрудского писаря,

⁶³⁵ BCzart. TN 140. Nr 113. K. 431.

⁶³⁶ Вилкомирская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 114; смоленская инструкция: BCzart. TN 126. Nr 1. K. 2.

⁶³⁷ Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach... T. 2. S. 435.

⁶³⁸ Ibid. S. 441.

⁶³⁹ Детально см.: Szajnocha K. Dwa lata dziejów naszych. 1646. 1648. Opowiadanie i źródła. T. I. Lwów: nakł. autora, 1865. S. 259-319.

на которую как Сапега, так и Радзивилл, выдвигали своих клиентов. Проигравший в этом соперничестве Сапега решил отомстить королю, который, вопреки обещаниям, назначил на эту должность клиента Радзивилла⁶⁴⁰.

На основе принятой сеймом конституции в состав Литвы в обмен на потерянный Трубчевск были включены староства Лоев и Любеч (которые должны были войти в состав стародубского повета смоленского воеводства). Налоги из этих староств должны были идти в литовскую казну, однако кварта, как и военная служба, отводилась Короне. В будущем запрещалось проведение подобного рода комиссий без согласия сейма. Конституция признавала также компенсацию для лиц, которые потеряли свои имущества в связи с передачей Трубчевска и Вязовского стана⁶⁴¹.

Подводя итоги анализа спора о разграничении, стоит отметить, что все литовские сеймики единогласно выразили открытое недовольство в связи с передачей Москве Трубчевска. Подобного же единогласия не было, однако, ни в выдвигаемых в инструкциях постулатах, ни в использованной риторике. Пожалуй, самым острым ее примером является инструкция минского сеймика 1646 г., который в самых резких выражениях обращался к данной проблеме, поднимая данный вопрос аж четыре раза. Следует при этом подчеркнуть, что позиция данного сеймика ужесточилась по сравнению с предыдущим годом, т.к. в 1645 г. он лишь выразил общее недовольство случившимся, но не предлагал по этому поводу каких-либо решительных мер⁶⁴². Несмотря на это, по крайней мере, часть сеймиков все же подчеркивала необходимость проведения разграничения с Московским государством, среди них гродненский, браславский, минский и виленский сеймики в 1646 г.⁶⁴³.

В практике, частный и общественный характер вопроса скорее пересекались и дополняли друг друга, что указывает нам на сложность обсуждаемой нами проблемы. Нельзя, кажется, отрицать «патриотический» элемент в мышлении

⁶⁴⁰ Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach... T. 2. S. 548.

⁶⁴¹ Volumina legum... T. IV. Petersburg: Jozafat Ohryzko, 1860. S. 44.

⁶⁴² ВРАН Kraków. Rkps 360. K. 479.

⁶⁴³ Браславская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 138; гродненская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 149; минская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 132v; виленская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 140v.

литовской шляхты о государственной самостоятельности Великого княжества. Однако иногда государственная риторика могла использоваться для достижения сугубо личных целей и интересов, в данном случае – возвращения потерянных имуществ или, хотя бы, получения соответствующей компенсации. Яркий пример того, каким образом государственный интерес оказывался заложником индивидуальных интересов – указанное выше поведение Казимежа Леона Сапеги на сейме в 1646 г.

Стоит при этом задуматься над более общим вопросом, насколько явление литовского партикуляризма имело негативный характер, т.е. являлось ответом на действия, которые воспринимались как ущемление прав Великого княжества или его шляхты. На примере возмущения сеймиков в связи с передачей Трубчевска мы можем увидеть, что самые острые и солидарные выступления литовских сеймиков зачастую были вызваны нелитовскими факторами, например решениями короля или действиями коронных партнеров. Данное наблюдение подтверждается и на основе анализа других обсуждаемых сеймиками вопросов, в то время как примеры «позитивной программы» встречаются в их инструкциях значительно реже⁶⁴⁴. Это подталкивает к постановке вопроса о том, насколько для осознания и формулирования прав и интересов Великого княжества Литовского необходимы были внешние импульсы – действия, которые воспринимались бы как нарушение этих прав и интересов.

Несомненно, оба указанные конфликта являлись самыми острыми в польско-литовских отношениях. Однако на протяжении исследуемого нами периода имели место также менее серьезные споры, также касающиеся вопроса территориальной целостности Литвы и вызывающие определенное напряжение между партнерами. Необходимым кажется определение их места в мышлении литовской шляхты и способа, в какой они присутствовали в парламентской деятельности Великого княжества. Для этого следует детально изучить два следующие вопросы: проведение разграничения с Короной, а также связанные как

⁶⁴⁴ Ambroziak T. The necessity to reexamine... S. 103.

с территориальной целостностью Великого княжества, так и с его суверенитетом постулаты невведения коронной армии в Литву.

Включение в 1569 г. подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств в состав Короны существенно меняло границу между Короной и Литвой. Проведение детального разграничения являлось при этом не только формальной проблемой, но и, как упоминалось ранее, вполне практической задачей. Это было связано с рядом важнейших вопросов: юрисдикцией коронных и литовских судов, разными системами материального и процессуального права в двух частях Речи Посполитой, компетенциями налоговых органов, возможностью получения должностей в том или ином воеводстве и повете. Таким образом, разграничение стало проблемой, без решения которой было невозможно беспрепятственное функционирование государственной и общественной систем в новой действительности, порожденной проведенными на люблинском сейме изменениями.

Постулаты, касающиеся необходимости установить или подтвердить разграничение появляются на протяжении всего исследуемого периода, хотя сложно назвать их постоянными. Внимание литовской шляхты уделялось при этом двум направлениям: границы между литовским брестским воеводством и коронными подляшским и люблинским воеводствами, а также литовским мозырским поветом и коронным киевским воеводством.

В случае первого из указанных направлений основное значение имела граница между брестским и подляшским воеводствами, а точнее между самим брестским поветом и входившем в состав подляшского воеводства мельницким поветом⁶⁴⁵. Формирование мельницкого повета как территориальной единицы наступило, по мнению Д. Михалюк, довольно поздно, только в конце 30-ых – начале 40-ых гг. XVI вв. При этом, его границы в первой половине XVI в. не были точно определены, а ряд населенных пунктов менял свою принадлежность и входил в состав либо мельницкого, либо соседних дрогичского (на западе) или

⁶⁴⁵ Wilkiewicz–Wawrzyńczykowa A. Spory graniczne polsko-litewskie w XV-XVII w. Wilno: [Drukarnia Artystyczna „Grafika”], 1928. S. 185-192.

брестского (на востоке) поветов. Именно существование этих сильных центров являлось, по мнению Д. Михалюк, причиной медленного формирования мельницкого повета и его границ⁶⁴⁶.

Необходимость их более точного определения возникла после территориальной реформы, проведенной в Великом княжестве Литовском Сигизмундом Августом в 1565-66 гг. В ее итоге было учреждено брестское воеводство, которое выделилось из подляшского воеводства. Мельницкий повет оказался в составе последнего, поэтому граница между ним и брестским поветом приобретала характер границы между воеводствами. Однако она была определена лишь в довольно общем ключе⁶⁴⁷. Тем не менее, ее линия уже скоро, в 1568 г., вызвала недовольство со стороны мельницкой шляхты, которая требовала включения в состав своего повета ряда пограничных имуществ и приходов⁶⁴⁸.

Уже скоро эта граница приобрела качественно иной характер. 5 марта 1569 г. Сигизмунд Август включил в состав Польской Короны подляшское воеводство. Все его жители были выделены из литовского права и на них распространялось право польское. Жалобы на судебные решения должны были вноситься в соответствующие коронные учреждения. Отменялись также все налоги и пошлины, не предусмотрены коронным правом, а все чиновники включались в состав коронных⁶⁴⁹. После заключения Люблинской унии граница между мельницким и брестским поветами осталась границей между обеими частями Речи Посполитой.

Несмотря на это, процесс детального разграничения оказался весьма долгим и сложным. Как уже отмечалось, в практике ряд населенных пунктов имел неопределенную либо меняющуюся принадлежность. Более того, до заключения Люблинской унии часть шляхты и их имущества подвергались юрисдикции коронного права, а часть литовского, что зависело в первую очередь от времени приобретения соответствующих привилегий. Ситуацию усугубляли еще

⁶⁴⁶ Михалюк Д. Указ. соч. С. 26.

⁶⁴⁷ Wawrzyńczykowa A. *Rozwój wielkiej własności ziemskiej na Podlasiu w XV i XVI w.* Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1951. S. 24-25.

⁶⁴⁸ Михалюк Д. Указ. соч. С. 31.

⁶⁴⁹ Akta unji Polski z Litwą... S. 196-207.

разногласия среди самой местной шляхты, серьезная часть которой являлась иммигрантами из Короны. С другой стороны, ряд ее представителей отнюдь не желал приобретать коронные права и предпочитал оставаться при литовских⁶⁵⁰.

Не удивительно, что сложный процесс разграничения притягивал внимание литовских сеймиков. Первые комиссии для его проведения были учреждены еще в 70-ые гг. XVI в., но особо часто стали собираться с начала правления Сигизмунда III. Уже сеймом в 1589 г. предусматривалось установление ряда комиссий для решения пограничных споров между разными землями Речи Посполитой, в том числе подляшского и брестского воеводств⁶⁵¹. Комиссия, однако, не только не была созвана, но королем не были назначены даже ее члены. Только в 1591 г. сейм назначил соответствующих комиссаров для проведения разграничения, которое должно было осуществиться в день св. Варфоломея того же года⁶⁵². Безуспешный исход деятельности комиссии вынудил литовские сеймики обратиться к проблеме разграничения. Так, в 1596 г. опшмянский сеймик повелел своим послам представить данный вопрос на генеральном сеймике в Слониме и на самом сейме. В его инструкции требовалось прекратить провокации, а также «чтобы из-за пренебрежения комиссаров это разграничение не задерживалось и чтобы дело большое было на них возложено»⁶⁵³. В 1615 г. к этому вопросу вернулся ковенский сеймик, напоминая, что до сих пор разграничение не было проведено, «с ущербом Великого княжества Литовского»⁶⁵⁴.

В 1616 г. сеймом были назначены комиссары для проведения разграничения, как с коронной, так и литовской стороны, которые должны были начать свою работу 16 сентября и закончить ее до конца того же года.

⁶⁵⁰ Михалюк Д. Указ. соч. С. 36-42.

⁶⁵¹ *Volumina legum...* Т. II. S. 287.

⁶⁵² В состав комиссии вошли: люблинский воевода Миколай Эбжидовски, подляшский воевода Станислав Радзиминьски, войницкий каштелян Ян Тэнчиньски, подляшский каштелян Марцин Лесьнёвельски, виленский каштелян Ян Кишка, полоцкий воевода Миколай Дорогостайски, брестский воевода Кшиштоф Зенович (в конституции назван Яном), брестский каштелян Адам Поцей, литовский канцлер Лев Сапега, мельницкий подкоморий Каспер Дэмбиньски, бельский подкоморий Кшиштоф Бжозовски, Адам Горайски, Иероним Ижиковиц, Петр Петрковски, Сокул Война и несколько неустановленных лиц; *Volumina legum...* Т. II. S. 332.

⁶⁵³ AGAD. AR II 352. К. 2-3.

⁶⁵⁴ AGAD. AR II 621. К. 5.

Неприбытие комиссаров в обозначенное время подвергалось денежному наказанию в размере 1000 гривен⁶⁵⁵.

При отсутствии литовских коллег, коронные комиссары выдали декреты, которые включали часть спорных имуществ в Корону. Это вызвало сопротивление некоторых литовских сеймиков перед сеймом в 1618 г. Виленский сеймик заявлял: «великая обида всего Великого княжества Литовского в том, что при отсутствии комиссаров из нашего народа хотят немало имуществ, аренд, грунтов, владений от брестского повета в Корону включить», требуя отмены выданных декретов и повторного назначения комиссии⁶⁵⁶. С постулатом отмены этих декретов выступил также лидский сеймик, заявляя, что комиссия «имела место с ущербом Великого княжества Литовского»⁶⁵⁷. Еще более остро выступил слонимский сеймик, по мнению которого «брестское воеводство терпит со стороны Панов комиссаров коронных огромную обиду». Сеймик потребовал при этом не только отменить данные декреты, но и начать процедуру наказания коронных комиссаров⁶⁵⁸.

Следует, однако, отметить, что данный вопрос некоторыми сеймиками вообще не был затронут. Не нашел он отражение в инструкциях упитского⁶⁵⁹ и вилкомирского сеймиков⁶⁶⁰. Перед следующим сеймом, в 1619 г., не высказали своего мнения по этому поводу новогрудский⁶⁶¹ и вилкомирский сеймики⁶⁶². В 1620 г. отмены декретов потребовал упитский сеймик⁶⁶³, но уже в инструкции минского сеймика этот вопрос не поднимался⁶⁶⁴.

⁶⁵⁵ Из Короны были назначены мазовецкий воевода Томаш Гостомски, подляшский воевода Станислав Варшицки, подляшский каштелян Войцех Немира, а также дрогицкий, мельницкий и бранский подкоморие; из Великого княжества Литовского были назначены виленский каштелян Иероним Ходкевич, брестский воевода Евстафи Ходкевич, брестский каштелян Лукаш Копэць, брестский и гродненский подкоморие, а также брестский земский судья Пшецлав Горбовски; комиссары могли привести с собой свиту не более 60 человек, в том числе 30 чиновников; *Volumina legum...* Т. III. S. 151-152.

⁶⁵⁶ AGAD. AR II 693. К. 6.

⁶⁵⁷ AGAD. AR II 670a. К. 2.

⁶⁵⁸ BPAN Kraków. Rkps 365. К. 85.

⁶⁵⁹ AGAD. AR II 699.

⁶⁶⁰ AGAD. AR II 700.

⁶⁶¹ AGAD. AR II 701.

⁶⁶² AGAD. AR II. Supl. 306.

⁶⁶³ BPAN Kraków. Rkps 365. К. 95.

⁶⁶⁴ AGAD. AR II 730.

В 1620 г. сейм еще раз занялся данной проблемой и назначил комиссию для рассмотрения правомерности выданных ранее декретов, которая должна была собраться 15 мая 1621 г.⁶⁶⁵. Во избежание повторения споров в случае отсутствия одной из сторон, был принят принцип, что неприбытие одного или двух комиссаров с какой-либо стороны не является помехой для проведения дальнейших действий⁶⁶⁶. Решение комиссии должно было стать основой для окончательного решения не только касательно выданных уже декретов, но также самого разграничения.

В конституции предусматривалось, что вопрос будет рассмотрен на ближайшем сейме, однако предметом обсуждения он стал лишь в 1623 г. Тогда была повторно назначена комиссия для проведения разграничения, которая должна была начать свою работу 29 мая 1623 г.⁶⁶⁷. Дальнейшие сеймы также не обращались к решению данного вопроса, а по конституции от 1631 г. его рассмотрение в очередной раз откладывалось до следующего сейма⁶⁶⁸. Ее решение опять же было отложено коронационным сеймом в 1633 г., который приостановил исполнение решений как Коронного, так и Литовского трибуналов, касающихся земель неопределенной принадлежности⁶⁶⁹. Так же поступили и оба сейма в 1635 г.⁶⁷⁰.

К вопросу разграничения вернулся сейм в 1638 г. На нем было принято компромиссное решение, по которому каждый должен принадлежать той юрисдикции, которой принадлежал до сих пор и где платил налоги. Для разграничения частных имуществ была назначена комиссия, которая должна была

⁶⁶⁵ Из Короны в ее состав вошли плоцкий епископ Генрик Фирлей, войницкий каштелян Миколай Фирлей, плоцкий каштелян Валенты Зелиньски, вышгородский каштелян Адам Коссобудзки, брестско-куявский подкоморий Ян Ловицки и люблинский подкоморий Адам Носковски; со стороны Великого княжества Литовского в ее состав вошли жмудский староста Иероним Воллович, новогрудский воевода Миколай Сапега, жмудский каштелян Адам Тальвош, литовский крайчий Кшиштоф Веселовски, литовский референдар Александэр Корвин Госевски и литовский писарь Стефан Пац.

⁶⁶⁶ *Volumina legum...* Т. III. S. 180-181.

⁶⁶⁷ Со стороны Короны ее состав почти не изменился – комиссарами были назначены плоцкий епископ Генрик Фирлей, войницкий каштелян Миколай Фирлей, плоцкий каштелян Валенты Зелиньски, закрочимский каштелян Ян Бреховски, брестско-куявский подкоморий Ян Ловицки и люблинский подкоморий Адам Носковски; со стороны Литвы в ее состав вошли виленский воевода Лев Сапега, брестский воевода Ян Остафи Тышкевич, литовский надворный маршалок Кшиштоф Веселовски, литовский подстоли Кшиштоф Сапега и литовский писарь Стефан Пац; *Ibid.* S. 219.

⁶⁶⁸ *Ibid.* S. 327.

⁶⁶⁹ *Ibid.* S. 379.

⁶⁷⁰ *Ibid.* S. 414 и 429.

начать работу 26 октября в Кобрыне. В своих решениях ей следовало опираться на практику и сформировавшиеся уже обычаи⁶⁷¹.

В силу столь долгого рассмотрения данного вопроса не удивляет, что в течение многих лет он привлекал внимание литовской шляхты, в том числе и сеймиков. В 1624 г. проведения разграничения требовал новогрудский сеймик⁶⁷², в следующем году виленский, троцкий, минский и ошмянский сеймики⁶⁷³, в 1627 г. новогрудский⁶⁷⁴ и троцкий сеймики⁶⁷⁵, в 1628 г. опять троцкий⁶⁷⁶, а в 1630 г. жмудский⁶⁷⁷ и ошмянский сеймики⁶⁷⁸.

На первый взгляд могло бы показаться, что столь частые обращения к вопросу и требование завершения работы комиссии являются важным маркером польско-литовских отношений. Стоит, однако, отметить, что в пропорциональном отношении частотность появления этих сюжетов не столь велика (в целом 24 раза за весь период 1587-1648), а многие сеймики данную проблему полностью обходили вниманием. Более того, даже в случае обращения того или иного сеймика к данному вопросу, в инструкции ему отводилось далеко не первое место. Посвященные ему постулаты являлись довольно короткими, а иногда и вовсе сеймики ограничивались одним предложением или даже несколькими словами. Со стороны литовской шляхты практически не наблюдалось сильного и решительного намерения окончательно решить данный вопрос. Также риторика инструкций, кроме инструкций 1618 г., не носит конфронтационного характера и лишь в редких случаях они написаны в более резком тоне.

⁶⁷¹ В ее состав из Короны вошли люблинский воевода Петр Александр Тарло, подляшский воевода Станислав Немира, коронный подскарбий Миколай Данилович, мельницкий подкоморий Ежи Ежиковиц, мельницкий староста Болеслав Млечко, подляшский ловчий Кшиштоф Бжозовски и бельский земский судья Войцех Коханьски; со стороны Литвы в ее состав вошли брестский воевода Ян Раковски, литовский великий маршалок Александр Людвик Радзивилл, подканцлер Стефан Пац, литовский крайчий Геден Крызна, гродненский подкоморий Александр Массальски, брестский подкоморий Казимеж Тышкевич, брестский земский судья Петр Кохлевски и брестский подстолий Миколай Табецки; *ibid.* S. 448-449.

⁶⁷² AGAD. AR II 883. К. 6.

⁶⁷³ Виленская инструкция: AGAD. AR II 935. К. 1; троцкая инструкция: AGAD. AR II 936. К. 5; минская инструкция: AGAD. AR II 944. К. 5; ошмянская инструкция: AGAD. AR II 940. К. 2.

⁶⁷⁴ AGAD. AR II 978. К. 4.

⁶⁷⁵ AGAD. AR II 979. К. 2.

⁶⁷⁶ AGAD. AR II 996. К. 2.

⁶⁷⁷ AGAD. AR II 1033. К. 4.

⁶⁷⁸ AGAD. AR II 1035. К. 4.

Стоит отметить также своеобразную динамику в частоте обращений к данной проблеме. Если во втором и третьем десятилетии XVII в. вопрос разграничения вызывает определенный резонанс среди литовской шляхты, в четвертом и пятом десятилетии подобного рода постулаты появляются лишь в качестве исключения. Так, в 30-ые гг. XVII в. к вопросу вернулся только пинский сеймик, в инструкции на конвокационный сейм в 1632 г.⁶⁷⁹, а в 40-ые гг. виленский и брестский сеймики (соответственно в 1641⁶⁸⁰ и 1646 г.⁶⁸¹).

Не меньше времени заняло решение вопроса о разграничении мозырского повета с киевским воеводством, хотя его значение для польско-литовских отношений кажется уже не столь значимым. Проблема разграничения обеих территориальных единиц возникла в итоге выделения мозырского повета из киевского воеводства, в состав которого он входил еще до территориально-административной реформы Сигизмунда Августа в 1565-66 г.⁶⁸². Также и после ее проведения мозырский повет, по мнению исследователей, оставался в границах киевского воеводства⁶⁸³.

Тем больше вопросов вызывает определение момента его выделения и передачи в состав минского воеводства. В привилегии Сигизмунда Августа от 6 июня 1569 г., включающей киевское воеводство (названное в документе «землей и княжеством киевским») в состав Короны не только не сообщается о каких бы то не было территориальных ограничениях касательно включаемых земель, но подчеркивается, что оно «возвращается» в состав Короны со всеми «ее градами, замками, городами, городками, деревнями, землями, поветами». В документе мозырский повет не упоминается при этом вообще, так как, кстати, и другие поветы, входившие в состав киевского воеводства⁶⁸⁴. Известно, однако, что уже в 1570 г. мозырский повет не являлся частью киевского воеводства и, вероятнее

⁶⁷⁹ AGAD. AR II 1086. K. 4.

⁶⁸⁰ AGAD. AR II 1202. K. 5.

⁶⁸¹ ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 128.

⁶⁸² Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира В.И. Завадского, 1891. С. 53-54; Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М.: Университетская типография, 1892. С. 79-80.

⁶⁸³ Насевіч В. Мазырскі павет // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. Рэд. Г. П. Пашкоў і інш. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2005. С. 261.

⁶⁸⁴ Akta unji Polski z Litwą... S. 308-319.

всего, принадлежал созданному в итоге реформы 1565-66 гг. минскому воеводству. В выданном в этом году «Реестре или инвентаре замков» киевского воеводства сообщается, что «замок Мозер от киевской земли отнят». По мнению М. Крикуна, это могло произойти еще во время сейма в Люблине или скоро после его завершения, в устной форме, на основе договоренности между представителями обоих воеводств⁶⁸⁵.

Как следует из «Реестра», перед «отнятием» мозырского повета границы между ним и киевским поветом не были обозначены. Сообщая о том, что мозырский повет уже не находится в составе киевского воеводства, авторы документа отмечают, что «не смогли узнать о достоверных границах между Мозырем и Киевом, потому что раньше они оставались в общих границах». При этом в документе добавлялось, что вопрос разграничения должен быть поднят послами на сейме⁶⁸⁶.

Стоит отметить, что вопрос разграничения мозырского повета и киевского воеводства поднимался в парламентской жизни Речи Посполитой существенно реже, чем описанная выше проблема разграничения брестского и подляшского воеводств. Несмотря на призыв авторов «Реестра» он впервые упоминается в сеймовых конституциях лишь в 1589 г. Сама же посвященная данному вопросу конституция является весьма скудной. В ней было обещано назначение для проведения разграничения соответствующих комиссаров в равном количестве из обеих частей Речи Посполитой⁶⁸⁷. Обещание, по-видимому, выполнено не было, и в 1593 г. конституцией сейма назначалась следующая комиссия для выполнения данной задачи. В ее состав должны были войти подкоморий, судья и войский с каждой стороны⁶⁸⁸. Вряд ли данная комиссия была создана, поскольку сейм в 1598 г. повторил данное решение, назначая начало работы комиссии на день св. Варфоломея, и добавляя к ее составу киевского и минского воевод. Неприбытие одной из сторон в обозначенное в конституции время не должно было

⁶⁸⁵ Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій правобережної України в XV-XVIII ст. Кордони воеводств у світлі джерел. Київ: АН України, Ін-т укр. археографії, 1993. С. 138-139.

⁶⁸⁶ Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. 9. Ziemie ruskie: Ukraina (Kijów-Braclaw). Wyd. A. Jabłonowski. Warszawa: Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1894. S. 11.

⁶⁸⁷ Volumina legum.... T. II. S. 289.

⁶⁸⁸ Ibid. S. 347-348.

препятствовать ее работе⁶⁸⁹. В действительности киевские комиссары в указанное время не прибыли и их мозырские коллеги приняли соответствующие решения в одностороннем порядке. Несмотря на положения вышеуказанной конституции, результаты работы комиссии были обжалованы и в итоге отменены следующим сеймом, в 1601 г. Сейм назначил при этом повторное проведение разграничения, ещё раз настаивая на том, что отсутствие одной из сторон не препятствует работе комиссии⁶⁹⁰. Однако именно отсутствие одной из сторон или даже одного из ее представителей неоднократно ещё становилось основой для обжалования принятых комиссией решений. Иногда в таком случае комиссии вообще отказывались от выполнения назначенных им задач. К примеру, работа учрежденной в 1601 г. комиссии завершилась безуспешно из-за смерти Шчэнсного Харлиньского. Последующим сеймам ещё неоднократно приходилось повторять соответствующие конституции (вместе с записью о последствиях неприбытия одной из сторон): в 1607⁶⁹¹, 1609⁶⁹² и 1611 г. Последний сейм в своей конституции обязал при этом всех владельцев пограничных имуществ предоставить выданные им привилегии и квитанции оплаты налогов⁶⁹³.

В январе 1612 г. мозырские комиссары провели разграничение все же лишь в одностороннем порядке, поскольку их киевские коллеги так и не приняли участие в работе комиссии. Более того, ни они, ни вернувшиеся из сейма киевские

⁶⁸⁹ Вопросу комиссии между мозырским и киевским поветами посвящены даже две конституции; первая, «Разграничение между воеводствами», касалась не только данного вопроса, но и нескольких других воеводств; вторая посвящалась уже непосредственно мозырскому и киевскому поветам; их взаимное соотношение вызывает, однако, некие интерпретационные сложности; первая конституция к определенному в 1593 г. составу комиссий добавляла воевод тех воеводств, которых касалось разграничение; однако они не упоминаются во второй конституции; согласно ей, в состав комиссии входили: со стороны киевского воеводства Шчэнсны Харлиньски и Кирилл Русиньски, а со стороны мозырского повета мозырский маршалок Стэфан Лозка, мозырский подкоморий Иван Мелешко и Михал Ловек; первая конституция устанавливала также денежное наказание в размере ста гривен за неприбытие на комиссию, что, однако, не упоминается во второй конституции; *ibid.* S. 368 и 372; в связи с этим нельзя согласиться с М. Крикуном, по мнению которого в состав учрежденной в 1598 г. комиссии входило по три человека с каждой стороны; см.: Крикун М. Указ. соч. С. 141.

⁶⁹⁰ В состав комиссии со стороны киевского повета вошли киевский подкоморий Шчэнсны Харлиньски, Самуэль Горностаи и киевский ловчий Рафал Витовски; состав мозырских комиссарией остался без изменений; *Volumina Legum...* Т. II. S. 392.

⁶⁹¹ *Ibid.* S. 447.

⁶⁹² *Ibid.* S. 473-474.

⁶⁹³ В состав комиссии вошли: со стороны киевского воеводства киевский хоружий Гавриил Госки, киевский земский судья Ян Аксак и Стэфан Немежиц; со стороны мозырского повета ее состав был таким же, как в 1609 г. - мстиславский каштелян Иван Мелешко, мозырский маршалок Стэфан Лоска и мозырский земский судья; *ibid.* Т. III. S. 12-13.

послы не уведомили о решениях сейма местную пограничную шляхту, которая в свою очередь внесла протест в отношении решения мозырских комиссаров⁶⁹⁴.

Протест оказался успешным, поскольку сейм в 1613 г. отменил обжалованные решения и вновь назначил комиссию для урегулирования данного вопроса, в очередной раз указывая, что отсутствие одной из сторон не препятствует проведению разграничения и обязывая владельцев пограничных имуществ представить комиссарам соответствующие документы⁶⁹⁵. Однако оказалось, что назначенная для проведения данной работы комиссия приняла свои решения «не объезжая имуществ», что опять послужило поводом для их обжалования⁶⁹⁶.

Столь долгое рассмотрение данной задачи привело к тому, что проблема сугубо местного характера начала превращаться в вопрос, имеющий значение для целого Великого княжества Литовского и польско-литовских отношений. К сожалению, отсутствие соответствующей источниковой базы не позволяет нам проследить динамику вопроса на первом, местном уровне. Самой ранней известной нам инструкцией мозырского сеймика является инструкция от 1636 г. Также в тех немногочисленных сеймиковых источниках киевского воеводства, которые сохранились до наших дней, не упоминается вопрос разграничения. Известно, однако, что от имени киевской шляхты повторного проведения разграничения требовал в 1611 волынский сеймик⁶⁹⁷.

В середине же второго десятилетия, как мы можем увидеть, данный вопрос начинает подниматься как на коронных, так и литовских сеймиках. В 1615 г. проведения разграничения, которое «долгое время завершиться не может», потребовал в своей инструкции ковенский сеймик⁶⁹⁸. В следующем, 1616 г., волынский сеймик потребовал отменить решения комиссии, которые, по его

⁶⁹⁴ Крикун М. Указ. соч. С. 141.

⁶⁹⁵ В состав комиссии вошли: со стороны киевского воеводства киевский подкоморий Самуэль Горностай, киевский земский судья Ян Аксак и киевский подвоеводий Михал Мишк Голоневски; со стороны мозырского повета в ее состав вошли местные маршалок, подкоморий и земский судья; *Volumina legum...* Т. III. S. 101.

⁶⁹⁶ Крикун М. Указ. соч. С. 142.

⁶⁹⁷ Mazur K. *W stronę integracji...* S. 353.

⁶⁹⁸ AGAD. AR II 621. K. 5.

мнению, нанесли «ущерб границам коронным» и назначить следующую комиссию⁶⁹⁹. В 1618 г. решить данный вопрос постулировал виленский сеймик⁷⁰⁰.

Сейм в 1620 г. отменил решения комиссии назначенной в 1613 г. и назначил новых комиссаров⁷⁰¹. Несмотря на отсутствие части мозырских комиссаров⁷⁰², комиссия провела свою работу в конце 1621 – начале 1622 гг., выдав 3 января соответствующий разграничительный документ⁷⁰³. Ее результаты должен был утвердить следующий сейм, однако ни сейм в 1623, ни в 1624 г. не рассмотрели данный вопрос⁷⁰⁴. Это, опять же, побудило сеймики обратиться к данной проблеме. В 1625 г. минский⁷⁰⁵ и ошмянский⁷⁰⁶ сеймики в своих инструкциях призвали завершить работу по разграничению. В итоге, по требованию послов, Сигизмунд III утвердил выданный комиссарами документ⁷⁰⁷.

Однако в 40-ые гг. XVI в. вопрос вновь был поднят новогрудским сеймиком, который в 1641 г. потребовал проведения разграничения, чтобы прекратить практику вызывания литовской шляхты в коронные суды. Сеймик отмечал, что это «не только является огромной тягой для обывателей, но и против союзу унии»⁷⁰⁸. Пять лет спустя сеймик требовал отмены всех судебных решений в делах между мозырским поветом и киевским воеводством⁷⁰⁹. Интересно, что в том же 1646 г. повторного разграничения потребовал также минский сеймик, что было вызвано действиями иезуитов, которые, по его мнению, не соблюдали соответствующих декретов⁷¹⁰.

⁶⁹⁹ Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 2. Т. 1. Киев: Университетская типография, 1861. С. 114.

⁷⁰⁰ AGAD. AR II 693. К. 6.

⁷⁰¹ В ее состав вошли: со стороны киевского воеводства киевский подкоморий Стэфан Нежежиц, киевский тивун Миколай Стэчки, Ежи Мощенички и Вацлав Жмеевски; со стороны мозырского повета: мозырский земский судья Тэодор Обухович, Ян Ленкевич Ипогорски, мозырский подкоморий и мозырский подстаростий Руцки; *Volumina legum...* Т. III. S. 182.

⁷⁰² Мозырского подкомория и мозырского подстаростия Руцкого.

⁷⁰³ *Źródła dziejowe...* S. 89-97.

⁷⁰⁴ Крикун М. Указ. соч. С. 143.

⁷⁰⁵ AGAD. AR II 944. К. 5.

⁷⁰⁶ AGAD. AR II 940. К. 2.

⁷⁰⁷ Крикун М. Указ. соч. С. 143.

⁷⁰⁸ BCzart. 375. К. 606.

⁷⁰⁹ BCzart. 375. К. 857.

⁷¹⁰ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 134.

В связи с вопросом территориальной целостности Великого княжества Литовского стоит также обратить внимание на постулаты невведения коронных войск в Литву. Несомненно, подобного рода требования вытекали не только из желания защитить суверенитет Великого княжества, но имели весьма практический характер. Ввод войск означал необходимость их содержания, а также был связан с возможными (и в действительности довольно частыми) эксцессами со стороны солдат или появлением разного рода групп неоплачиваемых солдат, которые являлись серьезной угрозой для внутренней безопасности и порядка. Несомненно, именно этот фактор является важным для понимания контекста выдвигаемых сеймиками постулатов.

Для подтверждения этого наблюдения необходимо обратиться к следующим примерам. Уже в 1596 г. оршанский сеймик требовал пояснений касательно назначения отрядам казаков зимних квартир на территории Великого княжества Литовского, поскольку эти отряды скоро после вступления в пределы Литвы стали совершать грабежи. Оршанская шляхта требовала от короля объяснений, произошло ли введение этих войск с его ведома, а также наказания виновных этой ситуации⁷¹¹. Два года спустя волковысская шляхта, оставляя сейму решение касательно выезда Сигизмунда III в Швецию и размерах возможной помощи королю, просила не направлять военные отряды через территорию Литвы, указывая на ее разорение и обнищание: «Великое княжество Литовское с Божьей воли поражено нехваткой продовольствия из-за неурожая, так что не только солдат содержать, но и сами питаться подданные не в состоянии»⁷¹². На экономические причины своего несогласия указывал также в 1611 г. минский сеймик, требуя, «чтобы коронных солдат не тянули на Москву через Великое княжество Литовское, но через киевскую землю, так как походы войск очень заморили это государство»⁷¹³.

Бывало, однако, что сеймики видели в нарушении войсками границ Литвы не только экономические проблемы, но апеллировали к аргументам более

⁷¹¹ AGAD. AR II 346. K. 4.

⁷¹² AGAD. AR II 401. K. 2.

⁷¹³ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 41.

высокого порядка. Оршанский сеймик в 1617 г., жалуясь на взимание коронным войском станции в Великом княжестве, требовал: «чтобы нас подобным образом не угнетали, чтобы коронный солдат литовских границ для станции не переходил»⁷¹⁴. Новогрудский сеймик в 1639 г., сопротивляясь т.н. гиберне, т.е. размещению коронных войск в течение зимнего времени на территории Литвы, требовал, чтобы коронные отряды квартировали в Короне. В инструкции добавлялся постулат запрета коронным войскам «согласно пактам унии через границы Великого княжества Литовского проходить»⁷¹⁵. Год спустя против назначения коронным солдатам станции в Литве выступил также вилкомирский сеймик (ссылаясь, правда, также и на экономические причины), защищая компетенции литовских военных учреждений⁷¹⁶. В последующие годы оба сеймика повторили свои требования: новогрудский в 1641 г.⁷¹⁷, а вилкомирский в 1643⁷¹⁸ и в 1646 г.⁷¹⁹.

Стоит отметить, что, несмотря на апеллирование как к правилам унии, так и к защите компетенции литовских учреждений, в данных постулатах все же главное значение, как нам кажется, носит экономический фактор. Можно поэтому предположить, что именно он, а не вопрос защиты суверенитета играл основную роль в подобного рода выступлениях. Стоит согласиться с мнением А. Закжевского, согласно которому нежелание разрешать введение коронных войск в Литву «не вытекало из опасений какого-либо рода уменьшения государственного суверенитета. Литвины опасались этого скорее из-за ущерба, нанесенного коронными войсками»⁷²⁰. Следует добавить, что обращение к «высоким чувствам» могло являться скорее выгодным аргументом в политической игре, чем действительным мотивом этих выступлений.

⁷¹⁴ BCzart. 2245. Nr 23. K. 157.

⁷¹⁵ AGAD. AR II 1177. K. 2.

⁷¹⁶ AGAD. AR II 1196. K. 2.

⁷¹⁷ BCzart. 375. K. 608.

⁷¹⁸ AGAD. AR II 1207. K. 2.

⁷¹⁹ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 162.

⁷²⁰ Zakrzewski A. B. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec odrębności... S. 269.

2. Сохранение отдельных литовских институтов власти

Несомненно, важнейшей чертой государственности и ее главным признаком является власть и ее институты. Отсюда необходимым кажется рассмотрение и детальное изучение усилий литовской шляхты, направленных на сохранение собственных институтов власти Великого княжества Литовского, определяющих его место и пределы суверенитета в рамках совместной Речи Посполитой. Стоит отметить, что до 1569 г. существовал целый ряд институтов, которые дают возможность, несмотря на мнение части историографии XIX – начала XX вв., говорить о Литве как о суверенном государстве, хотя и связанном, уже с 1385 г., определенным образом с Польшей.

Именно изучению попыток защитить те отдельные институты власти, которые сохранялись за Великим княжеством Литовским после 1569 г., посвящена данная часть нашей работы. Особое внимание мы уделим тем конфликтным моментам, вокруг которых сосредоточивалось внимание литовской шляхты. Поэтому ниже мы детально рассмотрим, прежде всего, компетенционные споры литовских и коронных маршалков, а также Литовского трибунала и других литовских судов с их коронными аналогами. Сначала, однако, мы обратимся к более общим требованиям, которые выдвигались в парламентской жизни Великого княжества.

На основе решений люблинского сейма создавалось особое политико-правое пространство. Безуспешными оказались попытки некоторых коронных послов провести полную унификацию учреждаемого совместного государства. В итоге, в Речи Посполитой на центральном уровне существовали кроме совместных институтов власти также собственные институты Короны и Великого княжества Литовского. Их взаимоотношения и разделение сферы компетенции уже во время сейма в Люблине привели к трениям между представителями обеих частей Речи Посполитой.

В парламентской жизни Великого княжества Литовского мы иногда встречаем довольно общие постулаты – сохранения компетенций литовских должностей в целом. Зачастую сложно, однако, детально определить их контекст, в том числе в силу лаконичного характера этих заявлений. К примеру, в 1615 г. с подобным требованием выступило пять сеймиков. Среди них только в двух инструкциях уточнялось, что речь идет о компетенциях гетмана. Так, мстиславский сеймик писал: «сенат Великого княжества Литовского чтобы при своей прерогативе оставался, а именно должность Его мости пана гетмана, чтобы он никакого ущемления не терпел»⁷²¹. О должности гетмана говорилось также в инструкции витебского сеймика⁷²². Остальные сеймики: ковенский⁷²³, минский⁷²⁴ и жечицкий⁷²⁵ ограничились общим выступлением против ограничения прав литовских чиновников. Столь лаконичные заявления не позволяют определить, какого именно вопроса касались данные требования: компетенций гетманов, спора между литовским великим маршалом Кшиштофом Дорогостайским и коронным надворным маршалком Михалом Вольским (о чем ниже) или еще какой-то другой проблемы.

В 1632 г. вилкомирский сеймик перед конвокационным сеймом повелел своим послам требовать, «чтобы народ наш в прерогативах должностей и в свободах не был ни в чем ущемлен панами коронными», иронично добавляя: «прошлые безкоролевия научили нас, как Их мости привыкли уважать союз унии с нами»⁷²⁶. Пять лет спустя требование сохранить компетенции литовских чиновников в своей инструкции поместил новогрудский сеймик⁷²⁷, а в 1641 г. и минский сеймик, добавляя постулат, чтобы литовские сенаторы пребывали на королевском дворе⁷²⁸.

В 1640-46 гг. вилкомирский сеймик трижды требовал не нарушать компетенции военных должностей Великого княжества. В 1640 г. данный

⁷²¹ AGAD. AR II. Supl. 270. K. 3.

⁷²² AGAD. AR II 637. K. 1.

⁷²³ AGAD. AR II 621. K. 4.

⁷²⁴ AGAD. AR II 619. K. 6.

⁷²⁵ AGAD. AR II. Supl. 273. K. 3.

⁷²⁶ AGAD. AR II 1050. K. 1.

⁷²⁷ BCzart. 375. K. 637.

⁷²⁸ AGAD. AR II. Supl. 511. K. 6.

постулат был им высказан в связи с возможными налогами на оборону от Турции и татар. Данный постулат вилкомирский сеймик повторил в 1643 г.⁷²⁹. Также три года спустя сеймик потребовал, чтобы «военные должности Великого княжества Литовского ни от кого не терпели какой бы то не было обиды». В то же время вилкомирская шляхта просила Корону оказать помощь «не деньгами, но людьми» для обороны от Швеции и Москвы. Посланные Великому княжеству подкрепления должны были перейти под командование литовского гетмана. Сеймик выступил также против назначения стации коронным отрядам на территории Литвы⁷³⁰.

В парламентской практике Великого княжества встречаются, однако, и обращения, посвященные более частным проблемам. Особенно насущным вопросом стало определение иерархии и раздел компетенции коронных и литовских маршалков. Детальное его рассмотрение позволит нам увидеть ситуацию во всей своей сложности. Именно компетенционные споры между литовскими и коронными маршалками указывают нам на существование различных, иногда несовпадающих или даже прямо противоположных интересов политических деятелей. Их изучение позволяет утверждать, что данные споры не всегда являлись простым противостоянием Литвы Короне, но зависели от сложившейся в реальности обстановки, в которой внутри литовская солидарность иногда вынуждена была уступить место другого рода интересам.

Практически сразу после заключения Люблинской унии Сигизмунд Август вынужден был заняться данной проблемой. 11 августа 1569 г. на основе выданного им «Порядка Рады Коронной Польской и Литовской» была определена иерархия сенаторов в Речи Посполитой. Первое место среди т.н. «министров» (после архиепископов, епископов, воевод и каштелянов) занял коронный великий маршалок, а непосредственно после него – литовский великий маршалок. Последующие места в соответствующем порядке (с начала коронный сенатор, потом его литовский коллега) заняли коронные и литовские канцлер, подканцлер

⁷²⁹ AGAD. AR II 1207. K. 2.

⁷³⁰ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 162-163.

и подскарбий. Предпоследнее место в сенате занял коронный надворный маршалок, а последнее – литовский надворный маршалок⁷³¹. Тем способом иерархия «министров» была определена в духе равноправия, но все же первенство перед литовскими коллегами принадлежало коронным сенаторам⁷³².

Несмотря на это, попытки коронных сенаторов, в первую очередь коронного великого маршалка Яна Фирлея, ограничить сферу полномочий литовских коллег не прекратились. Однако король не только не поддержал эти стремления, но, наоборот, по просьбе литовских маршалков двумя декретами, от 19 июля 1569⁷³³ и от 15 апреля 1572 гг.⁷³⁴ определил раздел компетенций этих институтов, укрепляя их позицию в рамках государственной структуры страны⁷³⁵. Несмотря на выраженное в «Порядке Рады Коронной Польской и Литовской» первенство коронных сенаторов, Сигизмунд Август подчеркнул полное равенство великих маршалков, указывая на ряд совместных компетенции. В их перечень входило: поднимание тростей во время всех публичных выступлений короля, прием иностранных посольств, рассмотрение уголовных дел между поляками и литвинами или дел лиц, имеющих имущества в обеих частях Речи Посполитой.

Среди отдельных компетенций маршалков перечислялись следующие: давать право голоса в сенате («вота») коронным – сенаторам из Короны, литовским – сенаторам из Великого княжества; судить дела «людей своего народа»; назначать сенаторов, присутствующих при короле во время публичных выступлений, а также назначать жилые дворы во время сейма соответственно коронным и литовским послам. Все действия маршалков должны были быть предметом всесторонних консультаций и сотрудничества. При этом уточнялось, что в случае отсутствия коронного великого маршалка его заместителем должен быть литовский коллега, а только в следующую очередь – коронный надворный маршалок.

⁷³¹ Volumina legum... Т. II. S. 93.

⁷³² Шире см.: Lulewicz H. Gniewów o unię... S. 47-51.

⁷³³ Akta unji Polski z Litwą... S. 376-378.

⁷³⁴ Ibid. S. 390-392.

⁷³⁵ Подробнее: Sereďyka J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi... S. 211-215.

Принятие положений этих правовых актов не привели, однако, к прекращению споров. Коронные великие маршалки время от времени стремились расширить собственные компетенции за счет литовских коллег. Ситуацию обостряли также усилия, предпринимаемые коронными надворными маршалками, направленные на продвижение вверх в иерархии чиновников. Особое напряжение вызывали их попытки замещать отсутствующих на сейме коронных великих маршалков, несмотря на присутствие литовских коллег. Этим усилиям способствовали формальные недочеты обоих декретов, поскольку первый являлся лишь временным, а второй, несмотря на контрассигнату коронного подканцлера Францишка Красиньского и приложение им к документу малой коронной печати, так и не был утвержден сеймовой конституцией, вероятно из-за сопротивления части коронных сенаторов и послов. В своих действиях коронные маршалки игнорировали при этом факт подтверждения («трансумпта») декрета от 1572 г. Генрихом Валуа⁷³⁶ и Сигизмундом III⁷³⁷.

Спор между коронной и литовской стороной вспыхнул в 1609 г., когда коронный надворный маршалок Михал Вольски предпринял попытку заместить отсутствующего на сейме коронного великого маршалка Сигизмунда Мышковского, несмотря на присутствие литовского великого маршалка Кшиштофа Дорогостайского. Намерение Вольского поддержало большинство коронных сенаторов⁷³⁸, что вызвало резкое сопротивление со стороны литовских сенаторов, которые не нашли, однако, поддержку у короля Сигизмунда III. В итоге, пытаясь защитить собственную позицию, Дорогостайски 2 марта 1609 г. внес официальный протест против сокращения его компетенций⁷³⁹.

Вопрос нашел свое отражение также в деятельности литовских сеймиков. Перед следующим сеймом, в 1611 г., Дорогостайскому удалось заручиться поддержкой виленского сеймика. Ссылаясь на указанные декреты Сигизмунда Августа, сеймик заявил, что усилиями Вольского «должности маршалка нанесена

⁷³⁶ Akta unji Polski z Litwą... S. 393.

⁷³⁷ Ibid. S. 395. Шире: Sereyka J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi... S. 211-215.

⁷³⁸ Выступили против этого лишь гнезненский архиепископ Войцех Варановски, познанский епископ Анджей Опалински и познанский воевода Иероним Гостомски.

⁷³⁹ BCzart. TN. 104. S. 636-638.

была на прошлом сейме великая обида, против прав и старых обычаев». Сеймик потребовал при этом от своих послов «возражать и укрепить конституцией, чтобы это в будущем не случилось и чтобы решение короля Сигизмунда Августа в этом деле в своей силе оставалось»⁷⁴⁰.

Однако, как следует из письма Дорогостайского к генеральному сеймику в Слониме от 27 января 1615 г., посягательства Вольского так и не прекратились. Литовский великий маршалок сообщал в нем шляхте о новых посягательствах на свои компетенции со стороны коронного надворного маршалка, на этот раз не только во время сейма. Просил также поддержку со стороны генерального сеймика, апеллируя при этом к защите и других литовских государственных должностей (канцлера, гетмана и подскарбия) перед «панами коронными», которые якобы «издавна желают» их упразднить⁷⁴¹. Сеймик действительно высказал Дорогостайскому свою поддержку, требуя не только «чтобы в будущем никакой обиды в должности Его милости и других Их мостей панов чиновников не случалось», но также чтобы «прерогативы должностей Великого княжества Литовского, от которых управление Речью Посполитой отчизной нашей зависит, оставались целыми»⁷⁴².

Конфликт между Дорогостайским и Вольским скоро закончился по причине смерти обоих великих маршалков, Мышковского и Дорогостайского. Несмотря на это, по мнению Я. Середыки, компетенционные конфликты повторялись и в последующие годы. Автор для подтверждения своего мнения привел, однако, лишь один пример, предпринятые во время сейма в 1625 г. усилия коронного надворного маршалка Лукаша Опалиньского заменить Миколая Вольского, который стал уже коронным великим маршалком, несмотря на присутствие литовского великого маршалка Яна Станислава Сапеги⁷⁴³. Из памятника

⁷⁴⁰ AGAD. AR II 561. K. 3.

⁷⁴¹ K. Dorohostajski do sejmiku generalnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w Słonimiu. 27 I 1615, z Błotkowa. AGAD. AR V 3213; по мнению Я. Середыки, Дорогостайски апеллировал в письме к давним стремлениям коронной шляхты со времени сейма в Люблине; Seredyka J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi... S. 216.

⁷⁴² BCzart. 2245. Nr 11. S. 86-87.

⁷⁴³ Seredyka J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi... S. 216-217.

Альбрехта Станислава Радзивилла известно, что для решения данного вопроса Сигизмундом III были назначены специальные арбитры⁷⁴⁴.

Опалиньски не ограничился, однако, попыткой получить право замещать коронного великого маршалка во время сейма, но приложил усилия к тому, чтобы передвинуть свою должность вверх всей иерархии чиновников, получая место сразу после великого маршалка и перед канцлерами. Эти стремления задевали, однако интерес и позицию не только литовских, но и коронных сенаторов: канцлеров, подканцлеров и подскарбих, которые вряд ли желали уступать Опалиньскому. В частности, за литовского великого канцлера заступились в 1630 г. лидский и жмудский сеймики. Первый из них в своей инструкции потребовал также вообще не нарушать компетенции литовских чиновников, которые должны «согласно праву посполитому и старожитным обычаям в своей силе оставаться»⁷⁴⁵. Второй выразил свою поддержку для литовского великого маршалка в не указанном точно споре со своим коронным коллегой⁷⁴⁶. Также слонимский сеймик в инструкции на элекционный сейм в 1632 г. поместил призыв защитить позицию великого литовского маршалка, ссылаясь на положения декретов Сигизмунда Августа⁷⁴⁷. В таких условиях действия Опалиньского оказались безуспешными. Их провал в 1635 г. подтвердила сеймовая конституция, которая закрепляла место обоих надворных маршалов как последних чиновников в составе сената⁷⁴⁸.

Однако вскоре, в 1636 г., во время пребывания Владислава IV в Великом княжестве, начался следующий спор, на этот раз разгоревшийся вокруг вопроса о том, кто должен являться заместителем литовского великого маршалка Кшиштофа Веселовского во время нахождения короля в Литве – литовский надворный маршалок Александэр Людвик Радзивилл или коронный великий маршалок Лукаш Опалиньски. Как сообщает А. С. Радзивилл, на основе достигнутого им соглашения вопрос был решен в пользу Опалиньского, который

⁷⁴⁴ Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach... T. 1. S. 520.

⁷⁴⁵ AGAD. AR II 1030. K. 3.

⁷⁴⁶ AGAD. AR II 1033. K. 4.

⁷⁴⁷ AGAD. AR II 1026. K. 4.

⁷⁴⁸ Volumina legum... T. III. S. 411.

в свою очередь обещал предпринять усилия для прекращения попыток со стороны коронных надворных маршалков замещать его во время сейма. Данное решение в замысле являлось лишь временным и должно было оставаться в силе до следующего сейма, во время которого Владислав IV должен был окончательно решить данный спор⁷⁴⁹.

Литовская сторона все же не дождалась ни быстрого решения со стороны короля, ни соблюдения положений соглашения со стороны коронных надворных маршалков, как Станислава Пшиемского, так и его преемника, Адама Казановского. Стоит при этом отметить, что достигнутый в 1636 г. консенсус несомненно укреплял позицию обоих великих маршалков за счет интересов маршалков надворных. Поэтому не удивительно, что его противником, хотя по совершенно другим причинам, нежели Пшиемский и Казановский, оказался также следующий литовский надворный маршалок, Казимеж Леон Сапега. Судя по инструкциям браславского⁷⁵⁰ и слонимского⁷⁵¹ сеймиков от 1645 г. он внес перед Литовским трибуналом публичную манифестацию против заключенного соглашения. Таким образом, в условиях противоречащих интересов оно вряд ли могло продлиться.

Во время сейма в 1643 г. Казановский все же попытался занять место отсутствующего Опалиньского, не учитывая первенства великого литовского маршалка, должность которого после смерти Веселовского занял Александэр Людвик Радзивилл. Это вызвало протест со стороны всех представителей Литвы, что вынудило Казановского отказаться от своих планов. По мнению Я. Середыки, дополнительным поводом отказа Казановского от своих устремлений являлось отсутствие поддержки со стороны представителей Короны⁷⁵².

Как усилия Казановского, так и ущемление интересов литовского надворного маршалка вызвали единодушный протест литовских сеймиков перед следующим сеймом, в 1645 г. Против сужения компетенций литовских

⁷⁴⁹ Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach... T. 1. S. 520-521.

⁷⁵⁰ ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 117.

⁷⁵¹ ВРАН Kraków. Rkps 365. K. 120.

⁷⁵² Seredyka J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi... S. 218.

чиновников высказались все сеймики, инструкции которых нам известны: браславский⁷⁵³, гродненский⁷⁵⁴, минский⁷⁵⁵, новогрудский⁷⁵⁶ и слонимский⁷⁵⁷. Однако сеймики в большей степени волновало не посягательство Казановского на компетенции литовского великого маршалка, но ослабление позиции литовского надворного маршалка. Интересно также, что использованные сеймиками аргументы, а в некоторых случаях даже целые фразы, являются весьма похожими. Это позволяет полагать, что данные требования сеймиков являются итогом проведенной Сапегой целенаправленной акции. Так, все сеймики, кроме слонимского, выступили против принятия каких-либо частных договоренностей, которые уменьшали бы компетенции литовских маршалков. Все, кроме слонимского и гродненского, потребовали отмены этих решений. Наконец, все сеймики высказались за сохранение компетенций литовских маршалков, прежде всего надворного.

Предположение об активном участии Сапегы в формировании выгодной для себя позиций сеймиков подтверждает содержание инструкций в следующем, 1646 г. Несмотря на то, что сейм 1645 г. завершился без принятия каких-либо решений, лишь в двух инструкциях из десяти от 1646 г. мы находим постулаты касательно компетенций литовских маршалков: гродненского и виленского сеймиков. При этом в инструкции виленского сеймика содержится лишь общее требование «оставить в силе власть обоих маршалков Великого княжества Литовского»⁷⁵⁸. Гродненская инструкция вообще в большей части, как и во многих других местах, повторяет содержание документа с предыдущего года⁷⁵⁹. Как кажется ключевым для правильного понимания причин такой разницы в позиции сеймиков является факт, что уже во время предыдущего сейма, 6 марта

⁷⁵³ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 117.

⁷⁵⁴ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 123.

⁷⁵⁵ ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 481.

⁷⁵⁶ ВСзарт. 375. К. 851.

⁷⁵⁷ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 120.

⁷⁵⁸ ВСзарт. TN 140. Nr. 61. К. 242-243.

⁷⁵⁹ ВСзарт. TN 140. Nr 60. К. 216; возможно, на вопрос компетенций литовских маршалков указывает также инструкция лидского сеймика; содержится в ней требование отменить «ординацию (...) пана Веселовского, маршалка Великого княжества Литовского», но содержание соответствующего пункта инструкции не позволяет разрешить интерпретационные сложности, прежде всего – имеется ли в виду соглашение от 1636 г.; ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 157v.

1645 г. Сапега получил должность литовского подканцлера, а новым литовским надворным маршалком стал Антоний Ян Тышкевич. Таким образом, Сапега потерял интерес к этому делу и, не нуждаясь в дальнейшей поддержке со стороны сеймиков, не проводил уже в 1646 г. активной сеймиковой кампании.

Споры между коронными и литовскими маршалками завершились выдачей Владиславом IV 21 мая 1647 г. «Порядка между великими и надворными маршалами, как коронными, так и Великого княжества Литовского». Декрет короля во многом соответствовал декретам Сигизмунда Августа и лишь в некоторых случаях вносил важные уточнения. Среди наиболее существенных его положений стоит назвать определение иерархии маршалков на сейме. Руководство заседаниями сената, а также совместными заседаниями сената и посольской избы принадлежало коронному великому маршалку, вне зависимости от места проведения сейма (в Короне или в Литве)⁷⁶⁰. В случае отсутствия коронного великого маршалка его заместителем, также вне зависимости от места проведения сейма, должен был стать литовский великий маршалок. Только в случае отсутствия последнего руководство заседаниями должно было быть передано коронному надворному маршалку, а если и его не было бы во время сейма – литовскому надворному маршалку.

Другой принцип применялся для иерархии и раздела компетенция маршалков вне сеймов. Свои обязанности должен был выполнять великий маршалок из той части Речи Посполитой, в которой на данный момент присутствовал король. Его заместителем должен был стать второй великий маршалок. Только в случае отсутствия обоих великих маршалков, обязанности должен был исполнять надворный маршалок соответствующей части Речи Посполитой (коронный во время пребывания короля в Короне, литовский – в

⁷⁶⁰ Стоит при этом учесть, что вопрос проведения сейма в Великом княжестве имел на данный момент скорее теоретический характер, чем являлся реальной возможностью, поскольку все сеймы Речи Посполитой проводились до того в Короне и изменение этой практики не предусматривалось; правда уже скоро, в 1653 г., был проведен первый сейм в Литве (в Бресте), но это случилось из-за весьма специфических обстоятельств; только в 1673 г. в сеймовая конституция было предусмотрено проведение каждого третьего сейма в Гродне, первый из которых имел место в 1678 г.

Литве). Кроме этого, декрет короля определял еще ряд других более частных проблем⁷⁶¹.

Таким образом, были урегулированы оба вопроса, которые вызывали напряжение в отношениях между маршалками. Стоит отметить, что такое решение было на пользу прежде всего коронному великому маршалку, который не только получал возможность руководства заседаниями сената вне зависимости от места проведения сейма, но и являлся заместителем литовского коллеги во время пребывания короля в Великом княжестве. Однако декрет укреплял также позицию литовского великого маршалка, который во время пребывания короля в Короне получал право исполнять обязанности отсутствующего коронного коллеги. Данное решение не противоречило при этом правилам, определенным в принятом в 1636 г. соглашении.

Несомненно, укрепление позиции обоих великих маршалков произошло за счет надворных маршалков, которые во всех случаях должны были уступать им первенство. Литовскому надворному маршалку не удалось вернуть утраченные после 1636 г. позиции. Но, как отмечает Я. Середыка, неудачу потерпели также и усилия коронных надворных маршалков передвинуться вверх чиновнической иерархии. По его словам, «литовские маршалки – хотя и после особенно долгой борьбы – смогли в конце правления второго Вазы отразить предпринятые в 1569 г. покушения коронных на свои привилегии»⁷⁶². Однако стоит отметить, что вопреки оценке А. Закжевского, по мнению которого «почти пол века длились попытки гарантировать литовскому великому маршалку компетенции аналогичные его коронному коллеге», усилия литовских маршалков были скорее направленные не на получение дополнительных полномочий или возмещение изначально неравных компетенций, но на отстаивание уже имеющейся позиции в системе органов государственной власти.

Таким образом, стоит говорить скорее не о какой-либо долгосрочной и целенаправленной инициативе литовских маршалков, а о защитных действиях с

⁷⁶¹ Akta unji Polski z Litwą... S. 395-397.

⁷⁶² Seredyka J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi... S. 220.

их стороны, вызванных периодическими коронными посягательствами. Также в сеймиковой деятельности Великого княжества Литовского кроме вероятной кампании Казимежа Леона Сапеги сложно отследить проявления каких-либо спланированных действий. Сеймики лишь изредка обращались к данному вопросу, да и то скорее всего в связи с жалобой заинтересованного лица, как в случае письма Кшиштофа Дорогостайского к генеральному сеймику в Слониме в 1615 г. При этом, в 30-ые и 40-ые гг. XVII в. интересы литовских великих и надворных маршалков оказались не только несовместимыми, но даже совершенно противоположными. Возможно, что номинация Казимежа Леона Сапеги на должность подканцлера предотвратила проявление данных противоречий в еще более острой форме. Следует также подчеркнуть, что и со стороны Короны сложно говорить о единстве позиций в данном вопросе, хорошим примером чего является тот факт, что не нашли поддержки действия Адама Казановского.

Указанное нами отсутствие целенаправленной программы у литовской шляхты позволяет, как и в случае конфликта вокруг передачи Трубчевска, говорить о скорее отрицательном характере литовского партикуляризма. Мы имеем в виду, что литовские действия, в том числе предпринимаемые в рамках и формах, предусмотренных парламентской системой, являлись скорее ответом на те внешние шаги (со стороны, прежде всего, короля или коронной шляхты), которые воспринимались как угроза для прав или интересов Великого княжества. Подобное наблюдение мы можем сделать также, проанализировав проблему компетенционных споров между Литовским трибуналом и другими литовскими судами с одной стороны, и их коронными аналогами с другой.

Институт Литовского трибунала в глазах самой литовской шляхты, несомненно, играл важную роль. Его существование подчеркивало позицию Великого княжества как отдельного от Короны субъекта, имеющего не только собственную систему материального права (в лице III Литовского Статута), но также собственную судебную систему. Однако значение данного института выходит далеко за рамки простого противопоставления Литвы Короне. Следует обратить внимание на то, что в феодальной системе именно право являлось

главным фактором определения позиции, как личности, так и целых социальных групп в обществе. Разница материального права и разница юрисдикции (т.е. подсудности тем или иным органам судебной власти) по отношению к разным социальным группам являлась основой сословной системы. Из-за этого, компетенционные споры между литовскими и коронными судами нельзя рассматривать лишь как споры о престиже, поскольку именно правовое положение (в том числе и судебная юрисдикция) являлась одним из главных факторов идентичности, как на личном, так и на групповом уровне.

Несомненно, кроме подчеркивания самостоятельной позиции Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой, вопрос существования отдельной литовской судебной системы имел и весьма серьезное практическое значение. Ограниченные транспортные возможности, проблемы в передвижении, плохое качество дорог, а иногда дальние расстояния приводили к тому, что необходимость отправиться для рассмотрения дела в коронный суд была связана с существенными затратами, как материального, так и логистического характера.

Вопрос организации и функционирования шляхетского судопроизводства является одной из ключевых и наиболее часто затрагиваемых проблем в деятельности литовской парламентской системы. При этом вопрос сохранения собственной, литовской судебной системы отнюдь не имеет приоритетного характера. Предпринимаемые со стороны шляхты действия связаны с широким кругом вопросов, касающихся организации и функционирования судов и Литовского трибунала. Среди них внимание уделялось в том числе проблемам порядка процессуальных действий, назначения депутатов, исполнения судебных решений и, особенно, разграничения компетенций между шляхетскими и королевскими судами.

Последний вопрос касался, по преимуществу, королевских задворных судов: ассессорского и, чаще, реляционного. Первый из них, возникший в течение XVI в., возглавлялся канцлером или подканцлером. Его рассмотрению принадлежали, прежде всего, дела королевских городов и имений, но иногда также дела частных лиц. Заседания реляционного суда возглавлял сам король в

присутствии сенаторов. Был он, в первую очередь, судом высшей инстанции, лишь в некоторых случаях он мог выступать в качестве первой судебной инстанции⁷⁶³. Именно оспаривание этими судами компетенций Литовского трибунала вызывало сопротивление сеймиков. В исследуемых нами сеймиковых инструкциях данный вопрос поднимался более сорока раз. Возмущение шляхты вызывало при этом как возбуждение этими судами судопроизводства в делах, принадлежащих юрисдикции Литовского трибунала, так и повторное рассмотрение ими дел, в которых Трибунал вынес уже решения. Особенное недовольство вызывала отмена королевскими судами решений Трибунала⁷⁶⁴. Иногда лицам, которые вносили дела в королевские суды, ущемляя тем самым юрисдикцию Литовского трибунала, сеймики угрожали серьезными наказаниями.

На этом фоне вопрос компетенционных споров между Литовским трибуналом и другими литовскими судами и их коронными аналогами, как кажется, играет второстепенную роль. Интересно, что в отличие от постулатов касающихся споров между Трибуналом и королевскими судами, которые прослеживаются в течение всего исследуемого периода, данный вопрос характеризуется специфической динамикой. Наиболее ранний выявленный нами случай обращения к данной проблеме представляет собой постулат инструкции ошмянского сеймика от 1596 г., в которой требовалось, «чтобы декрета, процессы и баниции, которые имели место в Польше против тех, кого в Корону вызывали, были отменены»⁷⁶⁵. Однако особенными, выделяющимися периодами являются здесь второе и пятое десятилетие XVII в. В оставшееся время подобного рода постулаты почти не встречаются.

Так, первый всплеск произошел в 1613-18 гг., прежде всего в связи с делом Анджея Монтовта, литовского шляхтича, приговоренного к баниции коронным судом. На основе этого постулата, имеющего характер частного «петитум» (как и являлся, кстати, в большинстве источников), сеймиками выводился более общий

⁷⁶³ Rymaszewski Z. Sprawy gdańskie przed sądami zadwornymi oraz ingerencja królów w gdański wymiar sprawiedliwości: XVI – XVII w. Wrocław-Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1985. S. 13-43; Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Op. cit. S. 245-246.

⁷⁶⁴ См. также: Kempa T. Trybunał litewski w obronie wolności wyznaniowej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku // Zapiski Historyczne. 2011. T. LXXVI. Z. 2. S. 29-50.

⁷⁶⁵ AGAD. AR II 352. K. 3.

принцип, в соответствии с которым дела литовской шляхты должны рассматриваться литовскими, а не коронными судами, при этом принятые уже коронными судами решения должны быть отменены. Подобный механизм хорошо прослеживается в инструкции ошмянского сеймика от 1613 г., который указывал своим послам «за паном Анджеем Монтовтом просить, чтобы должное разбирательство имел в своем деле», выводя из этого общий постулат, чтобы «если его имущество расположено в Княжестве Литовском, литовский шляхтич в Короне за коронным иском не был сужден»⁷⁶⁶. В том же 1613 г. свою поддержку для Монтовта выразил также вилкомирский сеймик⁷⁶⁷.

В 1615 г. в подобном духе выступил также ковенский сеймик. Он поддержал просьбу Монтовта, одновременно указывая послам, «чтобы этому препятствовать, чтобы наш литовский народ за границами привлекали»⁷⁶⁸. В том же 1615 г. Монтовта поддержали еще брестский, минский и, опять же, ошмянский сеймики⁷⁶⁹.

В своих инструкциях брестский, ковенский, минский и ошмянский сеймики выразили также поддержку для троцкого каштеляна Ежого Радзивилла, также осужденного коронным судом, но данному вопросу они уделили меньше внимания, чем делу Монтовта. Минский сеймик, указывая, что данный вопрос «всей речи посполитой нашей в Великом княжестве Литовском касается», требовал от литовских послов и сенаторов предпринять совместные действия, «чтобы такие декреты, которые касаются союза унии, будучи против права, были отменены сеймом, и чтобы конституцией обеспечивалось, что как Коронный трибунал жителя Великого княжества Литовского, так и Литовский трибунал жителя Польской Короны, которые в этих государствах оседлости не имеют, судить в дальнейшем не осмеливался». Кроме того, минский сеймик выступил также против отмены декретов в деле некоего немца, который после неблагоприятного для себя решения Литовского трибунала, внес дело в Коронный

⁷⁶⁶ AGAD. AR II 585. K. 3.

⁷⁶⁷ AGAD. AR II 588. K. 3.

⁷⁶⁸ AGAD. AR II 621. K. 8-9.

⁷⁶⁹ Брестская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 360. K. 278; минская инструкция: AGAD. AR II 619. K. 12; ошмянская инструкция: AGAD. AR II 620. K. 5.

трибунал. Также в данном случае сеймиком выводился общий принцип: в инструкции высказывалось требование сохранения юридической силы приговоров и наказаний в отношении тех, кто впоследствии пытался поставить их под сомнение⁷⁷⁰. Из известных нам инструкций от 1615 г. за Монтовта и Радзивилла не заступились мстиславский⁷⁷¹ и жечицкий сеймики⁷⁷².

Повторно поддержку Монтовту высказал в 1616 г. лидский сеймик, который заявил, что из-за данного дела, «которое всей нашей речи посполитой касается, немало огорчена вся наша отчизна»⁷⁷³. В 1618 г. к вопросу вернулись слонимский, упитский и вилкомирский сеймики⁷⁷⁴. Лидский сеймик в том же 1618 г. сформулировал лишь общее требование, «чтобы жителей Великого княжества Литовского в Короне не привлекали и чтобы на них баниций не выдавали, а выданные на жителей Великого княжества Литовского чтобы были отменены»⁷⁷⁵. Стоит отметить, что также и в этот раз не все сеймики высказались по данному поводу. Вопрос не был затронут в новогрудской, виленской и волковысской инструкциях⁷⁷⁶.

В последующие годы интерес к вопросу компетенционных споров между литовскими и коронными судами почти не прослеживается. Лишь изредка внимание ему уделялось новогрудским сеймиком. В 1624 г., поддерживая литовского конюшего Кшиштофа Ходкевича, который был вызван в коронный суд, сеймик повелел своим послам «серьезно требовать и обеспечить, чтобы в дальнейшем [шляхтич из] Великого княжества Литовского из литовских имуществ под каким бы то ни было предлогом не был вызван и сужден коронным правом»⁷⁷⁷. В 1641 г. сеймик аж дважды высказывался против вызова в коронные

⁷⁷⁰ AGAD. AR II 619. К. 7-9.

⁷⁷¹ AGAD. AR II. Supl. 270.

⁷⁷² AGAD. AR II. Supl. 273.

⁷⁷³ AGAD. AR II 646a. К. 5.

⁷⁷⁴ Слонимская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 87; упитская инструкция: AGAD. AR II 699; вилкомирская инструкция: AGAD. AR II 700. К. 8.

⁷⁷⁵ AGAD. AR II 670a. К. 2.

⁷⁷⁶ Новогрудская инструкция: AGAD. AR II 701; виленская инструкция: AGAD. AR II 693; волковысская инструкция: AGAD. AR II 691.

⁷⁷⁷ AGAD. AR II 883. К. 5.

суды представителей литовской шляхты, «что не только является великой тяжестью, но и выступает против союза унии»⁷⁷⁸.

Новая волна подобных постулатов пришлась на 1645-46 гг. В 1645 г. требование отмены выданных Коронным трибуналом решений появляется во всех инструкциях, которые нам известны: brasлавского, гродненского, минского, новогрудского и слонимского сеймиков. Поводы для этих заявлений со стороны сеймиков были различными. Браславский сеймик указал на дело между литовским надворным маршалком Казимежом Леоном Сапегой и коронным подчашием Миколаем Остророгом⁷⁷⁹. Минский сеймик обращался к судебному разбирательству против неких панов Фэлишевских⁷⁸⁰. Гродненский⁷⁸¹ и новогрудский⁷⁸² сеймики сообщали о том, что «часто слышны жалобы наших братьев». Подобные нарушения назывались ими «обидой литовского права». Самой острой по своему тону оказалась инструкция brasлавского сеймика, автор которой возмущался: «великим беззаконием для Великого княжества Литовского является то, что жителей Литвы вызывают в Коронный трибунал», требуя, «чтобы такого беззакония больше не было»⁷⁸³.

В следующем 1646 г. против нарушения компетенций Литовского трибунала опять же высказался гродненский сеймик, повторяя, что это является «обидой прав Великого княжества Литовского»⁷⁸⁴. Подобного рода постулат, но в довольно мягкой форме, выразил троцкий сеймик. Поводом для этого заявления оказалось на этот раз дело некоего Сенявского, в котором противоположные решения выдали с начала Литовский, а потом Коронный трибунал⁷⁸⁵.

Стоит отметить существенную разницу между постулатами во втором и в пятом десятилетии XVII в. В 1613-18 гг. решения сеймиков были вызваны лишь двумя делами, в которых представители литовской шляхты отвечали перед коронными судами. При этом в большинстве случаев речь идет о деле Анджея

⁷⁷⁸ BCzart. Rkps 375. K. 604-605.

⁷⁷⁹ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 117.

⁷⁸⁰ ВРAN Kraków. Rkps 360. K. 482.

⁷⁸¹ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 124.

⁷⁸² BCzart. Rkps 375. K. 852.

⁷⁸³ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 117.

⁷⁸⁴ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 152.

⁷⁸⁵ ВРAN Kraków. Rkps 365. K. 158.

Монтовта. Однако в 40-ые гг. XVII в. мы видим намного более разнообразную картину. Сеймики высказываются по целому ряду дел, при этом ни одно из них не занимает доминирующую позицию, аналогичную делу Монтовта. Интересным вопросом для дальнейшего обсуждения кажутся причины столь заметной разницы. Однако ответ на вопрос, имел ли в 40-ые гг. XVII в. место значительный рост числа процессов, в которых литовская шляхта вызывалась в коронные суды, требует дальнейшего исследования. Возможно, отчасти данное явление связано с указанным в второй главе ростом объема инструкций и числа обсуждаемых в них вопросов, что во многом вытекало из увеличения числа «петитов».

3. Сохранение исключительного права на занятие постов в Великом княжестве Литовском

Выше нами были проанализированы те встречающиеся в рамках парламентской жизни Великого княжества Литовского моменты, в которых проявлялась защита отдельных литовских институтов власти. Однако рассмотрение постулатов, касающихся лишь самого формального их существования кажется нам недостаточным. Самостоятельность Литвы зависела также от практической стороны вопроса – того, в чьих руках остаются эти отдельные институты власти. Именно так понимала данную проблему и сама литовская шляхта. Поэтому нам необходимо обратить наше внимание на те постулаты, которые касались сохранения за представителями Великого княжества исключительного права на занятие литовских постов.

Следует учесть, что подобные ограничения не являлись в Речи Посполитой уникальным явлением и существовали не только в Литве. Ярким примером этому было право индигенату («*ius indigenatus*») в Королевской Пруссии. На его основе

возможность занимать должности в Пруссии имела только местная шляхта⁷⁸⁶. Такого рода ограничения были связаны в первую очередь с угрозой доминирования со стороны более сильной группы, в данном случае – коронной шляхты.

В Великом княжестве Литовском ограничения на занятие должностей были введены еще в 1529 г. I Литовским Статутом. В его 3 статье III раздела был сформулирован запрет на передачу в собственность земель, замков и городов «и тех которыхкольковек врядов або честей и достоинства жодному общому». Право на их получение принадлежало только «прироженным а тубыльцом тех земель наших Великого князства»⁷⁸⁷.

Положения II Литовского Статута (1566 г.) уточняли данный запрет. В 9 статье III раздела предусматривалось: «в том панстве Великом Князстве Литовском и во всех землях ему прислухающих достоинств духовных и свецких, городов, дворов и кгрунтов, староств в держаньи и поживаньи и вечностей жадных чужоземцом и заграничником ани суседомъ таго панства давати не маем». Все указанные категории благ должны были передаваться «только Литве а Руси, родичом старожитным и врожонцам Великаго Князства Литовского и иных земель тому Великому Князству належачых». Получение их «чужоземцем» вопреки установленной Статутом норме наказывалось конфискацией всего имущества. Права получения должностей в Великом княжестве не имели даже те лица, которые получили в нем оседлость, но не являлись его «уроженцами». В случае нарушения ими данной нормы их имущество также подлежало конфискации⁷⁸⁸.

Следующее уточнение запрета было сформулировано в III Литовском Статуте (1588 г.). В 12 статье III раздела предусматривалось увеличение числа должностей и имуществ, обладание которыми для лиц неоседлых в Великом княжестве Литовском было запрещено. Кроме перечисленных уже во II Статуте

⁷⁸⁶ См. Naworski Z. Indygenat w Prusach Królewskich (1454-1772) // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1983. Т. XXXV. S. 31-58.

⁷⁸⁷ BN. Rkps 12573 II. K. 83.

⁷⁸⁸ Archiwum Komisji Prawniczej. Т. 7. Statut Litewski Drugiej Redakcyi (1566). Kraków: Akademia Umiejętności, 1900. S. 47-48.

«достоинств духовных и светских, городов, дворов, кгрунтьов, староств», запрет касался также «держав, врьдов земских и дворных, посесый». Круг лиц, которые имели право на получение «имуществ и достоинств» был определен почти так же, как во II Статуте. Интересным новшеством было перечисление наряду с «литвой» и «русью» также «жомойти». Данное отличие не означало, однако, расширения, а только уточнение категории «родичей старожитных» и «уроженцов» Великого княжества Литовского. Статут повторял также санкции в виде конфискации имущества, предусмотренные за получение указанных категорий благ кем-то из «чужоземцовъ, заграничниковъ и суседовъ».

Существенным новшеством III Статута являлось введение дополнительного ограничения на право получения должностей в Великом княжестве. Критерием их получения стала категория оседлости в данном воеводстве или повете. При этом в Статуте уточнялось, что претендующий на них шляхтич должен был быть не только формально, но «правдиве незмышлене в том воеводстве або повете оселым». Конечно же, данное ограничение по сути касалось только местных, а не общелитовских должностей. Статут более детально регулировал также процедуру получения оседлости, сохраняя предусмотренное II Статутом ограничение на получение должностей новыми «обывателями», которые только что получили оседлость в Великом княжестве. Сохранялись также санкции за несоблюдение данной нормы в виде конфискации имущества⁷⁸⁹.

Предусмотренное III Статутом ограничение права на получение имущества напрямую противоречило правилам заключенной в 1569 г. унии. В 14-ой статье акта Люблинской унии отменялись все «статуты и уставы», запрещающие коронной шляхте приобретать имущества в Литве. Предусматривалось в ней также взаимное право, «как поляку в Литве, так литвину в Польше» на получение и владение ими. Однако подобное снятие ограничений не распространялось на получение должностей в Великом княжестве, поскольку данный вопрос в соответствующей статье Люблинского акта не рассматривался вообще⁷⁹⁰.

⁷⁸⁹ Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego, napród za Naiąśnieyszego Hospodara Króla Jego Mości Zygmunta III w Krakowie w roku 1588... Wilno: Drukarnia J. K. M. Akademicka Societatis Jesu, 1744. S. 74-76.

⁷⁹⁰ Akta unji Polski z Litwą... S. 360.

Введение и сохранение ограничения на занятие литовских должностей и, в итоге, недопущение коронной шляхты к литовским должностям являлось одним из самых главных проявлений литовского партикуляризма. Не удивительно поэтому, что данный вопрос нашел свое отражение также в парламентской жизни Великого княжества. Еще в 1587 г., перед утверждением Сигизмундом III Вазой III Статута сохранения исключительного права литвинов на должности требовал жмудский сеймик. В своей инструкции указывал он, чтобы «гетман велики и дворны (...) был з народу литовского водлуг старого звычайу, уряды вси земсике и столовые (...) тубыльцом только были даваны»⁷⁹¹.

В 90-ые гг. XVI в. разгорелся спор, который историография привыкла рассматривать как основное проявление литовского партикуляризма или даже сепаратизма⁷⁹² и который почти десять лет вызывал серьезное напряжение в польско-литовских отношениях. Речь идет о конфликте из-за должности виленского епископа, который начался в 1591 г. После смерти краковского епископа Петра Мышковского местная капитула 28 июня того же года выбрала его преемником виленского епископа Ежего Радзивилла⁷⁹³.

Этот выбор вызвал недовольство со стороны малопольской шляхты, но конфликт вспыхнул с новой силой после номинации преемника Радзивилла. В качестве нового виленского епископа Сигизмунд III назначил луцкого епископа, поляка, Бэрнарда Мацеевского⁷⁹⁴. Эта номинация вызвала резкие протесты литвинов, которые ссылались на упомянутую выше норму III Статута. При этом недовольство вызвал также факт принятия решения без ведома самых литвинов⁷⁹⁵. Подобная позиция литовской шляхты была отчасти также обусловлена опасениями, что будет создан прецедент, который, несмотря на положения Статута, открыл бы коронной шляхте возможность получать должности в

⁷⁹¹ AGAD. AR II 196. K. 4.

⁷⁹² Именно «эхом литовского сепаратизма» назвал его К. Левицки: Lewicki K. Walka o biskupstwo wileńskie z końcem XVI w. Echa separatyzmu litewskiego // Prace historyczne w 30-lecie działalności profesorskiej Stanisława Zakrzewskiego. Lwów: Komitet Byłych Uczni, 1934. S. 295-311.

⁷⁹³ Rzońca J. Spór o biskupstwo wileńskie na sejmach schyłku XVI wieku // Wilno – Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur. Materiały I Międzynarodowej Konferencji Białystok 21-24 IX 1989 w czterech tomach. Red. E. Felisiak. T. II. Białystok: Towarzystwo Literackie im. Adama Mickiewicza. Oddział Białostocki, 1992. S. 24.

⁷⁹⁴ Lewicki K. Op. cit. S. 298.

⁷⁹⁵ Ibid. S. 302.

Великом княжестве. Данная проблема была особенно острой в силу значимости должности виленского епископа, который, согласно «Порядку рады коронной польской и литовской» занимал первое место в иерархии литовских сенаторов и пятое место в общей иерархии сенаторов в Речи Посполитой⁷⁹⁶.

Следует отметить, что сопротивление номинации Мацеевского объединило литовскую элиту, независимо от вероисповедания: недовольствие высказывали как католики (например, литовский великий канцлер Лев Сапега), так и кальвинисты (виленский воевода Кшиштоф «Перун» Радзивилл). Им удалось также получить поддержку со стороны православного киевского воеводы Константина Василя Острожского и даже папского нунция, Германика Маласпины⁷⁹⁷. Среди части литовской элиты появилась даже идея послать письмо с просьбой о поддержке папе римскому, Клименту VIII, но она была довольно быстро отвергнута⁷⁹⁸. Резкое сопротивление представителей Великого княжества с одной стороны и решительная позиция Сигизмунда III, настаивающего на получение должности епископа Мацеевским, завели ситуацию в длившийся почти десятилетие политический тупик.

По мнению Я. Жоньцы, Сигизмунд III при помощи номинации Радзивилла на краковское епископство и отстранения его тем самым от литовских дел хотел ослабить позицию Радзивиллов в Великом княжестве. Номинация Мацеевского, согласно позиции исследователя, должна была не только открыть представителям Короны доступ к литовским должностям, но также и поддержать контрреформацию в Вильно, которое являлось одним из самых сильных центров протестантизма. Именно Мацеевского Сигизмунд III считал способным выполнить данную задачу. Однако в дальнейшем упорство монарха вызвано было во многом желанием сохранить собственный авторитет. Этот фактор кажется тем более значимым, что позиция короля была уже и так сильно ослаблена

⁷⁹⁶ Volumina legum... Т. II. S. 93.

⁷⁹⁷ Л. Сапега к К. Радзивиллу. AGAD. AR V 13855/V. К. 43.

⁷⁹⁸ К. Радзивилл к М. К. Радзивиллу. РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 234. № 149; М. К. Радзивилл к К. Радзивиллу. AGAD. AR IV 508. № 95; К. Радзивилл к М. К. Радзивиллу. AGAD. AR IV 292. № 107.

конфликтами начала правления и событиями инквизиционного сейма 1592 г.⁷⁹⁹. Несомненно, вынужденный отказ от принятого решения означал бы дальнейший ущерб и без того сильно пошатнувшегося авторитета монарха⁸⁰⁰.

Против номинации Мацеевского были использованы как формальные механизмы парламентской системы Великого княжества Литовского, так и неформальные пути влияния. Уже сама номинация Ежего Радзивилла на краковское епископство вызвала опасение литовских сенаторов, что в обмен виленское епископство может занять представитель Короны. Уже 20 мая 1591 г., т.е. еще до номинации Мацеевского, собранные на виленской конвокации сенаторы⁸⁰¹ обратились к Ежему Радзивиллу с просьбой не принимать новую должность, апеллируя к его «благочестию, натуре и любви к отчизне нашей милой»⁸⁰². Брат Ежего Радзивилла, Миколай Кшиштоф Радзивилл «Сиротка» предпринял при этом попытку лично повлиять на изменение его решения. Приложить подобного рода усилия собравшиеся на конвокации сенаторы просили также другого брата Ежего, литовского великого маршалка, Альбрэхта Радзивилла. Все эти попытки оказались, однако, безуспешными⁸⁰³.

К сожалению, нам неизвестны ни документы следующей виленской конвокации, созванной Сигизмундом III к 23 февраля 1592 г., ни собранных перед ней сеймиков. Бесспорно, однако, что номинация Мацеевского и решительная ее поддержка со стороны Сигизмунда III вызвали сопротивление на очередной виленской конвокации, которая началась 30 июня 1593 г. Собравшиеся на ней литовские сенаторы и послы⁸⁰⁴ в резолюции от 7 августа выразили резкое

⁷⁹⁹ Lepszy K. Rzeczpospolita w dobie sejmu inkwizycyjnego (1589-1592). Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1939. S. 413.

⁸⁰⁰ Rzońca J. Spór o biskupstwo wileńskie... S. 26-29.

⁸⁰¹ Известно, что в конвокации участвовал ряд литовских чиновников, в том числе виленский воевода и литовский великий гетман Кшиштоф «Перун» Радзивилл, троцкий воевода Миколай Кшиштоф Радзивилл, новогрудский воевода Теодор Скумин Тышкевич, минский воевода Богдан Сапега, виленский каштелян Ян Кишка, полоцкий воевода Миколай Дорогостайски, брестский воевода Кшиштоф Зенович, смоленский каштелян Вацлав Агрыппа, литовский земский подскарбий Дымитр Халецки, витебский каштелян Мельхиор Завиша, минский каштелян Марцин Стравиньски и литовский великий канцлер Лев Сапега; Czwołek A. Działalność polityczna Lwa Sapiechy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego w latach 1573-1633. Maszynopis rozprawy doktorskiej. Toruń, 2004. S. 52-53.

⁸⁰² List senatorów litewskich do kardynała Jerzego Radziwiłła. 20 V 1591, z Wilna. AGAD. AR II 245. K. 4-6.

⁸⁰³ Czwołek A. Działalność polityczna Lwa Sapiechy... S. 52.

⁸⁰⁴ Из подписей под актами данной конвокации известно, что принимало в ней участие не меньше девяти сенаторов, в том числе жмудский епископ Мельхиор Гедройц, виленский воевода и литовский великий гетман

недовольство известиями о том, что король «против правам и свободам нашим, обычаям давним, несмотря на списы унии» собирается назначить поляка на виленского епископа. Просили также назначить на эту должность «человека народу литовского», угрожая, что в противном случае: «мы такого за епископа виленского иметь, принимать и терпеть не будем, а епископства во владение брать и ним править и владеть не допустим, но наоборот, чтобы это не пришло всеми силами и всяким способом противиться и оппонировать всей мощей своей будем»⁸⁰⁵.

С течением времени к конфликту прибавился еще один фактор – нарастающее противостояние между Сигизмундом III с одной, и виленским воеводой и литовским великим гетманом Кшиштофом «Перуном» Радзивиллом с другой стороны. В этой ситуации именно последний принял роль главного противника номинации Мацеевского, что хорошо прослеживается в деятельности сейма 1595 г. Еще перед ним, 29 декабря 1594 г. против назначения поляка на виленское епископство выступил виленский сеймик. В своей инструкции он в резкой форме потребовал от короля отказа от планов номинации Мацеевского и назначения епископом литвина. Виленские послы должны были также указать всем литовским сенаторам на необходимости учитывать резолюции прошлых конвокаций и сделанные на них декларации. Сеймик требовал, кроме того, напомнить канцлерам, чтобы те «не осмелились печатать привилегию на виленское епископство какой-либо другой нации человеку кроме литвина». Послы должны были также приложить усилия для получения поддержки со стороны представителей Короны. Платой за это должно было стать согласие литвинов на совместное решение проблемы защиты от угрозы со стороны

Кшиштоф «Перун» Радзивилл, брестский воевода Кшиштоф Зенович, новогрудский воевода Теодор Скумин Тышкевич, минский воевода Ян Абрамович, жмудский староста Ежи Ходкевич, жмудский каштелян Миколай Нарушевич, литовский подскарбий Дымитр Халецки и литовский надворный маршалок Миколай Тальвош, а также администратор виленского епископства Циприан Вильски и не менее 22 послов.

⁸⁰⁵ Постановление литовских дворян на вилеском съезде // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. VIII: Акты виленского гродского суда. Вильно: Типография А.К. Киркора, 1875. С. 327-328.

Турции. В противном случае, послы не должны были приступать к работе сейма и вернуться в Литву⁸⁰⁶.

Возможно, что настолько резкая, также по отношению к собственным литовским сенаторам, позиция виленского сеймика вытекала из предчувствия, что единство Великого княжества в данном вопросе может нарушиться. К сожалению, нам неизвестны другие литовские инструкции на тот же сейм. Однако знаем, что Кшиштоф «Перун» Радзивилл предпринял широкие действия на сеймиках, направленные на то, чтобы не допустить приезда литовских послов на сейм и тем способом заблокировать возможный консенсус в вопросе о назначении епископа. По его мнению, даже в случае одностороннего навязывания королем своей воли, отсутствие представителей Литвы давало возможность подвергнуть сомнению любые принятые решения.

Однако «Перуну» не только не удалось осуществить свой план, но даже близкий ему литовский великий канцлер Лев Сапега во время сейма стал допускать возможность согласия с номинацией Мацеевского, если подобная ситуация не повторилась бы в будущем. Стоит отметить, что согласие Сапеги являлось ключевым моментом в данном споре, поскольку именно он, как великий канцлер, должен был подтвердить номинацию на данную должность, приставляя к ней литовскую печать и внося документ в Литовскую метрику. Правда, под влиянием «Перуна» он вновь ужесточил свою позицию, но она так и осталась весьма неопределенной. Еще более склонным к компромиссу оказался Миколай Кшиштоф Радзивилл «Сиротка»⁸⁰⁷.

Вслед за колебаниями в воззрениях магнатов неоднозначной стала и позиция сеймиков. Нам известны две инструкции перед сеймом в 1596 г.: оршанская и минская. В первой вопрос не был затронут вообще⁸⁰⁸. Отношение минского сеймика к данному вопросу оказалось довольно сложным. Тон документа является довольно мягким, однако его содержание соответствует предыдущей

⁸⁰⁶ Инструкция дворян виленского воеводства послам на сейм в Краков // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею... Т. VIII. С. 333-334.

⁸⁰⁷ Czwołek A. Piórem i buławą: działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. S. 104; idem. Działalność polityczna Lwa Sapiehy... S. 62.

⁸⁰⁸ AGAD. AR II 346.

политике литовской шляхты. В инструкции озвучивались требования, назначить людей на пустующие вакансии, и прежде всего назвать главу виленского епископства, «которое для нас, обывателей Великого княжества Литовского, весьма важное, а которое уже давно против конституции не занято». Сеймики настаивали на номинации на эту должность литвина, наделяя своих послов «моцей замеренной»⁸⁰⁹. Стоит отметить, что хотя Матеевский был назначен королем уже давно, минская шляхта не принимала этого к сведению, называя должность виленского епископа «вакансией».

Также в инструкции ошмянского сеймика перед сеймом в 1597 г. обнаруживается довольно мягкий тон. Сеймик повелел своим послам «просить покорно Его королевскую мость, чтобы права, привилегии и свободы наши полностью сохранив, на это виленское епископство епископа с народу нашего литовского дать соизволил». Однако сеймик дал в данном вопросе своим послам «моц замеренную»⁸¹⁰.

Существенный сдвиг в позициях литовских сеймиков обнаруживается в 1598 г., когда во всех известных нам инструкциях находим постулаты, направленные против номинации Мацеевского, при этом в довольно резких формах. Так, виленский сеймик требовал, «чтобы эта номинация на виленское епископство луцкого епископа, которая на поругание и на угнетение прав и свобод наших и на вечный позор нашего народа, отменена была». Что интересно, сеймик рассчитывал при этом на поддержку со стороны коронной шляхты, ссылаясь на принципы унии и чувство взаимопомощи: «напомнив Их мостям союз унии, подтвержденный присягами предков Их мости и ими же самими, чтобы согласно обязательствам своим к нам помогли нам у Его королевской мости, чтобы нам Его королевская мость против прав и свобод наших, присягой Его королевской мости утвержденных, человека чуждого народа на важнейшую должность Великого княжества Литовского, на виленское епископство, давать не соизволил». Сеймик потребовал также, чтобы Мацеевски не был допущен до

⁸⁰⁹ AGAD. AR II 378. K. 3.

⁸¹⁰ AGAD. AR II 352. K. 2.

места, предназначенного на сейме виленскому епископу (в противном случае угрожая обструкцией), а также не получил контроля над имуществами, принадлежащими епископству. В аргументации против номинации Мацеевского напрямую высказывалось опасение доминирования коронной шляхты над литовской. В инструкции сообщалось: «если бы эта номинация не была бы отменена, тогда потом уже навсегда можно было бы каждому королю все литовские должности и чины давать через коронных канцлеров людям чужого народа, не только должности, но честь и права все нашего народа пропали бы и исчезли навеки»⁸¹¹.

Не менее острой оказалась и инструкция брестского сеймика. В ней отмечалось, во-первых, что «виленское епископство супротив праву посполитому столь долго не занято. Более того, как оказывается, Его королевская мость против прав и свобод наших и давних обычаев и против записей унии [епископство] поляку дать [соизволил]». Дальше выдвигалось требование назначить на эту должность литвина, а если бы король все же назначил на нее поляка, послы должны были внести протест, «что мы такого в качестве виленского епископа иметь и принимать не будем и епископства взять во владение и править не разрешим»⁸¹².

Менее острой, хотя отнюдь не менее решительной оказалась инструкция троцкого сеймика. В ней требовалось, чтобы король «против праву и свободам нашим и против записей унии поляка в качестве епископа нам давать не велел, но согласно нашим правам, которые присягал Его королевская мость, и против привилегий давно от предков Его королевской мости полученных, решил дать нам на виленское епископство человека литовского народа». Также в этой инструкции отмечалось, что послы должны «решительно сопротивляться и к каким бы то ни было делам на сейме не приступать». Сеймик давал им при этом «моц замеренную»⁸¹³. Не приступать к работе сейма в случае, если король будет поддерживать номинации Мацеевского, повелели своим послам также

⁸¹¹ AGAD. AR II 370. K. 2.

⁸¹² AGAD. AR II. Supl. 142. K. 1.

⁸¹³ AGAD. AR II 380. K. 2.

вилкомирский, волковысский, минский и ошмянский сеймики⁸¹⁴. На этом фоне довольно мягким кажется позиция шляхты на лидском сеймике, которая лаконично потребовала, чтобы епископство было передано литвину⁸¹⁵. Подобный постулат был выдвинут также brasлавским⁸¹⁶ и жмудским сеймиками⁸¹⁷.

О значимости вопроса виленского епископства в 1598 г. свидетельствует не только единодушное сопротивление литовских сеймиков, использованная ими острая риторика или большой объем представленных в текстах документов требований, но также их место среди других рассматриваемых вопросов. Именно место того или иного требования в структуре инструкции является, как отмечалось во второй главе, важным показателем приоритетов данного сеймика. В данном случае в ряде инструкций вопрос виленского епископства занимает одно из первых мест в структуре документа. Так, в вилкомирской инструкции он является первым из рассматриваемых сеймиком вопросов, в инструкциях brasлавского, брестского и волковысского сеймиков – вторым, а в инструкции лидского сеймика – третьим. Исключением из этого правила является инструкция минского сеймика, в которой перед вопросом виленского епископства рассматривалось еще несколько других, в том числе разные аспекты выезда короля в Швецию.

Конфликт завершился лишь в 1600 г., когда умер Ежи Радзивилл, а Мацеевски получил после его смерти должность краковского епископа. Вместо него номинацию на должность виленского епископа получил литвин, Бенедикт Война⁸¹⁸. Данное решение являлось, несомненно, успехом литовской стороны, которая не поддавалась натискам Сигизмунда III и части коронных партнеров и смогла добиться осуществления своих постулатов⁸¹⁹.

Несомненно, конфликт вокруг виленского епископства являлся самым ярким примером защиты исключительного права литовской шляхты на занятие

⁸¹⁴ Вилкомирская инструкция: AGAD. AR II 402. К. 1; волковысская инструкция: AGAD. AR II 401. К. 1; минская инструкция: AGAD. AR II 368. К. 4; ошмянская инструкция: AGAD. AR II 371. К. 1; BN. BOZ. Rkps 1809. К. 295-295v.

⁸¹⁵ AGAD. AR II 354. К. 2.

⁸¹⁶ AGAD. AR II 400. К. 1.

⁸¹⁷ AGAD. AR II 243. К. 2-3.

⁸¹⁸ Rzońca J. Spór o biskupstwo wileńskie... S. 47.

⁸¹⁹ Lewicki K. Op. cit. S. 301.

постов в Великом княжестве. Возможно, резкое сопротивление литвинов привело к тому, что это право соблюдалось. В последующие годы мы не находим попыток со стороны короля или коронной шляхты лишить литвинов данной привилегии. Сам же вопрос почти исчезает из повестки дня, что подтверждается, в том числе, содержанием литовских сеймиковых инструкций. Подобного рода выступления мы находим лишь несколько раз, при этом в структуре документов они занимают менее важные места. При этом литовской шляхтой не используется в этих случаях какая-то острая риторика, которая позволяла бы говорить о существовании особого напряжения на этом вопросе.

В частности, в 1604 г. слонимский сеймик требовал назначить гетманом лицо «из нашего народа», однако лаконичное содержание инструкции свидетельствует, на наш взгляд, о том, что сеймик был заинтересован скорее назначением на пустующую должность, чем хотел подчеркнуть необходимость назначения представителя Великого княжества⁸²⁰. В 1607 г. ошмянский сеймик высказывался за назначение на должность литовского подкомория и другие пустующие должности «людей заслуженных литовского народа», подчёркивая, что на соответствующую должность в Короне уже был назначен чиновник⁸²¹. Необходимость назначения подкомория и гетмана отмечали в том же году и другие сеймики (гродненский, новогрудский, оршанский, полоцкий и волковысский), но без упоминания о том, что соответствующие лица должны походить из Литвы⁸²². В 1618 г. новогрудский сеймик выступил за назначение на поветовые должности «соотечественников давних Великого княжества Литовского»⁸²³. В 1641 г. тот же сеймик выступил против назначения представителей Короны на должности в Великом княжестве⁸²⁴. В том же году ошмянский сеймик требовал назначения исключительно литвинов на роль

⁸²⁰ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 14.

⁸²¹ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 20.

⁸²² Гродненская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 334; новогрудская инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 202; оршанская инструкция: ВСzart. TN 103. Nr 28. К. 121; полоцкая инструкция: ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 190; волковысская инструкция: АGAD. AR II. Ks. 12. К. 335.

⁸²³ АGAD. AR II 701. К. 5.

⁸²⁴ ВСzart. Rkps 375. К. 607.

управляющих имуществами королевы, которые находились в Великом княжестве⁸²⁵.

Указанные постулаты являются, однако, лишь единичными примерами и отнюдь не образуют какую бы то ни было целостную систему. Более того, в инструкциях других сеймиков на те же сеймы мы подобных требований не находим. Это позволяет говорить о наличии после завершения спора вокруг виленского епископства определенного консенсуса, заключающегося в соблюдении предусмотренных в III Статуте ограничений на занятие постов в Великом княжестве. В практике должности в Литве действительно получала литовская шляхта. Можно поэтому сказать, что мнение А. Закжевского о том, что именно ограничение права на занятие постов в Великом княжестве являлось постоянным постулатом литовской шляхты⁸²⁶ кажется нам в какой-то степени преувеличением. В действительности после спора вокруг виленского епископства подобные постулаты выдвигались редко, поскольку насущная потребность в них вряд ли усматривалась.

4. Сохранение соответствующей роли в совместных институтах власти

Рассмотрение представлений литовской шляхты о месте Великого княжества Литовского в системе государственного управления Речи Посполитой не может являться полным без анализа тех постулатов, которые касались сохранения соответствующей роли Литвы в совместных институтах власти. Именно они, и, прежде всего, сейм, который «в структуре власти в Речи Посполитой Обоих Народов [...] занимал особое место»⁸²⁷, определяли как

⁸²⁵ AGAD. AR II 1201. K. 8.

⁸²⁶ Zakrzewski A. B. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec odrębności... S. 263.

⁸²⁷ Opaliński E. Sejm srebrnego wieku... S. 16.

внешне-, так и внутривполитический курс страны. Сеймом решались не только все важнейшие вопросы политической жизни Речи Посполитой, но и ряд других проблем, иногда вполне локального или личного характера. Без соответствующей позиции в рамках сейма и без влияния на его работу невозможно было претворение в жизнь собственных интересов. Однако в случае роли Великого княжества Литовского в рамках совместного сейма Речи Посполитой стоит задаться вопросом, как понимать эту соответствующую роль, поскольку, как мы указывали во второй главе, позиции Короны и Литвы сложно назвать равными.

Как уже отмечалось, конец третьего бескорольвья является тем переломным моментом, после которого литовская шляхта оставляет попытки изменить условия Люблинской унии. В частности, во время правления Сигизмунда III и его сына Владислава IV (1587-1648) мы почти не встречаем попыток реформирования парламентской системы Речи Посполитой в сторону принятия более выгодных для Литвы правил.

Вопреки мнению, недавно высказанному Г. Виснером, согласно которому литовская шляхта требовала, «чтобы каждый третий сейм собирался в Литве⁸²⁸», при изучении инструкций всего описываемого периода нами были обнаружены всего два подобных постулата. Первый из них встречается в инструкции жмудского сеймика от 1587 г: «соймы абы альтернатим [т.е. на смену – зам. авт.] раз в Полще, а раз в Литве бывали». В том же месте предлагалось также, чтобы в течение первых двух недель работы сейма решались судебные дела Короны, в течение следующих двух – дела Литвы и Жмуди⁸²⁹, а последние две недели снова были посвящены коронным делам. В инструкции аргументировалось, что «на прошлых соймех не моглися дотиснути люди народу литовского в справах своих»⁸³⁰. Стоит обратить внимание, что авторы инструкции не были до конца последовательны в своем видении статуса Литвы в рамках сейма, сначала предлагая проведение каждого второго сейма на территории ВКЛ, после чего

⁸²⁸ Wisner H. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec unii... S. 266; автор в принципе повторил мнение, высказанное 30-ю годами ранее; см.: idem. Naprawa państwa w uchwałach sejmików... S. 38.

⁸²⁹ Что является, кстати, интересным свидетельством осознания местной шляхтой определенного рода самостоятельности Жмуди в рамках ВКЛ.

⁸³⁰ AGAD. AR II 196. K. 5.

требуя третьей части времени работы сейма для решения литовских судебных дел. Стоит особо отметить данное явление, так как оно будет являться специфической чертой литовского представления о позиции Великого княжества в совместном государстве и будет встречаться и в других источниках.

Второй раз постулат проведения сеймов в Литве мы обнаруживаем в инструкции пинского сеймика к конвокационному сейму в 1632 г. Сеймик предлагал проведение сеймов, во время которых посольской избой руководил представитель Литвы, на территории Великого княжества. Пинская шляхта указывала при этом на Брест как на место их проведения, «потому что город этот в центре [Речи Посполитой – зам. авт.] и ближайший к коронным воеводствам»⁸³¹.

Учитывая то, что описываемый период представляет собой шестьдесят лет, лишь два выступления с данным требованием (даже со скидкой на низкую степень сохранности источников, связанных с деятельностью литовских сеймиков), как нам кажется, свидетельствуют о том, что данный вопрос являлся далеко не первостепенным для литовской шляхты. При этом в ряде случаев, как мы увидели раньше, собравшаяся на сеймиках шляхта могла твердо защищать свои интересы, не стесняясь выступать с определенными требованиями, если видела в этом насущную потребность.

Вопросом, которому в деятельности сеймиков уделялось больше внимания, являлась проблема руководства работой посольской избы, которое сосредоточивалось в руках ее маршалка. Внимание со стороны сеймиков кажется при этом отнюдь не случайным. Пост маршалка посольской избы являлся весьма престижным, что в какой-то степени распространялось не только на занимавшее его лицо, но и на повет или воеводство, из которого он происходил. Но кроме престижа пост маршалка давал довольно широкие возможности, не только связанные с будущим «карьерным ростом» (хотя и этот фактор для многих начинающих политическую деятельность магнатов или представителей средней шляхты являлся немаловажным). В практике довольно гибкой польско-литовской сеймовой процедуры роль маршалка оказывалась вполне существенной. Опытный

⁸³¹ AGAD. AR II 1086. K. 4.

и знающий свое дело маршалок мог так влиять на работу посольской избы, чтобы направить ее деятельность в том или ином направлении. Не удивительно поэтому, что заинтересованность в выборе маршалка неоднократно даже не скрывалась, как со стороны королевского двора, так и различных магнатских группировок.

Маршалок посольской избы избирался самыми послами. Ключевое значение при выборе имел принцип т.н. альтернаты – на должность маршалка выбирались по очереди представители Малой Польши (включая русские воеводства Короны), Великой Польши (включая Мазовию и Королевскую Пруссию) и Великого княжества Литовского. Данный принцип был крепко закреплён в практике польского сейма. Был он разработан еще задолго до заключения Люблинской унии, а его целью было недопущение доминирования представителей одной из провинций в работе сейма.

Поскольку принцип альтернаты являлся одним из основных элементов политической культуры Речи Посполитой, его соблюдение вело к тому, что данный вопрос не являлся для литовских сеймиков полем особого столкновения с Коронай. В изученных нами инструкциях к данной проблеме сеймики обращались только шесть раз. Еще в 1608 г. минский сеймик требовал от своих депутатов, чтобы после прибытия на сейм выбрали «маршалка не титулом или арендой [т.е. не только формально – зам. авт.] в Великом княжестве Литовском будучего [...] но рожденного с нашего народа»⁸³².

Новым явлением в практическом воплощении принципа альтернаты стало введение нового института внеочередных (т.н. экстраординарных) сеймов. Их проведение предусматривалось еще в генрицианских артикулах, определивших в 1573 г. основные принципы государственного строя Речи Посполитой. Документ обязывал монарха созывать сейм каждые два года, сроком на шесть недель (сейм ординарный). В случае необходимости король имел право созвать сейм раньше. В таком случае время его работы сокращалось до двух недель. Первый

⁸³² AGAD. AR II 545. K. 3.

внеочередной (экстраординарный) сейм был созван в декабре 1613 г.⁸³³. Руководство посольской избой принадлежало на нем представителю Литвы, Александру Корвину Госевскому⁸³⁴. Однако в инструкции к следующему сейму, в 1615 г., минский сеймик выдвинул довольно необычную интерпретацию сейма декабря 1613 г. Аргументируя, что не являлся он сеймом, а только «съездом», авторы инструкции требовали повторного выбора представителя Литвы на пост маршалка. Сеймик призывал остальных литовских послов поддержать это требование⁸³⁵. Стоит, однако, отметить, что в инструкциях остальных сеймиков подобные постулаты не выдвигались⁸³⁶.

Повторно требования касательно выбора посла из Великого княжества на должность маршалка посольской избы появляются в инструкциях литовских сеймиков лишь в 1640 г., в связи с безрезультатным завершением сейма 1639 г., которым руководил представитель Литвы, гродненский писарь Владислав Кердей⁸³⁷. Упитский сеймик в своей инструкции обвинил поляков в намеренном срыве сеймов, которыми руководили литовские депутаты: «явное в этом нежелание Их мостей панов коронных, что за некой недоброжелательностью сеймы, на которых приходит руководство маршалков из нашего народа, разорваны бывають», а также выдвинул требование, чтобы в случае завершения сейма без принятия решений, следующим руководил маршалок из этого же народа⁸³⁸. Похожее требование выдвинул и минский сеймик, замечая, что «сеймы так часто не доходят из-за личных интересов, что чаще всего случается во время руководства Княжества Литовского»⁸³⁹. Знаменательно, что минский сеймик обвинил в этой ситуации не коронную шляхту, но широко понимаемые «личные интересы». За введение подобного принципа выступил также виленский сеймик,

⁸³³ Opaliński E. *Sejm srebrnego wieku...* S. 15; критике данный взгляд подвергла Lewandowska-Malec I. *Sejmy nadzwyczajne w dziejach polskiego parlamentaryzmu // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego*. 2007. Т. 10. S. 51-62.

⁸³⁴ Konopczyński W. *Chronologia sejmów polskich 1493-1793*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1948. S. 146.

⁸³⁵ AGAD. AR II 619. K. 6.

⁸³⁶ Инструкции: витебская: AGAD. AR II 637; ковенская: AGAD. AR II 621; ошмянская: AGAD. AR II 620; мстиславская: AGAD. AR II. Supl. 270; жечицкая: AGAD. AR II. Supl. 273; брестская: BPAN Kraków. Rkps 360. K. 277.

⁸³⁷ Konopczyński W. *Op. cit.* S. 151.

⁸³⁸ AGAD. AR II 1194. K. 3.

⁸³⁹ AGAD. AR II 1118. K. 5.

выражая при этом лишь общее сожаление по поводу безуспешного завершения работы предыдущего сейма⁸⁴⁰.

К вопросу руководства посольской избой вернулся еще только один сеймик, слонимский, в 1646 г. В его инструкции лишь в общих чертах упоминалось, что руководство на будущем сейме должно принадлежать представителю Литвы⁸⁴¹.

Отсюда можно констатировать, что как выше рассмотренное правило исключительного права литовской шляхты на занятие постов в Великом княжестве, так и принцип альтернаты являлся скорее полем учитываемого и соблюдаемого консенсуса. Поскольку с коронной стороны не появлялись попытки ослабить в этом плане позицию Литвы, сеймики и не нуждались в подчеркивании значения данного вопроса. Следует при этом добавить, что также с литовской стороны попытки выйти за границы «программы минимум» и расширить свою позицию (как в случае минской инструкции от 1615 г.) вовсе не были настойчивыми.

С парламентской жизнью Речи Посполитой связан был еще один, казалось бы второстепенный и чисто практический вопрос, распределения жилых дворов в Варшаве во время проведения сейма. Позицию сеймиков по данному вопросу стоит, однако рассмотреть, так как в ней прослеживаются весьма интересные моменты. Именно анализ этих постулатов позволяет нам увидеть особенности мышления литовской шляхты о роли и месте Великого княжества в совместном государстве.

Данному вопросу литовские сеймики несколько раз уделили внимание в 40-ые годы XVII в. Характерно, что риторика, которая при этом использовалась, была намного жестче, чем в случае вопросов, которые, казались бы, являлись куда более важными для Литвы. Виленский сеймик в 1641 г. писал: «большую в этом тяжесть терпит народ Великого княжества Литовского, что на сеймах приличных жилых дворов получить не может» и требовал третью их часть отдать литовским послам⁸⁴². С таким же требованием выступил в том же самом году новогрудский

⁸⁴⁰ AGAD. AR II 1202. K. 5.

⁸⁴¹ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 160.

⁸⁴² AGAD. AR II 1202. K. 5.

сеймик⁸⁴³. Данный постулат повторили в 1643 г. ковенский⁸⁴⁴, в 1645 г. гродненский⁸⁴⁵ и новогрудский⁸⁴⁶, а год спустя виленский⁸⁴⁷ и гродненский сеймики⁸⁴⁸.

Интересно, что в своей аргументации виленский сеймик прямо относился к позиции Великого княжества Литовского как одной из трех (наряду с Великой и Малой Польшей) провинций Речи Посполитой, на которую накладывалась третья часть налогов. В 1641 г. он обосновывал свои требования тем, что как «третьей части тяжести подчиняется Великое княжество Литовское, так чтобы и жилых дворов третья часть во время сейма Великому княжеству принадлежала»⁸⁴⁹. Пять лет спустя в инструкции того же сеймика говорилось: «всегда третью часть тяжести Княжество Литовское нести привыкло [...] старательно тогда паны послы наши должны пытаться, чтобы третья часть тех [жилых дворов – зам. авт.] на народ Великого княжества Литовского выделена быть могла»⁸⁵⁰.

Заметим, что остальные сеймики, хотя прямо не ссылались на подобного рода принцип, также требовали выделения «третьей части» дворов. Правда, само это требование могло еще не являться свидетельством определенного понимания места Литвы в рамках Речи Посполитой, но иметь весьма практическое основание. Литовские послы составляли именно третью часть посольской избы, поэтому неудивительно, что нуждались в таком же распределении дворов в Варшаве. Однако о том, что такое решение вытекало не только из практических нужд представителей Великого княжества, а вписывалось в более общие представления, позволяют судить указанные нами заявления виленского сеймика.

Данный вывод подтверждается также анализом других, непосредственно не связанных с деятельностью сейма постулатов литовских сеймиков. Так, например, в сеймиковых инструкциях встречаем требование, чтобы король каждый третий

⁸⁴³ BCzart. Rkps 375. K. 607.

⁸⁴⁴ AGAD. AR II 1205. K. 6.

⁸⁴⁵ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 124.

⁸⁴⁶ BCzart. Rkps 375. K. 854.

⁸⁴⁷ BCzart. TN 140. Nr 61. K. 240

⁸⁴⁸ BCzart. TN 140. Nr 60. K. 216-217.

⁸⁴⁹ AGAD. AR II 1202. K. 5.

⁸⁵⁰ BCzart. TN 140. Nr 61. K. 240.

год жил в Литве. С таким постулатом выступил в 1587 г. жмудский сеймик⁸⁵¹, а в 1600 г. вилкомирский сеймик. Последний жаловался при этом: «несколько лет в этом государстве нашем Его королевская мость не побывает, из-за чего большую опасность и ущерб в Речи нашей Посполитой видим»⁸⁵². В 1604 г. слонимский сеймик требовал, чтобы король, «согласно повинности своей государственной определенной и унией установленной»⁸⁵³, пребывал в Литве, не определяя, однако, количества времени пребывания в Великом княжестве⁸⁵⁴. В 1607 г. пребывания короля в Литве требовали в своих инструкциях виленский⁸⁵⁵ и новогрудский сеймики⁸⁵⁶, а в 1611 жмудский сеймик. Последний указывал при этом на практические причины своего постулата: «в тех делах, которые задворному [королевскому – зам. авт.] суду принадлежат и именно здесь в Литве должны были решаться, из-за непребывания короля Его милости здесь в Литве обыватели Великого княжества Литовского тяжесть несут из-за расстояния»⁸⁵⁷. В 1618 г. напомнил об этом новогрудский сеймик⁸⁵⁸, а в 1632 г. витебский, минский, слонимский и, опять же, новогрудский сеймики, ссылаясь на давние права⁸⁵⁹.

В вопросе о пребывании короля в Великом княжестве Литовском вновь прослеживается, казалось бы, неожиданное понимание статуса Литвы как одной из трех провинции Речи Посполитой, а не одного из двух составляющих ее государств. Как пишет А. Закшевски, литовские элиты «во время трех бескоролевий [1572-1587 гг. – зам. авт.] смогли обеспечить своему государству относительную равноценность в отношении Короны»⁸⁶⁰. При этом, именно в

⁸⁵¹ AGAD. AR II 196. К. 3.

⁸⁵² РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 133. № 41. Л. 124.

⁸⁵³ По другому списку (BCzart. TN 99. Nr 258. К. 854) «недавно установленной».

⁸⁵⁴ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 14.

⁸⁵⁵ ВРАН Kraków. Rkps 365. К. 33.

⁸⁵⁶ ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 200.

⁸⁵⁷ ВРАН Kraków. Rkps 360. К. 221.

⁸⁵⁸ AGAD. AR II 701. К. 5.

⁸⁵⁹ Инструкция новогрудская: AGAD. AR II 1089. К. 4; инструкция слонимская: AGAD. AR II 1062. К. 2; инструкция минская: РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 130. № 6. Л. 12; инструкция витебская: РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 132. № 1. Л. 1.

⁸⁶⁰ Zakrzewski A. B. Między Unią Lubelską a Zareczeniem Wzajemnym Obojga Narodów – przemiany pozycji Wielkiego Księstwa Litewskiego w Rzeczypospolitej // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.). Рэд. С. Сокал, А. Янушкевіч. Мінск: БІП-С Плюс, 2010. С. 234.

эпоху Сигизмунда III были проведены детальные реформы, направленные на дальнейшее уравнивание позиций обеих частей совместного государства⁸⁶¹.

Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что эволюция позиции Литвы в рамках Речи Посполитой от одного из двух государств к одной из трех провинций, которую А. Закшевски относит скорее к XVIII в., имела свои корни еще в самой Люблинской унии. Выше указанные примеры показывают при этом, что уже в конце XVI – первой половине XVII вв. мы наблюдаем особенную двойственность в мышлении литовской шляхты: хотя доминирующим кажется представление о дуализме Речи Посполитой, параллельно появляется (и в ряде случаев оказывается первостепенным) представление о Литве как об одной из трех ее провинций.

Резюмируя наши размышления, можно сказать, что, несмотря на то, что позиция Великого княжества Литовского в совместном институте власти – сейме – оставалась неравной к позиции Короны, в течение 1587-1648 гг. литовские сеймики почти не требовали ее уравнивания. Постулаты, встречаемые в литовских сеймиковых инструкциях имеют своей целью сохранение соответствующей (что не значит равной) позиции Литвы. При этом в ряде случаев аргументация сеймиков свидетельствует о понимании позиции Литвы как одной из трех (наряду с Великой и Малой Польшей) провинций Речи Посполитой.

На основе проведенного исследования нами были выявлены главные постулаты, касающиеся сохранения государственного суверенитета Великого княжества Литовского, которые нашли свое отражение в деятельности литовской парламентской системы. Проведенный анализ позволяет прийти к нескольким выводам. На наш взгляд исследованные нами явления не были до сих пор предметом целостного и свободного от схематизма обсуждения. Детальный анализ позволяет указать на целый ряд повторяющихся в исторической литературе тезисов, которые не всегда подтверждаются на основе разбора источников. В качестве примера стоит привести хотя бы вопрос проведения

⁸⁶¹ Там же. С. 236.

каждого третьего сейма в Литве или споров о номинации на отдельные литовские должности.

Вышесказанное указывает, на наш взгляд, на необходимость выработки нового, целостного подхода к описываемым явлениям. Ключевым моментом для понимания процессов, которые имели место в конце XVI – первой половине XVII вв., как кажется, является выявление, с одной стороны, контекста отдельных действий или постулатов, с другой – возможных источников тех или иных употребляемых в источниковом материале формулировок. Прежде всего, однако, следует не только учесть формальное содержание делопроизводственных актов парламентской системы Великого княжества Литовского, но и проследить, какие моменты и по каким причинам не находили в них свое отражение.

Особенно важно обратить внимание на частотность выдвижения тех или иных требований, что позволяет избежать общих суждений в пользу более обоснованных и конкретных выводов. Целостное рассмотрение данного вопроса позволяет, на наш взгляд, выявить иерархию постулатов литовской шляхты, касающихся сохранения государственного суверенитета. Тем самым, мы указываем на ключевые с ее точки зрения вопросы, а также на те проблемы, которые хотя и выступали в деятельности литовской парламентской системы, однако не являлись приоритетными.

Так, несомненно важнейшими спорными моментами, которые нашли свое отражение в работе литовских сеймиков, являлись конфликты, касающиеся территориальной целостности Литвы, т.е. конфликт вокруг принадлежности Смоленска и передачи Трубчевска Московскому государству. Другие связанные с этой проблемой вопросы, как проведение детального разграничения между Коронной и Литвой или невведение коронных войск на территорию Великого княжества, хотя отразились на работе литовских сеймиков, однако, не вызвали столь ожесточенной реакции. Стоит при этом учесть, что оба последних вопроса, как уже отмечалось, имели отчасти практический характер.

Другим важным направлением литовской политики являлось сохранение тех отдельных институтов власти Великого княжества, которые продолжали

существовать после Люблинской унии, и их компетенций. Среди них больше всего внимание литовской шляхты привлекали конфликты между литовскими и коронными маршалками и между литовскими и коронными судами. Однако стоит отметить, что вряд ли можно их назвать постоянными – они вспыхивали прежде всего во втором и пятом десятилетии XVII в.

Важным фактором сохранения литовской самостоятельности являлось также сохранение права на исключительное занятие постов в Великом княжестве. Именно в связи с этим вопросом вспыхнул, пожалуй, самый острый спор, который отразился в парламентской жизни Литвы. На его фоне Кшиштофом «Перуном» Радзивиллом выдвигались даже попытки сорвать работу сейма, которые остались, однако, безуспешными. Литве все же удалось сохранить существующие на основе III Статута ограничения, что привело к установлению своего рода консенсуса между Великим княжеством и Коронай.

При этом анализ роли Литвы в совместных институтах власти, прежде всего в сейме, показывает, что представители Великого княжества скорее довольствовались неравной позицией в его рамках. Предпринимаемые ими действия имели своей целью скорее сохранение имеющейся позиции, нежели были направлены на полное ее уравнивание. В этом случае, как кажется, можно говорить о существовании определенного консенсуса касательно структуры власти в Речи Посполитой и того места, которое занимало в ней Великое княжество.

Необходимо помнить, что деятельность литовской парламентской системы определялась, в том числе, и политическими интересами ее участников. Те или иные постулаты всегда выдвигались конкретными деятелями литовской политической сцены, даже если в некоторых случаях скудность источниковой базы не позволяет полностью осветить всю «кухню» парламентской деятельности. Все же нам удалось усмотреть, что в некоторых случаях интересы различных представителей Великого княжества могли не только не совпадать, но и быть прямо противоположными, подтверждение чему мы находим в столкновении позиций литовских великих и надворных маршалков. Иногда

политический курс представителей Литвы мог вытекать из сугубо личных интересов, как в случае несогласия Казимежа Леона Сапеги на принятие конституции относительно передачи Литве земель в обмен за потерянный Трубчевск.

Следует обратить внимание на своеобразную динамику описываемых нами явлений. Еще в начале правления Сигизмунда III мы можем наблюдать отголоски тех проблем, которые в период от заключения Люблинской унии до окончания третьего бескоролья играли ключевую роль в польско-литовских отношениях. На основе проведенного нами анализа можно прийти к выводу о том, что в конце XVI в. среди литовской шляхты доминирует еще собственный, литовский взгляд на ряд проблем, возникающих в парламентской деятельности, а также, что в этот период намного чаще высказываются претензии к коронным партнерам.

Данный момент хорошо иллюстрирует инструкция жмудского сеймика от 1587 г. на коронационный сейм Сигизмунда III, в котором содержится ряд постулатов, в последующем исчезающих из литовской повестки дня. К таковым можно отнести проблему возвращения подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств, вопрос проведения каждого второго сейма в Литве или претензии к коронной шляхте за самостоятельный выбор Сигизмунда III. Сеймик требовал при этом, чтобы в будущем король избирался совместно, а от самого Сигизмунда, чтобы тот подтвердил принадлежность Лифляндии к Литве, раздавал лифляндские замки людям «народу литовского, жомойтского и лифлянтского», а доходы с этой провинции передавал в литовскую казну. Сеймик также выступал против вывоза королевских драгоценностей в Краков, настаивая на возвращении Литве предметов, находившихся в Тикотине⁸⁶².

Скопление в одном документе столь большого количества вопросов, имеющих ключевое значение для функционирования совместного государства, отличает данную инструкцию от более поздних источников. Несомненно, одной из причин этому является факт, что, по крайней мере, часть обсуждаемых вопросов была скоро решена, хотя – как в случае подчинения Лифляндии – и не в

⁸⁶² AGAD. AR II 196. K. 1-6.

пользу Литвы. Однако то, что в последующие годы мы не наблюдаем в парламентской деятельности Великого княжества примера столь многочисленных претензий или проектов изменения способа функционирования государства приводит к мысли о том, что в течение правления Сигизмунда III мы можем наблюдать принципиальное изменение отношения литовской шляхты к совместному государству, а также грядущую интеграцию обеих частей Речи Посполитой.

Как оказалось, данный процесс сталкивался, однако, с рядом сложностей. В выявленной нами динамике исследуемых явлений особо выделяются два периода – второе и пятое десятилетие XVII в. Именно в 20-ые гг. этого столетия возникают проблемы, вызывающие напряжение в отношениях между Литвой и Коронай. Среди них стоит еще раз упомянуть вопрос территориальной целостности Великого княжества: проблему принадлежности Смоленска и Северщины, а также разграничения Литвы с Коронай (связанную, прежде всего, с протестами против принятых в 1616 г. решений соответствующей комиссии). Кроме того, в 1611-18 гг. внимание литовских сеймиков притягивал немаловажный вопрос рассмотрения дел литовской шляхты в коронных судах, прежде всего в связи с делом Анджея Монтовта.

Не менее интересными являлись 40-ые гг. XVII в. Именно тогда возникают серьезные споры, связанные с передачей Трубчевска Московскому государству в 1645-46 гг., а также ряд других вопросов, таких как компетенционные конфликты между коронными и литовскими маршалками или способ функционирования парламентской и судебной систем. Выявленные нами тенденции стоит при этом соотнести с представленными во второй главе наблюдениями в сфере формирования понятийного аппарата литовской шляхты. Это позволяет говорить о нарастании своего рода напряжения в отношениях между Литвой и Коронай в конце правления Владислава IV.

Заключение

Шестидесятилетний период правления двух первых королей из династии Вазов является временем пика могущества созданной на основе Люблинской унии совместной польско-литовской Речи Посполитой. Вспыхнувшее в 1648 г., незадолго до смерти Владислава IV, восстание Хмельницкого открыло двадцатилетний период войн, из которого Речь Посполитая вышла с огромными потерями: территориальными, материальными и человеческими. К геополитической катастрофе 50-ых гг. XVII в, когда большинство территории польско-литовского государства оказалось занятым казацкими, российскими и шведскими войсками, прибавились и внутренние процессы, резко осложнившие положение Речи Посполитой.

Тем более интересным оказалось, на наш взгляд, рассмотрение способа функционирования польско-литовского государства в тот период, когда система его правовых институтов, в том числе органов государственной власти, была уже окончательно сформирована, но еще не пережила тех потрясений, которые принесли ей события середины XVII в. Таким образом, мы попытались понять механизм сосуществования «обоих народов», которые в 1569 г. составили совместную Речь Посполитую.

Проведенный нами анализ позволяет опровергнуть тезис о прекращении существования литовской государственности в итоге Люблинской унии. На сейме в Люблине в 1569 г. было созданное совместное, польско-литовское государство. Это не означает, однако, что «одна совместная Речь Посполитая, которая из двух отдельных государств и народов в один народ и государство слилась и соединилась», как определял это новое образование акт Люблинской унии, являлась действительно «одним единым и неделимым телом», в котором полностью растворились существующие до того отдельные государства – Польская Корона и Великое княжество Литовское. Как мы увидели, имеющиеся у

них традиции государственности все же в определенной мере сохранялись и после 1569 г.

Образованное в Люблине государство имело свои общие институты государственной власти, прежде всего – монарха и сейм, наглядно воплощающий идею единства Речи Посполитой и его шляхетского народа. Несмотря на это, у Великого княжества Литовского все же оставался ряд правовых институтов, что позволяет говорить о сохранении им элементов государственного суверенитета. Эти институты не только не упразднились в 1569 г., но как мы увидели, стали одним из главных факторов определения литовской идентичности.

К таковым элементам стоит отнести уже само название Великого княжества Литовского. Не стоит недооценивать влияние этого фактора на формирование литовской идентичности. При этом, важен отнюдь не сам факт наличия отдельного названия данной территориальной единицы, что ни в коей мере не было бы особенным и является распространенным явлением, чего примеры встречаем во многих государствах этого периода. Интересно не столь наличие этого формального признака, но его материальное наполнение. Другими словами, важно его семантическое поле и способ употребления, прежде всего со стороны самой литовской шляхты, в том числе и в рамках делопроизводства литовской парламентской системы. Проведенный нами анализ использованной в данном материале терминологии показывает, что оно являлось ярким свидетельством дуализма Речи Посполитой и было неотъемлемой частью литовской идентичности. Неслучайно, как мы увидели во второй главе, оно было одним из наиболее часто употребляемых терминов в делопроизводстве литовской парламентской системы. При этом, отчетливо видно, что и у самой литовской шляхты не возникало сомнений касательно способа самоопределения – в исследованном нами источниковом материале нами были обнаружены многочисленные примеры, когда шляхта называла себя шляхтой «Великого княжества Литовского», тогда как самообозначение «польская шляхта» являлось скорее исключением, а сочетание «шляхта Короны» вовсе литовской шляхтой в подобных целях не использовалось.

Несомненным элементом государственного суверенитета Великого княжества являлось наличие собственной, четко определенной территории, границы которой позволяли, без всякого сомнения, отличить его от Короны. Как мы видели, именно вопрос проведенных в 1569 г. территориальных изменений являлся ключевой проблемой, решение которой оставалось вплоть до начала правления Сигизмунда III главным приоритетом литовской политики. Несмотря на то, что после неудачи этих попыток литовской шляхте пришлось отказаться от возвращения потерянных в 1569 г. воеводств, именно территория Великого княжества являлась одним из тех элементов, вокруг которого вспыхивали самые острые споры в польско-литовских отношениях. Возможно, реакция представителей Литвы являлась настолько резкой именно в силу памяти о потере существенной части территории в 1569 г. и вынужденном отказе от ее возвращения.

Как мы увидели в третьей главе, вопрос границ имел и вполне практическое значение, прежде всего для жителей пограничных территорий. Тем более насущной являлась проблема невведения коронных войск на территорию Литвы. На этом фоне отчетливо прослеживается одна из отличительных черт литовского партикуляризма – его сложный и смешанный характер. Данное явление нельзя рассматривать лишь в качестве «литовского патриотизма» либо сугубо как проявление личных или групповых интересов. Все эти элементы, как нам кажется, могли присутствовать в нем одновременно и в различных конфигурациях, что сильно осложняет наше восприятие этого феномена.

Следующим элементом государственного суверенитета Великого княжества являлось наличие отдельных литовских институтов государственной власти. К их перечню мы можем отнести центральные должности: маршалков, канцлера, подканцлера, подскарбия и гетманов, а также соответствующие им институты: литовская печать, канцелярия, казна и армия. Несомненно также значение наличия собственной литовской судебной системы, прежде всего Литовского трибунала, а также системы материального права в лице III Литовского Статута.

Анализ того, каким образом факт наличия этих институтов отражался в делопроизводстве и, в целом, в парламентской жизни Великого княжества позволяет выявить следующую отличительную черту литовского партикуляризма рассматриваемого нами периода – его реакционный характер. Главным образом, литовская шляхта уделяла внимание сохранению имеющихся у Великого княжества элементов государственного суверенитета, а предпринимаемые ею в предусмотренных парламентской системой рамках действия являлись скорее ответом на те шаги со стороны короля или коронной шляхты, которые воспринимались как угроза для прав или интересов Литвы. В отличие от периода 1569-87 гг. во время правления первых двух Вазов не приходится говорить о какой-либо долгосрочной и целенаправленной литовской программе действий.

Как мы увидели в третьей главе, вопрос существования отдельных литовских институтов государственной власти и их компетенций поднимался в парламентской жизни Великого княжества в связи с теми шагами, которые воспринимались как нарушение существующего правопорядка. Об этом свидетельствует анализ наиболее часто встречаемых постулатов, касающихся, прежде всего, конфликтов коронных и литовских маршалков или компетенций судов, в том числе Литовского трибунала. Данные вопросы не поднимались в литовской парламентской жизни постоянно, но по мере обострения соответствующих проблем.

Другой важной особенностью функционирования Великого княжества в системе государственного управления Речи Посполитой являлось предоставление права занятия постов в Великом княжестве лишь литовской шляхте, что противоречило положениям акта Люблинской унии, но было введено еще I Литовским Статутом и подтверждено в следующих Статутах, в том числе (что для нас самое главное) III Статутом. Как мы видели, данный момент являлся неотъемлемой чертой существования отдельных литовских институтов и именно так понимался самими литвинами. Вокруг этого элемента вспыхнул, пожалуй, ярчайший спор того времени – конфликт вокруг виленского епископства, в

результате которого представителям Великого княжества удалось все же отстоять имеющиеся ограничения.

Существенным для сохранения отдельных литовских институтов государственной власти являлось сохранение соответствующей позиции в совместных органах Речи Посполитой. Ключевое значение приобретало при этом место Литвы в деятельности сейма, поскольку именно этот орган определял как внешне-, так и внутривластный курс страны. В данном вопросе внимание литовской шляхты сосредоточилось главным образом на сохранении принципа альтернативы, обеспечивающего равновесие в работе сейма.

Стоит отметить, что в парламентской структуре Речи Посполитой был выработан институт, который не предусматривался Люблинской унией, но при этом имел существенное значение для функционирования Великого княжества Литовского и сохранения им определенной государственной самостоятельности. Речь идет, конечно, о виленской конвокации, которая из неформальных съездов литовской элиты власти преобразовалась во вполне сформированный орган, имеющий свою структуру, процедуру (в том числе созыва сеймиков и выбора послов, аналогично предсеймовой кампании) и делопроизводство, а также определенные компетенции, прежде всего касающиеся сбора налогов. Наличие подобного органа, который в период правления Сигизмунда III стал во многом исполнять роль квази-сейма Великого княжества, является интересной особенностью Литвы в структуре государственной власти Речи Посполитой.

Как мы увидели, место Великого княжества в системе государственного управления польско-литовского государства оказалось весьма неоднозначным. При этом причины этой ситуации связаны как с положениями самого акта Люблинской унии и с событиями сейма в Люблине в 1569 г., так и с дальнейшим формированием системы органов государственной власти в последующий период вплоть до выбора Сигизмунда III Вазы.

С одной стороны, в системе управления польско-литовского государства имелся ряд признаков дуалистического характера Речи Посполитой. Об этом свидетельствует наличие отдельных, коронных и литовских, правовых институтов

и органов власти: центральных должностей, армии, казны, печати, канцелярии, судебной системы вместе с Коронным и Литовским трибуналами. Проявление двойного характера государства отчетливо видно также в понятийном аппарате литовского сеймикового делопроизводства. Как мы видели, наглядным примером отражения в языке дуалистической структуры государства являлось столь частое употребление выражений «Корона и Великое княжество Литовское», тем более что использовавшиеся для обозначения обеих частей Речи Посполитой выражения имели четко определенный территориальный десигнат, который сложно было неверным образом истолковать.

Однако в этой двойственной структуре государства позиция Литвы оказывалась неравной Коронной. Об этом свидетельствует структура правовых институтов Речи Посполитой, в которых передовое место отводилось Короне. Данное явление прослеживается в титуле монарха, в котором титул короля польского находился перед титулом великого князя литовского. Оно усматривается в способе и месте выбора, а также коронации монарха, которые происходили исключительно в Короне. Отчетливее всего это неравенство проявляется, пожалуй, в структуре и способе функционирования сейма, в период правления двух первых Вазов собирающегося исключительно в Короне. В обеих его палатах первые места занимали представители Короны, а не литовские послы и сенаторы.

Данное явление прослеживается также в области понятийного аппарата литовского сеймикового делопроизводства. Как мы отметили во второй главе, в литовской терминологии почти всегда название «Корона» употребляется на первом месте, перед Великим княжеством. Это является, на наш взгляд, отражением того, что даже сама литовская шляхта осознавала первенство Короны в рамках совместного государства и ее позицию как своего рода «старшего брата».

С другой стороны, как в государственной структуре Речи Посполитой, так и в сознании самой литовской шляхты присутствуют элементы, которые позволяют говорить о роли Великого княжества Литовского как одной из трех, наряду с

Великой и Малой Польшей, провинций польско-литовского государства. Проявления этого феномена видим в самом соотношении территории и количества населения Короны и Литвы, составляющего примерно 2:1. Подтверждением этому является структура и способ функционирования парламентской системы Речи Посполитой, в которой каждая из этих трех провинций имела собственный генеральный сеймик и обладала правом альтернаты при выборе маршалка посольской избы. Также количество представителей Великого княжества в составе сейма было существенно меньшим, чем количество представителей Короны, в случае сената даже далеко несоразмерным.

Как мы увидели в третьей главе, детальный анализ содержания сеймиковых инструкций дает возможность утверждать, что самая литовская шляхта иногда воспринимала место Великого княжества как одной из трех провинций Речи Посполитой. Это позволяет уточнить наблюдения А. Закжевского касательно соответствующего преобразования позиции Литвы, которое польский исследователь относил скорее к XVIII в., и выдвинуть тезис о том, что данная эволюция имела свои корни еще в XVI в. и во многом зависела от той государственной структуры Речи Посполитой, которая сложилась в итоге Люблинской унии. При этом, эти, казалось бы несовпадающие, представления (ВКЛ как одна из трех провинций и ВКЛ как одна из двух частей Речи Посполитой) существовали параллельно, а данную двойственность как в структуре Речи Посполитой, так и в мышлении литовской шляхты мы можем наблюдать уже в конце XVI – первой половине XVII вв.

Несомненным выводом проведенного нами исследования является выявление динамического характера исследуемых нами процессов. Как мы смогли увидеть, динамический характер был присущий изучаемым явлениям на протяжении всего периода после заключения Люблинской унии и время правления первых двух Вазов не является здесь исключением из общего правила. Однако при более детальном изучении периода 1587-1648 гг. мы выявили ряд

отличий от периода 1569-87 гг., имевшего существенное значение для завершения формирования статуса Великого княжества в рамках Речи Посполитой.

Как удалось доказать, именно 1587-88 гг. стали тем переломным моментом, когда была переопределена главная линия литовской политики и сформировано представление о месте и способе функционирования Великого княжества Литовского в рамках государственной структуры Речи Посполитой. Отказ от проводимой литовской элитой власти в период 1569-87 гг. политической линии был в немалой степени вынужденным и вызванным осознанием невозможности решить те глобальные задачи, которые ставились ею после заключения Люблинской унии. Прежде всего, представителям Великого княжества пришлось отказаться от попыток возвращения потерянных в 1569 г. воеводств, что являлось ключевым фактором для определения возможности ведения более самостоятельной по отношению к Короне политики. Не удалось также ни вернуть исключительное управление Лифляндией, ни провести изменения в структуре государственной власти, которые уравнивали бы позицию Великого княжества с Короной. Несмотря на некоторые успехи литовской стороны, в том числе завершение формирования обозначенных нами уже элементов государственного суверенитета Литвы, провал проводимой Великим княжеством политики «исправления унии» привел к, во многом вынужденному, смирению с определенной в итоге Люблинской унии и последующего двадцатилетия позицией Литвы в рамках структуры совместного государства.

Конечно, данный процесс не мог наступить одномоментно, а проблемы, которые возникали в польско-литовских отношениях, не забылись сразу. Проведенный нами анализ показал, что как в выдвигаемых литовской шляхтой в рамках ее парламентской деятельности постулатах, так и в области используемой ею терминологии и, следовательно, в прослеживающихся в ней представлениях и идейных установках, еще в конце XVI в., т.е. в первые годы долгого правления Сигизмунда III, мы можем обнаружить преобладание собственного, литовского взгляда над мышлением в общегосударственных категориях. Отголоски проблем

предыдущего периода еще до конца XVI столетия оказывались довольно живучими.

Однако можно утверждать, что часть их них стала исчезать с литовской повестки дня, прежде всего в силу потери своей актуальности, другие же прошли определенную эволюцию. Примеры этого мы увидели в преобразовании нерешенной задачи возвращения потерянных воеводств в постулат о неучастии в финансировании татарских поминок или в предъявлении Короне ряда претензий касательно неравного финансирования защиты находившейся под совместной властью Лифляндии. Вывод о постепенной эволюции как литовских представлений о месте Великого княжества в рамках Речи Посполитой, так и отношения к самому совместному государству подтверждается также проведенным нами анализом понятийного аппарата сеймикового делопроизводства, отличительной чертой которого являлось постепенное формирование представления о единстве Речи Посполитой, а также о Литве как ее неотъемлемой части. Это позволяет говорить о грядущей интеграции обеих частей польско-литовского государства в период правления двух первых Вазов.

Подобные изменения были вызваны комплексом причин. Сосуществование в рамках единой государственной структуры, участие в совместных институтах власти, вовлечение в общегосударственную парламентскую систему и, следовательно, необходимость уделять внимание ряду проблем, выходящих за рамки чисто литовских интересов – это те институциональные факторы, которые обуславливали интеграционные процессы. Следует также учесть огромное значение влияния используемой понятийной системы, прежде всего комплексного понятия «речи посполитой», через которое транслировалось представление о единстве создающих определенную нами понятийную триаду элементов: общества, государства и власти, что вызывало самоотождествление представителей шляхетского сословия – в том числе литовских – с более широкой общностью. Нельзя при этом забывать о влиянии внешнеполитических факторов, прежде всего, субъективно воспринимаемой в качестве насущной, военной угрозы со стороны Швеции и России.

Однако интеграция частей дуалистического государства отнюдь не проходила беспрепятственно. В течение исследуемого нами периода неоднократно вспыхивали конфликты, связанные с существованием и способом функционирования обозначенных нами правовых институтов, являющихся элементами государственного суверенитета Литвы.

Мы уже отметили реакционный характер описываемых нами явлений, заключающийся в стремлении сохранить, а не расширять, имеющуюся позицию в рамках совместного государства. Именно этот ключевой, как нам кажется, фактор, выявленный нами в большинстве исследуемых нами проблемных моментов, возникающих в парламентской жизни Великого княжества, являлся, на наш взгляд, отличительной чертой рассмотренных нами споров, касающихся функционирования отдельных литовских институтов государственной власти.

Стоит при этом отметить, что во многих случаях, особенно там, где литовская позиция оказалась довольно сплоченной, шляхте Великого княжества удалось успешно защищать свои интересы. Примером этому может послужить рассматриваемый нами конфликт вокруг виленского епископства в 90-ые гг. XVI в. То, что представителям Великого княжества удалось не допустить занятия столь важной должности представителем Короны, позволило сохранить предусмотренное Статутом исключительное право литовской шляхты на занятие постов в ВКЛ. Таким образом, было определено своеобразное пространство консенсуса, заключающегося, с одной стороны, в учетывании представителями Короны имеющихся у Литвы элементов суверенитета, с другой – в принятии и одобрении литовской шляхтой позиции Великого княжества в структуре совместного государства.

Данный вывод подтверждается, на наш взгляд, характером многих конфликтных моментов, вспыхивающих в польско-литовских отношениях периода правления Сигизмунда III и Владислава IV. Проблемные поля зачастую возникали не там, где существовали принятые (и соблюдаемые) правила, но скорее наоборот – где таких правил не существовало, прежде всего, по причине нетипичности той или иной ситуации. Таковыми являлись, на наш взгляд,

конфликт вокруг занятых Речью Посполитой Смоленска и Северщины, принадлежавших до этого России, или литовских стремлений назначить своего представителя маршалком посольской избы против принципа альтернативы после внеочередного (экстраординарного) сейма 1613 г.

При этом, как нам удалось выяснить, рассматриваемые нами проблемные поля, вопреки встречаемым в литературе суждениям об их постоянном характере, имели определенную динамику и возникали в первую очередь, в случае нарушения воображаемых норм поведения. Их детальный анализ, в том числе количественные сведения, позволили в новом свете представить иерархию литовских постулатов. Некоторые из них оказались намного менее привлекающими внимание представителей Великого княжества, чем это было принято в научной литературе, ярчайшим примером чему служит постулат о проведении каждого третьего сейма в Литве.

Проведенный нами анализ показывает, что предпринимаемые в рамках парламентской системы действия представителей Великого княжества Литовского определялись разными факторами и далеко не всегда выстраивались в единую политическую линию. Несмотря на трудности в целостном изучении причин и контекста выдвигаемых литовской шляхтой постулатов, прежде всего – скудности источникового материала – нам все же удалось выявить ряд различных, иногда противоположных интересов, которыми руководствовались деятели политической сцены Великого княжества. Недооцениваемое литературой отсутствие единства отчетливо прослеживается при помощи детального рассмотрения даже тех вопросов, которые, казалось бы, являлись важнейшими проблемами в польско-литовских отношениях и в функционировании Литвы в рамках совместного государства. К тому же, как нам удалось увидеть, лозунги защиты прав и свобод могли иногда использоваться в сугубо личных целях либо являться удобным объяснением требований, действительные причины которых были иными.

Выдвигая тезис о постепенной интеграции Литвы в рамках Речи Посполитой и установлении консенсуса относительно ее места в

общегосударственной системе власти стоит оговориться, что самый конец правления Владислава IV, прежде всего 1645-46 гг., является периодом нарастания определенного напряжения в области отношения литовской шляхты как к Короне, так и к функционированию в рамках совместного государства. Как мы увидели, именно в это время и в области понятийной системы, и в выдвигаемых в парламентской деятельности постулатах наблюдается ряд обозначенных и рассмотренных нами проблемных точек. Показательно, что конфликтный характер подобного набора вопросов во втором десятилетии XVII в. был смягчен внешнеполитическим положением страны в лице войны со Швецией и Россией. В 40-ые гг. того же столетия подобный фактор уже отсутствовал.

Это еще раз подтверждает наше предположение о комплексном характере причин интеграции Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой. Показательно, на наш взгляд, что параллельное сопоставление с причинами самого заключения Люблинской унии указывает на схожую схему, сводившуюся к комплексу как внутри-, так и внешнеполитических причин.

Проведенное исследование позволяет обозначить перспективы дальнейшей разработки темы, которые состоят, в частности, в изучении особенностей функционирования Великого княжества Литовского в системе государственной власти Речи Посполитой во второй половине XVII – XVIII вв. Целесообразным является также исследование понятийного аппарата шляхты Польской Короны в XVI – XVII вв. и проведение его сравнительного анализа с изученным в диссертации понятийным аппаратом литовской шляхты, а также рассмотрение способа употребления политической терминологии в делопроизводстве королевской канцелярии. Особенно интересным направлением является также проведение компаративного анализа явления партикуляризма и особенностей способа организации системы органов государственной власти в разных европейских государствах в Раннее Новое время.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 12. Дела о Польше и Литве.

№ 27.

Ф. 79. Сношения России с Польшей.

Оп. 1.

№ 66, 67.

Оп. 2.

№ 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51,
52, 53, 54, 55, 56, 57.

Ф. 389. Литовская метрика.

№ 56, 60, 65, 108.

Ф. 1603. Комиссия Эдукационного фундуша.

Оп. 11.

№ 182.

Российская национальная библиотека (РНБ)

Ф. 971. Автографы Дубровского.

Оп. 2.

Авт. 124. № 40.

Авт. 126. № 1, 3.

Авт. 127. № 6, 44.

Авт. 130. № 6, 7, 130.

ABT. 132. № 1, 2, 4.

ABT. 133. № 26, 38, 41, 43, 50.

ABT. 150. № 6, 52.

ABT. 152. № 66, 67.

ABT. 321/2. № 222, 272.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD)

Archiwum Radziwiłłów.

Dział II.

196, 243, 245, 346, 352, 354, 368, 370, 371, 378, 380, 400, 401, 402, 545, 560, 561, 583, 584, 585, 588, 589, 619, 620, 621, 637, 646a, 670a, 691, 693, 699, 700, 701, 730, 766, 883, 935, 936, 937, 940, 943, 944, 963, 978, 979, 981, 990, 996, 1008, 1026, 1030, 1033, 1035, 1050, 1062, 1086, 1089, 1118, 1150, 1177, 1192, 1194, 1196, 1197, 1201, 1202, 1205, 1207.

Ks. 12.

Dział II. Supplement.

142, 270, 273, 306, 511.

Dział IV.

172, 182, 292, 314, 316, 319, 324, 508.

Dział V.

1584, 3213, 10263, 6569, 8080, 13855.

Biblioteka Narodowa w Warszawie (BN)

Rkps 12573 II.

Biblioteka Ordynacji Zamoyskiej.

Rkps 1809.

Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności – Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (BPAN Kraków)

Rkps 342, 344, 345, 353, 360, 363, 365.

Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (BCzart.)

Teki Naruszewicza.

99. Nr 69, 258.

103. Nr 28.

104. S. 636-638.

106. Nr 36.

110. Nr 197.

126. Nr 1, 2, 4, 5, 7.

140. Nr 55, 57, 58, 60, 61, 103, 111, 113.

143. Nr 162.

Rkps 375, 378, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248.

Muzeum Narodowe w Krakowie (MN Kraków)

Rkps 160.

Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk (BPAN Kórnik)

Rkps 11617.

Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (LMAB)

F. 198. Dokumentai iš Kauno miesto archyvo.

№ 2, 3, 4, 6, 7.

F. 256 Jablonskis Konstantinas.

№ 1187.

Опубликованные источники

1. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. В 39 т. Т. 8. Акты виленского гродского суда. — Вильно : Типография А.К. Киркора, 1875. — 761 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. В 5 т. Т. 3. 1544-1587. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1848. — 317 с.
3. Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. В 8 ч. Ч. 2, т. 1. Постановления дворянских провинциальных сеймов, в Юго-западной России. — Киев : Университетская типография, 1861. — 593 с.
4. Хроника Быховца / ред. Н. М. Тихомиров. — Москва : Наука, 1966. — 157 с.
5. Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. В 2 т. Т. 2. Приложения к историческому исследованию. Кн. 2 / Д. В. Цветаев — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1902. — CCCLXXXIX с.
6. Akta unji Polski z Litwą 1385-1791 / wyd. S. Kutrzeba ; W. Semkowicz. — Kraków : Polska Akademia Umiejętności-Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932. — 570 s.
7. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. W 2 t. / opr. H. Lulewicz. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton-Instytut Historii PAN, 2006–2009. — 2 t.
8. Archiwum domu Radziwiłłów / wyd. A. Sokołowski. — Kraków : nakł. Księcia Antoniego Radziwiłła, 1885. — 295 s. — (Scriptores Rerum Polonicarum ; t. 8).
9. Archiwum domu Sapiechów. T. 1 [jedyny]. Listy z lat 1575–1606 / oprac. A. Prochaska. — Lwów : nakładem rodziny, 1892. — 577 s.

10. Archiwum Komisji Prawniczej. W 11 t. T. 7. Statut Litewski Drugiej Redakcji (1566). – Kraków : Akademia Umiejętności, 1900. – 568 s.
11. Dowgird S. Genealogia albo Krótkie opisanie Wielkich Książat Litewskich i ich wielkich a mężnych spraw wojennych, uczynione niegdyś przez Matysa Strykowskiego, a teraz odnowione i znowu na świat wydane, przez Samuela Dowgirda z Pogowia / oprac. R. Witkowski ; Z. Wojtkowiak. – Poznań: Instytut Historii UAM, 2004. – 126 s.
12. Korrespondencye Jana Karola Chodkiewicza poprzedzone opisem rękopismów z archiwum Radziwiłłowskiego, znajdujących się w Bibliotece Ordynacji Krasieńskich połączonej z Muzeum Konstantego Świdzińskiego / wyd. W. Chomętowski. – Warszawa : nakładem Świdzińskich, 1875. – 193 s.
13. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.taiwandocuments.org/montevideo01.htm> (дата обращения: 15.08.2015).
14. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. W 13 t. T. 9. Ziemia ruska: Ukraina (Kijów-Braclaw) / wyd. A. Jabłonowski. – Warszawa : Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1894. – 274 s. – (Źródła Dziejowe ; t. 24).
15. Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, dyplomatycznym, geograficznym, statystycznym, obyczajowym, archeograficznym / wyd. T. Narbutt. – Wilno : Ruben Rafałowicz, 1846. – 90 s.
16. Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. W 3 t. / oprac. A. Przyboś ; R. Żelewski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – 3 t.
17. Radziwiłł A. S. Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego. W 2 t. / wyd. E. Raczyński. – Poznań: Bracia Scherkowie, 1839. – 2 t.
18. Radziwiłł A. S. Rys panowania Zygmunta III / przeł. E. Kotłubaj // Athenaeum. – 1848. – T. 3. – S. 5-43 ; T. 4. – S. 5-76 ; T. 5. – S. 5-34.

19. Radziwiłł A. S. Rys panowania Zygmunta III / wyd. J. Byliński ; W. Kaczorowski. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2011. – 167 s.
20. Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego, naprzód za Najjaśniejszego Hospodara Króla Jego Mości Zygmunta III w Krakowie w roku 1588... – Wilno : Drukarnia J. K. M. Akademicka Societatis Jesu, 1744. – 421 s.
21. Strykowski M. Która przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska Litewska, Żmodzka, y wszystkiey Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siwierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej, etc. Y rozmaite przypadki wojenne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich y innych Królestwu Polskiemu y Wielkiemu Księstwu Litewskiemu przyległy / M. Strykowski – Królewiec : Gerzy Osterberger, 1582. – 790 s.
22. Volumina legum. Prawa, konstytucye y przywileie Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od Seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone. W 10 t. – Petersburg : Jozafat Ohryzko ; Kraków : Akademia Umiejętności ; Poznań : Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1859-1952. – 10 t.
23. Wiiuk Kojalovicz A. Historiae Lituanæ Pars prior, De Rebus Lituanorum Ante susceptam Christianam Religionem, conjunctionemque Magni Lituaniæ Ducatus cum Regno Poloniae Libri Novem / A. Wiiuk Kojalovicz. – Dantisci : Svmptibvs Georgii Försteri, 1650. – 399 s.
24. Wiiuk Kojalovicz A. Historiae Lituanæ Pars Altera Seu De Rebus Lituanorum A coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Unionem eorum Dominiorum Libri Octo / A. Wiiuk Kojalovicz. – Antverpiæ : Jacobus Meursius, 1669. – 496 s.
25. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563 / wyd. A. T. Działyński. – Poznań : Drukarnia na Garbarach, 1841. – 542 s.

Литература

1. Абецедарский, Л. С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII вв. / Л. С. Абецедарский. — Минск : Вышэйшая школа, 1978. — 256 с.
2. Абэцэдарскі, Л. С. Барацьба ўкраінскага і беларускага народаў за ўз'яднанне з Расіяй у сярэдзіне XVII века. / Л. С. Абэцэдарскі. — Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1954. — 67 с.
3. Александров, Д. Н., Володихин, Д. М. «Русская хроника» Стрыйковского / Д. Н. Александров, Д. М. Володихин // Вестник Московского Университета. Сер. 8: История. — 1993. — Т. 2. — С. 70—74.
4. Амброзяк, Т. Внешняя угроза как катализатор интеграционных процессов: на примере отношений литовской шляхты к Польской Короне во время войны Речи Посполитой с Россией 1609–1618 гг. / Т. Амброзяк // Фундаментальные науки и пути становления и развития новой экономики России. Труды международной научно-практической конференции с элементами научных школ. В 2 ч. Ч. 1. / ред. В. М. Герасимов. — М. : ТПК РЕКОРД, 2013. — С. 6—9.
5. Амброзяк, Т. Отношение литовских сеймиков к передаче Трубчевска Московскому государству в 1645-46 гг. / Т. Амброзяк // Ваенныя трыумфы эпохі Вялікага княства Літоўскага: зборнік навуковых прац (в печати).
6. Амброзяк, Т. Отношение литовских сеймиков к Смуте и интервенции Речи Посполитой в Москве (1604–1618) / Т. Амброзяк // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции 22–23 апреля 2013 г. — М. : Прометей, 2013. — С. 179—185.
7. Амброзяк, Т. Проблемы изучения многокультурного наследия в историографии на примере Великого княжества Литовского / Т. Амброзяк //

- Образование, наука, культура в современном мире. Education, science, and culture in the contemporary world: материалы Международной научной веб-конференции «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке» (Москва, март 2013 г.). — М. : Пашков дом, 2014. — С. 260—268.
8. Амброзьяк, Т. Значение Биржанской крепости в политической деятельности Криштофа Радзивилла и его соперничестве с Львом Сапегой в 1625-1629 гг. / Т. Амброзьяк // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV-XVIII стст.): зборнік навуковых прац / пад рэд. А. М. Янушкевіча. — Мінск : Медысонг, 2014. — С. 326—342.
 9. Бантыш-Каменский, Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам Управлявшим Московским архивом коллегии иностранных дел. В 3 ч. Ч. 3. 1613-1645 / Н. Н. Бантыш-Каменский. — М. : Университетская типография, 1862. — 144 с.
 10. Бестужев-Рюмин, К. Н. Русская история : в 2 т. / К. Н. Бестужев-Рюмин. — СПб. : Изд. Д.Е. Кожанчикова ; Тип. А. Траншеля, 1872—1885. — 2 т.
 11. Бидная, А. А. Два бытописца Великого княжества Литовского - Матей Стрыйковский и Альберт Виюк-Коялович в историографической традиции XIX - начала XX века / А. А. Бидная // Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур: зб. навуковых артыкулаў / рэд. Д. У. Караў. — Гродна : ЮрсаПрынт, 2013. — С. 52—61.
 12. Брянцев, П. Д. История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Брянцев. — Вильно : Типография А.Г. Сыркина, 1889. — 659 с.
 13. Булгакаў, В. Расстраляная гістарыяграфія / В. Булгакаў // Arche. — 2009. — № 7. — С. 5—6.
 14. Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси пострадавшие в период сталинских репрессий / ред. А. С. Махнач. — Минск : Навука і тэхніка, 1992. — 120 с.
 15. Галубовіч, В. Дзве інструкцыі паслам на сойм ад шляхты Рэчыцкага павета з часоў панавання Жыгімонта Вазы / В. Галубовіч // Чацвёртыя

- Міжнародныя Доўнараўскія чытанні (г. Рэчыца, 18-19 верасня 2003 г.). У 2 ч. Ч. 2.: Рэчыца ў часе і прасторы: 790 год заснавання горада. — Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. — С. 40—45.
16. Галубовіч, В. Інструкцыя полацкай шляхты на элекцыйны сойм 1632 г. / В. Галубовіч // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). — Полацк : НПГКМЗ, 2009. — С. 59—64.
17. Галубовіч, В. Інструкцыя рэчыцкай шляхты на сойм 1607 г. / В. Галубовіч // Пятая Міжнародныя Доўнараўскія чытанні (г. Рэчыца, 22-23 верасня 2005 г.) / рэд. В. М. Лебедзева. — Гомель : Гомельск. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 2005. — С. 189—195.
18. Галубовіч, В. Канфесійная праблематыка на соймах полацкага ваяводства ў канцы XVI - сярэдзіне XVII ст. // Хрысціянства у гістарычным лёсе беларускага народа. У 2 ч. Ч. 1. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.] — Гродна : Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы, 2009. — С. 179—185.
19. Глінскі, Я. С. Канструяванне вобразу мінулага ў творах Мацея Стрыйкоўскага / Я. С. Глінскі // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы: Научный сборник. Вып. 2.* — Мінск : РИВШ, 2009. — С. 244—251.
20. Горизонтов, Л. Е. Западнорусизм в мире идентичностей межславянского пограничья. Историографические наблюдения / Л. Е. Горизонтов // *Славянский мир: в поисках идентичности. Кн. 8.* — М. : Институт славяноведения РАН, 2011. — С. 930—939.
21. Греков, И., Королук, В., Миллер, И. Воссоединение Украины с Россией в 1654 / И. Греков, В. Королук, И. Миллер. — М. : Госполитиздат, 1954. — 112 с.
22. Грушевский, М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия / М. С. Грушевский. — Киев : Тип. Императорского Университета Св. Владимира В.И. Завадского, 1891. — 538 с.

23. Дворниченко, А. Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского / А. Ю. Дворниченко // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. — 2013. — № 12. — С. 97—120.
24. Довнар-Запольский, М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягелонах / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : Типография Императорского Университета Св. Владимира В.И. Завадского, 1901. — 927 с.
25. Довнар-Запольский, М. В. Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: Исторический очерк / М. В. Довнар-Запольский. — М. : Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. — 28 с.
26. Довнар-Запольский, М. В. Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма / М. В. Довнар-Запольский // Журнал министерства народного просвещения. — 1901. — № 10. — С. 454—498.
27. Еллинек, Г. Право современного государства. Т. 1 [единственный]. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. — СПб. : Товарищество «Общественная Польза», 1903. — 532 с.
28. Заблоцкая, М. В. Идеи «западноруссизма» в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX — начале XX века / М. В. Заблоцкая // Русский сборник. Исследования по истории России. — 2012. — № 12. — С. 157—177.
29. Заборовский, Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в / Л. В. Заборовский. — М. : Наука, 1981. — 178 с.
30. Игнатенко, А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией: (вторая половина XVII-XVIII в.) / А. П. Игнатенко. — Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1974. — 192 с.
31. Ионинас, И. Историография Литвы // Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. Т. 1. / под ред. М. Н. Тихомирова (гл. ред.), М. А. Алпатова, А. Л. Сидорова. — М. : Издательство АН СССР, 1955. — С. 122—127.

32. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. — СПб. : Тип. Н. Греча, 1818—1829. — 12 т.
33. Кеневич, С. Лелевель / С. Кеневич. — М. : Молодая гвардия, 1970. — 192 с.
34. Короткий, В. Русь, Литва, Москва между Рюриковичами и Палемоновичами в Литовской истории Альберта Виюка-Кояловича / В. Короткий // *Senoji Lietuvos Literatura*. — 2009. — Кн. 27. — Р. 273—288.
35. Коялович, М. О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю западнорусского края и его отношения к России и к Польше / М. О. Коялович. — СПб. : Тип. Праца, 1865. — ССШ с.
36. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 393 с.
37. Коялович, М. О. Люблинская уния, или последнее соединение литовского княжества с польским / М. О. Коялович. — СПб. : Издание редакции газеты «Русский инвалид», 1863. — 87 с.
38. Крикун, М. Адміністративно-територіальний устрій правобережної України в XV–XVIII ст. Кордони возводств у світлі джерел / М. Крикун. — Київ : АН України, Ін-т укр. археографії, 1993. — 185 с.
39. Кулаковський, П. Представництво Волинського воєводства на сеймах Речі Посполитої 1632–1647 рр. / П. Кулаковський // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: Матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). — Мінск : Медысонт, 2008. — С. 246—259.
40. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик / И. И. Лаппо. — Юрьев : Типография К. Матисена, 1911. — 815 с.
41. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория / И. И. Лаппо. — СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1901. — 780 с.

42. Лаппо, И. И. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии / И. И. Лаппо // Журнал министерства народного просвещения. — 1908. — № 1. — С. 51—113.
43. Лаппо, И. И. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века / И. И. Лаппо // Журнал министерства народного просвещения. — 1897. — № 6. — С. 263—301.
44. Лаппо, И. И. Литовский статут 1588 : в 2 т. / И. И. Лаппо. — Каунас : SPIDULIO, 1934-1938. — 2 т.
45. Лаппо, И. И. Подкоморский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI и начале XVII века / И. И. Лаппо // Журнал министерства народного просвещения. — 1899. — № 8. — С. 341—403.
46. Лебедзева, В. Пра некаторыя аспекты гістарыяграфічнага даследавання “Гісторыі Беларусі” М.В. Доўнар-Запольскага / В. Лебедзева // Гістарычны Альманах. — 2001. — № 4. — С. 34—40.
47. Леонтович, Ф. И. Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском / Ф. Л. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1910. — № 2. — С. 233—274 ; № 3. — С. 38—61.
48. Леонтович, Ф. И. Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литовского государства / Ф. Л. Леонтович. — СПб. : Типография В.С. Балашева и Ко, 1894. — 399 с.
49. Леонтович, Ф. И. Рада великих князей литовских / Ф. Л. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1907. — № 9. — С. 122—178 ; № 10. — С. 273—331.
50. Леонтович, Ф. И. Сословный тип территориально-административного состава литовского государства и его причины / Ф. Л. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1895. — № 6. — С. 366—403 ; № 7. — С. 1—20.
51. Леонтович, Ф. И. Русская Правда и Литовский Статут / Ф. Л. Леонтович // Университетские известия. — 1865. — № 2. — С. 1—25 ; № 3. — С. 1—31 ; № 4. — С. 1—38.

52. Любавский, М. К. Литовско-русский Сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. К. Любавский. — М. : Университетская типография, 1909. — 1160 с.
53. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого Литовского статута / М. К. Любавский. — М. : Университетская типография, 1892. — 884 с.
54. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. — М. : Московская художественная печатня, 1915. — 402 с.
55. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. — Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1902. — 164 с.
56. Мальцев, А. Н. Наказы белорусских и литовских шляхетских сеймиков 1657 г. / А. Н. Мальцев // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран : сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. — М. : Изд-во восточной литературы, 1963. — С. 260—269.
57. Мальцев, А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века / А. Н. Мальцев. — М. : Изд-во Московского университета, 1974. — 253 с.
58. Мараш, Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795) / Я. Н. Мараш. — Минск : Вышэйшая школа, 1971. — 272 с.
59. Мараш, Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я. Н. Мараш. — Минск : Вышэйшая школа, 1974. — 288 с.
60. Мараш, Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви / Я. Н. Мараш. — Минск : Вышэйшая школа, 1969. — 220 с.
61. Мацук, А. Барацьба магнацкіх групавак у ВКЛ (1717-1763 гг.) / А. Мацук. — Мінск : Медысонт, 2010. — 640 с.
62. Мацук, А. Пінскі соймак у трыбунальскай кампаніі 1750 г. / А. Мацук // Гісторыя і сучаснасць Пінска (да 910-годдзя першай летапіснай узгадкі горада): матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі / рэд.

- А. А. Каваленя, В. В. Даніловіч. — Пінск : Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2007. — С. 77—93.
63. Миллюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Миллюков. — СПб. : Изд-во М.В. Аверьянова, 1913. — 344 с.
64. Міхалюк, Д. Памежныя спрэчкі паміж Каронай і Вялікім Княствам Літоўскім у 16-17 стст. на прыкладзе Мельніцкай і Берасцейскай земляў / Д. Міхалюк // Гістарычны Альманах. — 2001. — Т. 5. — С. 23—53.
65. Моисеева, Г. Н. М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин. (Записка «О повреждении нравов в России») / Г. Н. Моисеева // Русская литература XVIII - начала XIX века в общественно-культурном контексте / ред. А. М. Панченко. — Л. : Наука, 1983. — С. 80—92.
66. Насевіч, В. Мазырскі павет / В. Насевіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. Т. 2. Кадэцкі корпус—Яцкевіч / рэд. Г. П. Пашкоў і інш. — Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2005. — С. 261.
67. Падалінскі, У. Грамадская думка шляхты Вялікага Княства Літоўскага канца XVI ст. (на прыкладзе соймавай кампаніі Рэчы Паспалітай 1595 г.) / У. Падалінскі // Спадчына. — 2008. — № 1. — С. 12—24.
68. Падалінскі, У. Павятовая палітычная эліта ў святле дзейнасці гарадзенскага сойма ў другой палове XVI ст. / У. Падалінскі // Гарадзенскі палімпсест. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё. XV—XX ст. / рэд. А. Ф. Смаленчук, Н. У. Сліж. — Гародня, 2009. — С. 179—199.
69. Падалінскі, У. Стаўленне да вайны ў грамадскай думцы шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў 1570–1580-я гг. / У. Падалінскі // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. Вып. 1* / ред. А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко. — Минск : Издательский центр БГУ, 2008. — С. 84—98.
70. Падалінскі, У. Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да інстытута вальнага сойма ў канцы XVI ст. / У. Падалінскі // Беларускі Гістарычны Часопіс. — 2012. — № 8. — С. 15—24.

71. Падалінскі, У. Ухваленне падаткаў на вальных соймах Рэчы Паспалітай як фактар палітычнай барацьбы (1593–1598 гг.) / У. Падалінскі // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2009. — № 3. — С. 157—176.
72. Пичета, В. И. Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты / В. И. Пичета // Тот же. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). — М. : Издательство Академии наук СССР, 1961. — С. 525—550.
73. Подолинский, В. Великое Княжество Литовское в системе представительных органов власти Речи Посполитой: обособленные формы парламентской деятельности в последней трети XVI в. / В. Подолинский // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. статей / ред. В. А. Божанов. — Минск : Институт парламентаризма и предпринимательства, 2006. — С. 52—62.
74. Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории. В 2 т. Т. 2, вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство / А. Е. Пресняков. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. — 248 с.
75. Радаман, А. Галоўны з'езд Вялікага княства Літоўскага / А. Радаман // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. Т. 1. Абаленскі–Кадэнцыя. / рэд. Г. П. Пашкоў і інш. — Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2007. — С. 487—489.
76. Радаман, А. Вайсковыя шляхецкія з'езды (попісы і зборы паспалітага рушэння) Наваградскага павета ў другой палове XVI ст. / А. Радаман // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: Матэрыялы міжнар.наук. канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). — Мінск : БІП-С Плюс, 2008. — С. 220—231.
77. Радаман, А. Інструкцыя соймака Навагародскага павета паслам на элекцыйны сойм 1587 г. / А. Радаман // Беларускі гістарычны агляд. — 2003. — № 1-2 (18-19). — С. 163—174.

78. Радаман, А. Кіраванне соймакавамі пасяджэннямі ў Вялікім Княстве Літоўскім. Рускім і Жамойцкім у другой палове XVI – пачатку XVII ст. / А. Радаман // Весці Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. — 2002. — № 2 (32). — С. 120—132.
79. Радаман, А. Элекцыйныя соймакі Навагародскага павета ў другой палове XVI ст. / А. Радаман // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі 27 сакавіка 1999 года. У 2 ч. Ч. 2 / рэд. У. В. Тугай і інш. — Мінск : Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, 1999. — С. 109—115.
80. Рогов, А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника) / А. И. Рогов. — М. : Наука, 1966. — 310 с.
81. Рогов, А. И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. / А. И. Рогов // Источники и историография славянского средневековья: Сборник статей и материалов / ред. С. А. Никитин. — М. : Наука, 1967. — С. 145—157.
82. Семянчук, А. Мацей Стрыйкоўскі / А. Семянчук // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. Т. 2. Кадэцкі корпус–Яцкевіч / рэд. Г. П. Пашкоў і інш. — Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2005. — С. 638.
83. Смирнов, М. П. Спор между Литвой и Польшей о правах на Волынь и Подолию / М. П. Смирнов // Торжественный акт Ришельевского лицея по случаю окончания 1862—63 академического года. — Одесса : Типография Францова, 1863. — С. 5—71.
84. Смирнов, М. П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей / М. П. Смирнов // Записки Императорского Новороссийского университета. — 1868. — Т. 2. — С. 1—259.
85. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 6 кн. / С. М. Соловьев. — СПб. : Товарищество «Общественная польза», 1851—1879. — 6 кн.

- 86.Столяров, А. М. История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX-начала XX века : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.09 / Столяров Алексей Михайлович. — Казань, 2008. — 234 с.
- 87.Тихомиров, И. А. О составе западно-русских, так называемых литовских летописей / И. А. Тихомиров // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1901. — № 5. — С. 70—119.
- 88.Тиунелите, Я. Альберт Виюк Коялович – хронист XVII века / Я. Тиунелите // Acta Baltico-Slavica. — 1973. — Т. VIII. — S. 95—107.
- 89.Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. — М. : Наука, 1985. — 260 с.
- 90.Улащик, Н. Н. Предисловие / Н. Н. Улащик // Хроника Быховца / ред. М. Н. Тихомиров. — М. : Наука, 1966. — С. 5—30.
- 91.Устрялов, Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское / Н. Г. Устрялов. — СПб. : Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. — 42 с.
- 92.Устрялов, Н. Г. Русская история : в 5 ч. / Н. Г. Устрялов. — СПб. : Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1837–1841. — 5 ч.
- 93.Флоря, Б. Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления / Б. Н. Флоря. — М. : Индрик, 2013. — 448 с.
- 94.Флоря, Б. Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество / Б. Н. Флоря. — М. : Индрик, 2005. — 416 с.
- 95.Флоря, Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.) / Б. Н. Флоря. — М. : Индрик, 2010. — 656 с.
- 96.Флоря, Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в XVI — начале XVII в. / Б. Н. Флоря. — М. : Наука, 1973. — 224 с.
- 97.Флоря, Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. / Б. Н. Флоря. — М. : Наука, 1978. — 302 с.

98. Цьвікевіч, А. Западно-руссизм. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. — Минск : Навука і тэхніка, 1993. — 352 с.
99. Черепица, В. Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В. Н. Черепица. — Гродно : Гродненский государственный университет, 1998. — 238 с.
100. Чернобаев, А. А. Коялович Михаил Осипович / А. А. Чернобаев // Историки России. Биографии. — М. : РОССПЭН, 2001. — С. 223—228.
101. Щербатов, М. М. История российская от древнейших времен / М. М. Щербатов. — СПб. : Императорская Академия наук, 1770–1791. — 12 т.
102. Ючас, М. Литовская шляхта и царизм в XVIII в. (по материалам шляхетских сеймиков) / М. Ючас // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе : сборник статей, посвященный Л.В. Черепнину / ред. В. Т. Пашуто. — М. : Наука, 1972. — С. 407—414.
103. Achremczyk, S. Reprezentacja stanowa Prus Królewskich w latach 1696-1772. Skład społeczny i działalność / S. Achremczyk. — Olsztyn : Pojezierze, 1981. — 265 s.
104. Achremczyk, S. Życie sejmikowe Prus Królewskich w latach 1647-1772 / S. Achremczyk. — Olsztyn : Ośrodek Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego, 1999. — 222 s.
105. Aleksandrowicz, S. Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII w. / S. Aleksandrowicz // Acta Baltico-Slavica. — 1970. — T. VII. — S. 47—108.
106. Alexandrowicz, S. «Szkoła» Profesora Henryka Łowmiańskiego / S. Alexandrowicz // Profesor Henryk Łowmiański - życie i dzieło: materiały z sesji naukowej, poświęconej dziesiątej rocznicy śmierci Uczzonego (Poznań, 7-8 X 1994 r.) / red. A. Kijas, K. Pietkiewicz. — Poznań : Instytut Historii UAM, 1995. — S. 73—84.

107. Alexandrowicz, S. Kartografia Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku / S. Alexandrowicz. — Warszawa : Instytut Historii Nauki PAN, 2012. — 244 s.
108. Alexandrowicz, S. Studia z dziejów miasteczek Wielkiego Księstwa Litewskiego / S. Alexandrowicz. — Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. — 442 s.
109. Ambroziak, T. Rzeczpospolita w litewskich instrukcjach sejmikowych w latach 1587-1648. Próba analizy terminologicznej / T. Ambroziak // Czasopismo Prawno-Historyczne. — 2013. — T. LXV. Z. 2. — S. 191—214.
110. Ambroziak, T. The necessity to reexamine the question of Lithuanian particularism during the reign of Sigismund III and Władysław IV / T. Ambroziak // Zapiski Historyczne. — 2014. — T. LXXIX. Z. 4. — S. 89—109.
111. Augustyniak, U. Dwór i klientela Krzysztofa Radziwiłła (1585-1640). Mechanizmy patronatu / U. Augustyniak. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe "Semper", 2001. — 386 s.
112. Augustyniak, U. Historia Polski 1572–1795 / U. Augustyniak. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. — 1005 s.
113. Avižonis, K. Bajorai valstybiniam Lietuvos gyvenime Vazų laikais / K. Avižonis. — Roma : Lietuvių Katalikų Mokslo Akademija, 1975. — 614 s.
114. Baranowski, B., Herbst, S. Wielonarodowa Rzeczpospolita szlachecka / B. Baranowski, S. Herbst // Historia Polski. W 4 t. T. 1. Do roku 1764. Cz. 2. Od połowy XV w. / red. H. Łowmiański. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. — 995 s.
115. Bardach, J. Geneza romanizacji II Statutu litewskiego / J. Bardach // Dawne prawo i myśl prawnicza. Prace historyczno-prawne poświęcone pamięci Wojciecha Marii Bartla / red. J. Malec, W. Uruszczak. — Kraków : Uniwersytet Jagielloński, 1995. — S. 191—206.
116. Bardach, J. Konstytucja 3 maja a unia polsko – litewska / J. Bardach // Przegląd Historyczny. — 1991. — T. 82. Z. 3–4. — S. 383—410.

117. Bardach, J. Konstytucja 3 maja a Zaręczenie Wzajemne Obojga Narodów / J. Bardach // *Studia Iuridica*. — 1992. — T. 24. — S. 15—27.
118. Bardach, J. Krew i Lublin / J. Bardach // *Kwartalnik Historyczny*. — 1969. — Nr 76. Z. 3. — S. 583—619.
119. Bardach, J. Krew i Lublin. Z problemów unii polsko-litewskiej / J. Bardach // *Idem. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego: XIV-XVII w.* — Białystok ; Warszawa : Białostockie Towarzystwo Naukowe ; Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. — S. 11—67.
120. Bardach, J. Maciej Strykowski i jego twórczość w świetle najnowszych badań / J. Bardach // *idem. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego: XIV-XVII w.* — Białystok ; Warszawa : Białostockie Towarzystwo Naukowe ; Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. — S. 68—85.
121. Bardach, J. O dawnej i niedawnej Litwie / J. Bardach. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1988. — 442 s.
122. Bardach, J. O I Statucie litewskim / J. Bardach // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. — 1976. — T. 28. Z. 2. — S. 239—247.
123. Bardach, J. Od aktu w Krewie do Zaręczenia Wzajemnego Obojga Narodów (1385-1791) / J. Bardach // *Unia Lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo Wschodniej* / red. J. Kłoczowski, P. Kras, H. Łaszkiwicz. — Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1999. — S. 12—44.
124. Bardach, J. Od narodów politycznych do narodów etnicznych w Europie Środkowowschodniej / J. Bardach // *Mniejszości narodowe i religijne w Europie Środkowo-Wschodniej* / red. J. Kłoczowski, P. Kras. — Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. — S. 9—23.
125. Bardach, J. Początki sejmu / J. Bardach // *Historia sejmu polskiego. W 3 t. T. 1. Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej* / red. J. Michalski. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984, — S. 5—62.
126. Bardach, J. Problematyka III Statutu litewskiego w świetle bieżących badań / J. Bardach // *Litvano-Slavica Posnaniensia*. — 1992. — T. 5. — S. 286—290.

127. Bardach, J. Sejm dawnej Rzeczypospolitej / J. Bardach // Dzieje sejmu polskiego / red. J. Bardach. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1993. — S. 7—97.
128. Bardach, J. Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII-XX wieku / J. Bardach // Krajowość — tradycje zgody narodów w dobie nacjonalizmu. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej w Inst. Hist. UAM w Poznaniu (11–12 maja 1999) / red. J. Jurkiewicz. — Poznań : Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1999. — S. 11—34.
129. Bardach, J. Z najnowszych badań nad historią prawa litewskiego / J. Bardach // Czasopismo Prawno-Historyczne. — 1980. — T. 32. Z. 2. — S. 203—207.
130. Bardach, J. Zatwierdzenie III Statutu litewskiego przez Zygmunta III Wazę / J. Bardach // Czasopismo Prawno-Historyczne. — 1978. — T. 30. Z. 2. — S. 39—51.
131. Bardach, J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Historia państwa i prawa polskiego / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983. — 586 s.
132. Bem, E. Termin „ojczyzna” w literaturze XVI i XVII wieku. Refleksje o języku / E. Bem // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. — 1989. — T. XXXV. — S. 131—156.
133. Bem-Wiśniewska, E. Funkcjonowanie nazwy Polska w języku czasów nowożytnych / E. Bem-Wiśniewska. — Warszawa : DiG, 1998. — 242 s.
134. Błachowska, K. Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Błachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2009. — 410 s.
135. Błaszczyk, G. Diecezja żmudzka od XV do początku XVII w.: uposażenie / G. Błaszczyk. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1992. — 73 s.

136. Błaszczyk, G. Diecezja Żmudzka od XV do początku XVII wieku: ustrój / G. Błaszczyk. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1993. — 369 s.
137. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. W 2 t. T. 1. Trudne początki / G. Błaszczyk. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1998. — 303 s.
138. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. W 2 t. T. 2. Od Krewa do Lublina. Cz. 1 / G. Błaszczyk. — Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2007. — 935 s.
139. Błaszczyk, G. Geografia historyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego: stan i perspektywy badań / G. Błaszczyk. — Poznań : Instytut Historii UAM, 2007. — 180 s.
140. Błaszczyk, G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492-1569 / G. Błaszczyk. — Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2002. — 336 s.
141. Błaszczyk, G. Poznań as a Centre of Lithuanian Studies in the 19th and 20th Centuries / G. Błaszczyk // History, Culture and language of Lithuania: proceedings of the International Lithuanian Conference, Poznań 17-19 september 1998 / ed. G. Błaszczyk, M. Hasiuk. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2000. — P. 91—108.
142. Błaszczyk, G. Rzeczpospolita w latach 1569-1795. Węzłowe problemy stosunków polsko-litewskich / G. Błaszczyk // Zapiski Historyczne. — 1998. — T. LXIII. Z. 1. — S. 59—80.
143. Błaszczyk, G. Żmudź w XVII i XVIII wieku: zaludnienie i struktura społeczna / G. Błaszczyk. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1985. — 177 s.
144. Błaszczyk, G. Powiat rosieński w XVII-XVIII wieku. Ze studiów nad podziałami administracyjno-terytorialnymi Żmudzi / G. Błaszczyk // Zapiski Historyczne. — 1986. — T. LI. Z. 1. — S. 133—154.
145. Bobrzyński, M. Dzieje Polski w zarysie / M. Bobrzyński. — Warszawa : Gebethner i Wolff; Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1879. — 495 s.

146. Buchowski, K. Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku / K. Buchowski. — Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. — 468 s.
147. Buttler, D. Rozwój semantyczny wyrazów polskich / D. Buttler. — Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1978. — 275 s.
148. Byliński, J. Dwa sejmy z roku 1613 / J. Byliński. — Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984. — 278 s.
149. Byliński, J. Kaczorowski, W. Wstęp / J. Byliński, W. Kaczorowski // Radziwiłł, A. S. Rys panowania Zygmunta III / wyd. J. Byliński, W. Kaczorowski. — Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2011. — S. 7—21.
150. Byliński, J. Sejm z roku 1611 / J. Byliński. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. — 246 s.
151. Chmielowski, P. Tadeusz Czacki. Jego życie i działalność wychowawcza / P. Chmielowski. — Petersburg : Księgarnia Kazimierza Grendyszyńskiego, 1898. — 119 s.
152. Chodynicki, H. Sejmiki ziem ruskich w wieku XV / H. Chodynicki. — Lwów : Towarzystwo dla Popierania Nauki Polskiej, 1906. — 119 s.
153. Chodynicki, K. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim / K. Chodynicki // Ateneum Wileńskie. — 1926. — Z. 10–11. — S. 387—401.
154. Choińska-Mika, J. Sejmiki mazowieckie w dobie Wazów / J. Choińska-Mika. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1998. — 213 s.
155. Czacki, T. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 roku wydanym : w 2 t. / T. Czacki. — Warszawa : Drukarnia J. C. G. Ragoczego, 1800-1801. — 2 t.
156. Czapliński, W. Dwa sejmy w roku 1652. Studium z dziejów rozkładu Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII wieku / W. Czapliński. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1955. — 185 s.

157. Czapliński, W. Władysław IV i jego czasy / W. Czapliński. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1972. — 398 s.
158. Czwołek, A. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego w latach 1573-1633 : maszynopis rozprawy doktorskiej / Czwołek Arkadiusz. — Toruń, 2004. — 534 s.
159. Czwołek, A. Konflikt Lwa Sapiehy, wojewody wileńskiego i Krzysztofa Radziwiłła, hetmana polnego litewskiego na tle problemów militarnych i politycznych Rzeczypospolitej w latach 1625-1633 (cz. 1) / A. Czwołek // Czasy Nowożytne. — 2003. — T. 15. — S. 107—175.
160. Czwołek, A. Piórem i buławą: działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwołek. — Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. — 734 s.
161. Danowska, E. Tadeusz Czacki 1765-1813. Na pograniczu epok i ziem / E. Danowska. — Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 2006. — 379 s.
162. Daukantas, S. Lietuvos istorija nu seniausiu gadyniu iki Gediminui, D.L.K. : i 2 kn. / S. Daukantas. — Plymouth : Kasztu ir spaustuveje J. Paukszcio, 1893—1897. — 2 kn.
163. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582-1696): spis / red. A. Rachuba. — Warszawa : DiG, 2007. — 469 s.
164. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1697-1794): spis / red. A. Rachuba. — Warszawa : DiG, 2004. — 448 s.
165. Dorobisz, J. Sejm nadzwyczajny z 1624 r. / J. Dorobisz. — Opole : OTPN, 1994. — 110 s.
166. Dundulis, B. A historiographic survey of lithuanian-polish relations [Электронный ресурс] / B. Dundulis // Lithuanian Quarterly Journal Of Arts And Sciences. — 1971. — Vol. 17. № 4. — Режим доступа: http://www.lituanus.org/1971/71_4_01.htm#Ref (дата обращения: 24.11.2013).
167. Dundulis, B. Lietuvos kova dėl valstybinio savarankiškumo 15 amž / B. Dundulis. — Vilnius : Mintis, 1968. — 311 s.

168. Dworzaczek, W. Kojalowicz Wijuk Wojciech h. Kościeszka / W. Dworzaczek // Polski Słownik Biograficzny. W 51 t. T. 13. Klobassa Zręcki Stanisław–Kopernicki Franciszek. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. — S. 270—272.
169. Dybaś, B. Na obrzeżach Rzeczypospolitej: sejmik piltyński w latach 1617-1717 (z dziejów instytucji stanowej) / B. Dybaś. — Toruń : Wydawnictwo UMK, 2004. — 347 s.
170. Elton, G. R. The parliament of England 1559-1581 / G. R. Elton. — Cambridge : Cambridge University Press, 1986. — 399 p.
171. Filipczak-Kocur, A. Sejm zwyczajny z roku 1629 / A. Filipczak-Kocur. — Warszawa ; Wrocław : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. — 141 s.
172. Filipczak-Kocur, A. Sejmik sieradzki za Wazów (1587-1668) / A. Filipczak-Kocur. — Opole : OTPN, 1989. — 201 s.
173. Filipczak-Kocur, A. Skarb litewski za pierwszych dwu Wazów: 1587-1648 / A. Filipczak-Kocur. — Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. — 120 s.
174. Filipczak-Kocur, A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1578-1648: projekty, ustawy, realizacja / A. Filipczak-Kocur. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2006. — 437 s.
175. Filipczak-Kocur, A. Z dziejów skarbu Wielkiego Księstwa Litewskiego za pierwszych Wazów (1587-1648) wieku / A. Filipczak-Kocur // Wilno – Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur. Materiały I Międzynarodowej Konferencji Białystok 21-24 IX 1989. W 4 t. T. 2 / red. E. Felisiak. — Białystok : Towarzystwo Literackie im. Adama Mickiewicza. Oddział Białostocki, 1992. — S. 73–90.
176. Gierowski, J. Sejmik generalny Księstwa Mazowieckiego na tle ustroju sejmikowego Mazowsza / J. Gierowski. — Wrocław : Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1948. — 207 s.

177. Godziszewski, W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyczona w latach 1634-1648) / W Godziszewski // Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski. — 1935. — Z. 3. — S. 1—98.
178. Graves, M. A. R. The Parliaments of Early Modern Europe : 1400-1700 / M. A. R. Graves. — London : Routledge, Taylor and Francis, 2014. — 241 p.
179. Halecki, O. Dzieje unii Jagiellońskiej : w 2 t. / O. Halecki. — Kraków : Akademia Umiejętności, 1919-1920. — 2 t.
180. Halecki, O. Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe W. Ks. Litewskiego / O. Halecki // Rozprawy Wydziału Historyczno-Filozoficznego AU. — 1916. — T. 59. — S. 214—254.
181. Halecki, O. Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569 / O. Halecki. — Kraków : Akademia Umiejętności, 1915. — 245 s.
182. Halecki, O. Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego przez Polskę (1386-1401) / O. Halecki // Przegląd Historyczny. — 1917. — T. 21. — S. 1—77.
183. Halecki, O. Witold / O. Halecki // Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Warszawie. W 2 t. T. 1. — Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1930. — S. 153—168.
184. Ivinskis, Z. Jogaila valstybininkas ir žmogus / Z Ivinskis // Jogaila / red. A. Šapoka. — Kaunas : Švietimo Ministerijos Knygų Komisija, 1935. — P. 309—328.
185. Jablonskis, K. Žinutė apie Motiejų Stryikauską. / K. Jablonskis // Praeitis. — 1932. — T. II. — P. 412—436.
186. Janulaitis, A. Vyriausiasis Lietuvos Tribunolas XVI-XVIII amž. / A. Janulaitis. — Kaunas : Valstybės spaustuvė, 1927. — 171 p.
187. Jučas, M. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės parlamentarizmas / M. Jučas // Lietuvos Seimas. — Vilnius : Kultūra, 1996. — P. 79—112.
188. Jučas, M. Lietuvos ir Lenkijos unija (XIV a. vid. – XIX a. pr.) / M. Jučas. — Vilnius : Aidai, 2000. — 391 p.

189. Jučas, M. Lietuvos metrašciai / M. Jučas. — Vilnius : Vaga, 1968. — 188 p.
190. Jučas, M. Parlamentaryzm litewski w XVIII wieku / M. Jučas // Społeczeństwo obywatelskie i jego reprezentacja (1493-1993) / red. J. Bardach. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. — S. 115—124.
191. Jučas, M. XVIII a. socialinės ir politinės problemos Lietuvos pavietų seimeliuose / M. Jučas // Lietuvos istorijos metraštis. — 1973. — P. 21—37.
192. Jurgaitis, R. Vilniaus miesto problemos Vilniaus seimelyje XVIII a. / R. Jurgaitis // Lietuvos Aukštųjų Mokyklų Mokslo Darbai. Istorija. — 1998. — XXXVIII. — P. 26—33.
193. Jurginis, J. Pirmoji Lietuvos istorija / J. Jurginis // Idem. Istorija ir kultura. — Vilnius : Mintis, 1984. — P. 115—132.
194. Jurkiewicz, J. Polonizacja językowa szlachty w Wielkim Księstwie Litewskim u schyłku XVI wieku w świetle podpisów sędziów trybunalskich / J. Jurkiewicz // Eruditio et interpretatio: studia historyczne / red. Z. Chodyła. — Poznań : Instytut Historii UAM, 1997. — S. 215—228.
195. Kaczorowski, W. Sejmy konwokacyjny i elekcyjny w okresie bezkrólewia 1632 r. / W. Kaczorowski. — Opole : Instytut Śląski, 1986. — 397 s.
196. Kaczorowski, W. Senatorowie na sejmach z lat 1587/1588-1609 / W. Kaczorowski // Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Historia. — 1990. — XXVII. — S. 17—58.
197. Kalvinskas, R. Kauno pavieto seimelio veikla Šiaures karo metu / R. Kalvinskas // Musų praeitis. — 1997. — V. — P. 29—37.
198. Kempa, T. Konflikty w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku (do 1569 roku) a kwestia unii polsko-litewskiej / T. Kempa // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.) / рэд. С. Сокал, А. Янушкевіч. — Мінск : БІП-С Плюс, 2010. — С. 42—58.

199. Kempa, T. Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1526-1608): wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej / T. Kempa. — Toruń : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. — 288 s.
200. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł „Sierotka” (1549-1616) – wojewoda wileński / T. Kempa. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe "Semper", 2000. — 381 s.
201. Kempa, T. Moźnowładztwo i szlachta z Wołynia wobec unii lubelskiej (1569) / T. Kempa // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej / red. L. Glemža, R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius : Nacionalinis muziejus Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. — P. 172—187.
202. Kempa, T. Trybunał litewski w obronie wolności wyznaniowej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa // Zapiski Historyczne. — 2011. — T. LXXVI. Z. 2. — S. 29—50.
203. Kempa, T. Urzędnicy i klienci Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła „Sierotki” / T. Kempa // Litvano-Slavica Posnaniensia. — 2003. — T. IX. — S. 193—221.
204. Kempa, T. Wobec kontrreformacji: protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. — Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. — 624 s.
205. Kempa, T. Ziemie ruskie inkorporowane do Korony w 1569 roku – odrębności prawnoustrojowe i postawy szlachty ukraińskiej (ruskiej) do połowy XVII wieku / T. Kempa // Rzeczpospolita w XVI-XVIII wieku: państwo czy wspólnota? Zbiór studiów / red. B. Dybaś, P. Hanczewski, T. Kempa. — Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007. — S. 129—148.
206. Kiaupa, Z. Lietuvos Metrika - Lietuvos bajorų rūpestis XVIII a. pabaigoje / Z. Kiaupa // Lietuvos Metrika. 1991-1996 metų tyrinėjimai / red. Z. Kiaupa, A. Urbanavičius. — Vilnius : Leidykla, 1998. — P. 193—202.

207. Kiaupa, Z., Kiaupienė, J., Kuncevičius, A. Historia Litwy od czasów najdawniejszych do 1795 roku / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kuncevičius. — Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. — 386 s.
208. Kiaupienė, J. Problem rozbicia jedności terytorialnej Wielkiego Księstwa Litewskiego w 1569 roku w kontekście historiografii poświęconej Unii Lubelskiej: tradycje i nowe interpretacje / J. Kiaupienė // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej / red. L. Glemža, R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius : Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. — P. 114—125.
209. Kodrębski, J. Prawo rzymskie w Polsce XIX wieku / J. Kodrębski. — Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1990. — 273 s.
210. Konieczna, D. Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzeskolitewskiego w latach 1565-1763 / D. Konieczna. — Warszawa : DiG, 2013. — 197 s.
211. Konopczyński, W. Chronologia sejmów polskich 1493-1793 / W. Konopczyński. — Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1948. — 43 s.
212. Kosman, M. Orzeł i Pogoń: z dziejów polsko-litewskich XIV-XX w. / M. Kosman. — Warszawa : Książka i Wiedza, 1992. — 379 s.
213. Kosman, M. Parlamentaryzm Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle najnowszych badań / M. Kosman // Zapiski Historyczne. — 2005. — T. 70. Z. 4. — S. 91—108.
214. Kosman, M. Political Culture in Lithuania in the 16th and Early 17th Century / M. Kosman // Political Culture in Central Europe (10th – 20th Century). In 2 p. Part 1. Middle Ages and Early Modern Era / ed. H. Manikowska, J. Panek. — Prague : Historický ústav Akademie věd, 2005. — P. 249—265.
215. Kosman, M. Reformacja i kontrreformacja w Wielkim Księstwie Litewskim w świetle propagandy wyznaniowej / M. Kosman. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. — 273 s.

216. Kraszewski, J. I. O Strykowskiem i jego Kronice / J. I. Kraszewski // Idem. Wilno od początków jego do 1750. W 4 t. T. 1. — Wilno : Józef Zawadzki, 1840. — S. 417-477.
217. Kriegseisen, W. Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku / W. Kriegseisen. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1991. — 294 s.
218. Kutrzeba, S. Historia ustroju Polski w zarysie. W 4 t. T. 2. Litwa / S. Kutrzeba. — Lwów ; Warszawa : Księgarnia Polska Bernarda Połonieckiego, 1921. — 170 s.
219. Kwak, J. Sejm warszawski 1626 roku / J. Kwak. — Opole : WSP, 1986. — 139 s.
220. Legomska, J. Państwo, naród, ojczyzna w dawnej polszczyźnie: leksykalno-semantyczny opis pojęć / J. Legomska. — Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. — 179 s.
221. Lelewel, J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 r. zawartej / J. Lelewel. — Poznań : W. Stefański, 1844. — 202 s.
222. Lepszy, K. Rzeczpospolita w dobie sejmku inkwizycyjnego (1589-1592) / K. Lepszy. — Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1939. — 428 s.
223. Lewandowska-Malec, I. Sejm walny koronny Rzeczypospolitej Obojga Narodów i jego dorobek ustawodawczy (1587-1632) / I. Lewandowska-Malec. — Kraków : Księgarnia Akademicka, 2009. — 640 s.
224. Lewandowska-Malec, I. Sejmy nadzwyczajne w dziejach polskiego parlamentaryzmu / I. Lewandowska-Malec // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego. — 2007. — T. 10. — S. 51—62.
225. Lewicki, A. Nieco o Unii Litwy z Koroną / A. Lewicki. — Kraków : Księgarnia Spółki Wydawniczej Polskiej, 1893. — 48 s.
226. Lewicki, A. Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną / A. Lewicki. — Kraków : Akademia Umiejętności, 1892. — 389 s.
227. Lewicki, K. Walka o biskupstwo wileńskie z końcem XVI w. Echa separatyzmu litewskiego / A. Lewicki // Prace historyczne w 30-lecie działalności

- profesorskiej Stanisława Zakrzewskiego. — Lwów : Komitet Byłych Uczni, 1934. — S. 295—311.
228. Linde, S. B. Słownik języka polskiego. W 6 t. T. 3 / S. B. Linde. — Warszawa : Drukarnia XX. Pijarów, 1812. — 704 s.
229. Linde, S. B. O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość / S. B. Linde. — Warszawa : Zawadzki i Węcki, 1816. — 218 s.
230. Litwin, H. Równi do równych. Kijowska reprezentacja sejmowa 1569-1648 / H. Litwin. — Warszawa : DiG, 2009. — 193 s.
231. Lityński, A. O modelu monografii sejmiku / A. Lityński // Czasopismo Prawno Historyczne. — 1985. — T. XXXVII. Z. 1. — S. 145—161.
232. Lityński, A. Sejmiki ziemskie 1764-1793. Dzieje reformy / A. Lityński. — Katowice : UŚ, 1988. — 202 s.
233. Lityński, A. Szlachecki samorząd gospodarczy w Małopolsce (1606-1717) / A. Lityński. — Katowice : Uniwersytet Śląski, 1974. — 132 s.
234. Lord R. H. The Parliaments of the Middle Ages and the Early Modern Period / R. H. Lord // The Catholic Historical Review. — 1930. — Vol. 16. No. 2. — p. 125-144.
235. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569-1588 / H. Lulewicz. — Warszawa : Neriton, 2002. — 457 s.
236. Lulewicz, H. Zjazd w Rudnikach we wrześniu 1572 roku / H. Lulewicz // Przegląd Historyczny. — 2000. — Z. 2. — S. 203—219.
237. Łabędź, P. Działalność wojskowa Krzysztofa Radziwiłła Pioruna w latach 1572-1579 / P. Łabędź // Zapiski Historyczne. — 2011. — T. LXXVI. Z. 1. — S. 23—40.
238. Łabędź, P. Konflikt Krzysztofa Radziwiłła „Pioruna” z Zygmuntem III Wazą a działania wojenne w Inflantach w latach 1600–1602 / P. Łabędź // Klio. — 2012. — T. 20 (1). — S. 111—140.
239. Łatyszonek, O. Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV-

- XVI w. / O. Łatyszonek // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — 2006. — Nr 25. — S. 5—44.
240. Łowmiański, H. Popisy wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. jako źródło do dziejów zaludnienia / H. Łowmiański // *Mediaevalia*. W 50. rocznicę pracy naukowej Jana Dąbrowskiego. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. — S. 425—435.
241. Łowmiański, H. Sfałszowany opis obwarowania m. Wilna / H. Łowmiański // *Ateneum Wileńskie*. — 1925. — Nr. 9. — S. 82—94.
242. Łowmiański, H. *Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego* / H. Łowmiański. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1983. — 579 s.
243. Łowmiański, H. *Zaludnienie państwa litewskiego w wieku XVI: zaludnienie w roku 1528* / H. Łowmiański. — Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 1998. — 225 s.
244. Łysiak, L. *O społecznym składzie sejmików ziemskich* / L. Łysiak // *Księga pamiątkowa ku czci Konstantego Grzybowskiego* / red. J. Lewandowska. — Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1971. — S. 107—122.
245. Malinowski, M. *Wiadomość o życiu i pismach Macieja Strykowskiego* / M. Malinowski // *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego*. W 2 t. T. 1. — Warszawa : Gustaw Leon Glüksberg, 1846. — S. 1—30.
246. Marongiu, A. *Medieval parliaments: a comparative study* / A. Marongiu. — London : Eyre & Spottiswoode, 1968. — 306 p.
247. Maternicki, J. *Stanisław Smolka – powrót historiografii polskiej do mitu jagiellońskiego* / J. Maternicki // *Przegląd Humanistyczny*. — 1989. — № 1. — S. 83—101.
248. Matusas, J. *Ar A. V. Kojelavičius buvo garsus Lietuvos istorikas* / J. Matusas // *Tiesos kelias*. — 1929. — № 4. — P. 252—255.
249. Mazur, K. *Nieznana petycja szlachty wołyńskiej do króla w dobie sejmu lubelskiego 1569 r.* / K. Mazur // *Соціум. Альманах соціальної історії*. — 2003. — Вип. 2. — С. 41—56.

250. Mazur, K. Szlachta wołyńska wobec unii jagiellońskiej w dobie sejmu lubelskiego 1569 r. / K. Mazur // *Przegląd Historyczny*. — 2004. — T. 95. Z. 1. — S. 37—52.
251. Mazur, K. W stronę integracji z Koroną: sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569-1648 / K. Mazur. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2006. — 465 s.
252. Merkys, V. Simonas Daukantas / V. Merkys. — Vilnius : Vaga, 1991. — 211 s.
253. Michaluk, D. Inkorporacja Podlasia do Korony Królestwa Polskiego w 1569 roku / D. Michaluk // *Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej* / red. L. Glemža, R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius : Nacionalinis muziejus Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. — P. 142—156.
254. Morzy, J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku / J. Morzy. — Poznań : Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1965. — 405 s.
255. Nagielski, M. Sokoliński (Drucki-Sokoliński) Jan / M. Nagielski // *Polski Słownik Biograficzny*. W 51 t. T. 40. Soczyński Karol—Sowiński Ignacy. — Warszawa ; Kraków : IH PAN, 2000-2001. — S. 37—38.
256. Narbutas, S. History of the Grand Duchy of Lithuania in the works of Motiejus Strijkovskis / S. Narbutas // *Martynas Mažvydas and Old Lithuania: Collection of Papers*. — Vilnius : Pradai, 1998. — P. 287—309.
257. Narbutt, T. Dzieje narodu litewskiego w krótkości zebrane / T. Narbutt. — Wilno : Ruben Rafałowicz, 1847. — 244 s.
258. Narbutt, T. Dzieje starożytne narodu litewskiego : w 9 t. / T. Narbutt. — Wilno : Antoni Marcinowski, 1835-1841. — 9 t.
259. Naworski, Z. Indygenat w Prusach Królewskich (1454-1772) / Z. Naworski // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. — 1983. — T. XXXV. — S. 31—58.

260. Ochmann, S. Sejmy z lat 1615-1616 / S. Ochmann. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. — 235 s.
261. Ochmański, J. Historia Litwy / J. Ochmański. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. — 346 s.
262. Olszewski, H. Rzeczpospolita. Przyczynek do dziejów ideologii polityczno-prawnej w dawnej Polsce / H. Olszewski // Idem. Sejm w dawnej Rzeczypospolitej: ustrój i idee. W 2 t. T. 2. Studia i rozprawy / H. Olszewski. — Poznań : Printer, 2002. — S. 7—16.
263. Olszewski, H. Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii 1652-1763: prawo, praktyka, teoria, programy / H. Olszewski. — Poznań : UAM, 1966. — 460 s.
264. Olszewski, H. The power and the downfall of the Polish Parliament / H. Olszewski // Idem. Sejm w dawnej Rzeczypospolitej: ustrój i idee. W 2 t. T. 2. Studia i rozprawy / H. Olszewski. — Poznań : Printer, 2002. — S. 145—161.
265. Opaliński, E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587-1652: system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie / E. Opaliński. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. — 344 s.
266. Opaliński, E. Sejm srebrnego wieku 1587-1652: między głosowaniem większościowym a liberum veto / E. Opaliński. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2001. — 268 s.
267. Orzechowski, K. Szkice do portretu uczonego. O Juliuszu Bardachu w pięćdziesięciolecie twórczości / K. Orzechowski // Czasopismo Prawno-Historyczne. — 1985. — T. 37. Z. 2. — S. 1—41.
268. Otwinowska, B. Wyraz „ojczyzna” na przestrzeni życia i twórczości Jana Kochanowskiego / B. Otwinowska // Poezja. — 1980. — Nr 8-9. — S. 52—67.
269. Pawiński, A. Rządy sejmikowe w Polsce 1572-1795 na tle stosunków województw kujawskich / A. Pawiński. — Warszawa : Drukarnia Józefa Bergera, 1888. — 431 s.
270. Pelenski, J. Inkorporacja ukraińskich ziem dawnej Rusi do Korony w 1569 roku. Ideologia i korzyści – próba nowego spojrzenia / J. Pelenski // Przegląd Historyczny. — 1974. — T. 65. Z. 2. — S. 243—262.

271. Pietrzyk-Reeves, D. O pojęciu «Rzeczpospolita» («res publica») w polskiej myśli politycznej XVI wieku / D. Pietrzyk-Reeves // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. — 2010. — T. LXII. Z. 1. — S. 37—63.
272. Płaza, S. Sejmiki i zjazdy szlacheckie województw poznańskiego i kaliskiego: ustrój i funkcjonowanie (1572-1632) / S. Płaza. — Warszawa ; Kraków : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. — 162 s.
273. Płaza, S. Sejmiki i zjazdy szlacheckie województwa sieradzkiego: ustrój i funkcjonowanie (1572-1632). Cz. 1 / S. Płaza.— Warszawa ; Kraków : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. — 157 s.
274. Polak, W. O Kreml i Smoleńszczyznę: polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607-1612 / W. Polak. — Gdańsk : Wydawnictwo Finna, 2008. — 459 s.
275. Prochaska, A. Dzieje Witołda w. księcia Litwy / A. Prochaska. — Wilno : A. Rutkowski, 1914. — 420 s.
276. Prochaska, A. Król Władysław Jagiełło : w 2 t. / A. Prochaska. — Kraków : Akademia Umiejętności, 1908. — 2 t.
277. Prochaska, A. Ostatnie lata Witołda: studium z dziejów intrygi dyplomatycznej / A. Prochaska. — Warszawa : Gebethner i Wolff, 1882. — 346 s.
278. Przyboś, A. Radziwiłł Albrycht Stanisław h. Trąby / A. Przyboś // *Polski Słownik Biograficzny*. W 51 t. T. 30. Radwan—Reguła Tadeusz. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. — S. 143–148.
279. Przyboś, A., Żelewski, R. Wstęp / A. Przyboś, R. Żelewski // *Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce*. W 3 t. T. 1. 1632-1636 / opr. A. Przyboś, R. Żelewski. — Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. — S. 5—86.
280. Przyboś, K. Sejmik województwa krakowskiego w czasach saskich (1697-1763) / K. Przyboś. — Kraków : Uniwersytet Jagielloński, 1981. — 178 s.

281. Rachuba, A. Konfederacja Kmicicowska i Związek Braterski wojska litewskiego w latach 1660-1663 / A. Rachuba. — Warszawa : NDAP, 1989. — 542 s.
282. Rachuba, A. Diety poselskie w Wielkim Księstwie Litewskim XVI-XVII wieku na przykładzie sejmiku żmudzkiego / A. Rachuba // Z dziejów kultury prawnej: studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin / red. M. Wąsowicz. — Warszawa : Liber, 2004. — S. 599—606.
283. Rachuba, A. Miejsca obrad sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1569-1794 / A. Rachuba // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: Матэрыялы міжнар.навуц. канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). — Мінск : БІП-С Плюс, 2008. — С. 183—184.
284. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569-1763 / A. Rachuba. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2002. — 373 s.
285. Radaman, A. Samorząd sejmikowy w powiatach województwa nowogródzkiego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1565–1632 / A. Radaman // Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku: materiały XVIII konferencji Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych PAN w dniach 22-23 września 2009 roku / red. U. Augustyniak, A. B. Zakrzewski. — Warszawa : Instytut Historii PAN, 2010. — S. 55—103.
286. Radziszewska, J. Maciej Strykowski: historyk - poeta z epoki Odrodzenia / J. Radziszewska. — Katowice : UŚ, 1978. — 165 s.
287. Ragauskas, A. Ar istorikas Teodoras Narbutas (1784-1864) buvo istorijos šaltinių falsifikuotojas? / A. Ragauskas // Acta humanitarica universitetus Saulensis. — 2009. — T. 9. — S. 324—335.

288. Ragauskas, A. Vilniaus miestiečių valdančiojo elito dalyvavimas seimuose XVII a. antrojoje pusėje / A. Ragauskas // *Lituanistica*. — 1998. — Nr 4 (36). — P. 18—40.
289. Rogow, A. Maciej Strykowski i historiografia ukraińska XVII wieku / A. Rogow // *Slavia Orientalis*. — 1965. — T. 14. Nr 3. — S. 311—329.
290. Romaniuk, P. P. Pojęcie „Rzeczpospolita Litewska” w ruchu republikańskim na przełomie XVII i XVIII wieku / P. P. Romaniuk // *Barok*. — 2006. — Z. 1 (25). — S. 31—40.
291. Russocki, S. Początki Zgromadzeń Stanowych w Europie Środkowej // *Przegląd Historyczny*. — 1975. — T. LXVI. Z. 2. — S. 171—188.
292. Rymaszewski, Z. Sprawy gdańskie przed sądami zadwornymi oraz ingerencja królów w gdański wymiar sprawiedliwości: XVI – XVII w. / Z. Rymaszewski. — Wrocław ; Warszawa : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1985. — 188 s.
293. Rzońca, J. Ostatni sejm przed Cecorą (w 1619 r.) / J. Rzońca // *Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej*. — 1983. — Z. 20. — S. 5—79.
294. Rzońca, J. Sejmy z lat 1597 i 1598. W 2 cz. Cz. 1. Bezowocny sejm z 1597 roku / J. Rzońca. — Warszawa ; Wrocław : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. — 117 s.; Cz. 2. Ostatni sejm Rzeczypospolitej w XVI wieku / J. Rzońca. — Opole : Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1993. — 93 s.
295. Rzońca, J. Spór o biskupstwo wileńskie na sejmach schyłku XVI wieku / J. Rzońca // *Wilno – Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur. Materiały I Międzynarodowej Konferencji Białystok 21-24 IX 1989. W 4 t. T. 2 / red. E. Felisiak*. — Białystok : Towarzystwo Literackie im. Adama Mickiewicza. Oddział Białostocki, 1992. — S. 23–52.
296. Šabūnas, L. Didžiosios Lietuvos Kunigaikštystės Išdo tribunolas (1613-1764) / L. Šabūnas. — Kaunas : Vytauto Didžiojo universiteto Teisiu fakulteto leidinys, 1936. — 100 p.
297. Samsonowicz, H. Historia Polski do 1795 r. / H. Samsonowicz. — Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990. — 313 s.

298. Šapoka, A. Lietuva ir Lenkija po 1569 m. Liublino unijos: jų valstybinių santykių bruožai : disertacija Vytauto Dižiojo universiteto Humanitarinių mokslų fakulteto daktaro laipsniui įgyti / A. Šapoka. — Kaunas, 1938. — 394 p.
299. Šapoka, A. Valstybiniai Lietuvos Lenkijoje santykiai Jogailos laikais / A. Šapoka // Jogaila / red. A. Šapoka. — Kaunas : Švietimo Ministerijos Knygų Komisija, 1935. — P. 185—266.
300. Sawicki, M. Średnioszlachecka klientela Radziwiłłów nieświeskich w województwie mińskim w czasach saskich / M. Sawicki // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — 2007. — T. 27. — S. 31—44.
301. Seredyka, J. Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmy panowania Zygmunta III Wazy / J. Seredyka // Śląski Kwartalnik Historyczny „Sobótka”. — 1993. — T XLVIII. Z. 2-3. — S. 189—197.
302. Seredyka, J. Konflikt między Koroną a Litwą w 1627 roku / J. Seredyka // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Historia. — 1967. — T. VI. — S. 119—151.
303. Seredyka, J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od unii lubelskiej do połowy XVII wieku / J. Seredyka // Świat pogranicza / red. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński. — Warszawa : DiG, 2003. — S. 211—218.
304. Seredyka, J. Sejm w Toruniu z 1626 roku / J. Seredyka. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966. — 193 s.
305. Seredyka, J. Sejm z 1618 roku / J. Seredyka. — Opole : Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1988. — 231 s.
306. Seredyka, J. Sejm zawiedzionych nadziei (1627) / J. Seredyka. — Opole : Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich, 1981. — 124 s.
307. Seredyka, J. Senatorowie Rzeczypospolitej na sejmach Zygmunta III Wazy (1587-1632) / J. Seredyka // Idem. Rozprawy z dziejów XVI i XVII wieku. — Poznań : Wydawnictwo Forum Naukowe, 2003. — S. 155—237.

308. Siemianczuk, A. Maciej Strykowski i jego wpływy na historiografię Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku / A. Siemianczuk // *Senoji Lietuvos Literatūra*. — 2009. — Kn. 27. — P. 243—271.
309. Siemieński, J. Organizacja sejmiku ziemi dobrzyńskiej / J. Siemieński // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Hist.- Filolog. Ser. II*. — 1906. — T. XXIII. — S. 260—322.
310. Sliesoriunas, G. Iš Žemaitijos seimeliu istorijos: 1693 m. lapkričio 10 d. Žemaitijos seimelis / G. Sliesoriunas // *Žemaičiu praeitis*. — 1998. — T. VIII. — P. 29—45.
311. Słownik polszczyzny XVI wieku. W 36 t. T. 21. Ofarbować—Opoślad. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992. — 558 s.
312. Smolka, S. Kiejstut i Jagiełło / S. Smolka // *Pamiętnik Polskiej Akademii Umiejętności*. — 1889. — T. 7. — S. 79—155.
313. Smolka, S. Rok 1386: w pięciowiekową rocznicę / S. Smolka. — Kraków : Księgarnia J. K. Żupańskiego & K. J. Heumanna, 1886. — 144 s.
314. Soból, B. Sejm i sejmiki ziemskie na Mazowszu Książęcym / B. Soból. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. — 199 s.
315. Sochaniewicz, S. Z dziejów sejmiku wiszeńskiego (1673-1732) / S. Sochaniewicz // *Kwartalnik Historyczny*. — 1915. — R. XXIX. — S. 17—54.
316. Sójka-Zielińska, K. Juliusz Bardach – profesor Uniwersytetu Warszawskiego, historyk prawa (w pięćdziesięciolecie pracy naukowej) / K. Sójka-Zielińska // *Kronika Warszawa*. — 1986. — Nr 3-4. — S. 17—27.
317. Starczenko, N. Unia lubelska jako legitymacja regionalizmu wołyńskiego (na przykładzie praktyki sądowej pierwszych dziesięcioleci pounijnych) / N. Starczenko // *Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej* / red. L. Glemża, R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius : Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. — P. 201—212.

318. Suchedni-Grabowska, A. Kilka uwag o miejscu króla w sejmach „złotego wieku” / A. Suchedni-Grabowska // Studia z dziejów Rzeczypospolitej szlacheckiej / red. K. Matwijowski, Z. Wójcik. — Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1988. — S. 75—83.
319. Sysyn, F. Regionalism and Political Thought in Seventeenth-Century Ukraine: The Nobility's Grievance at the Diet of 1641 / F. Sysyn // Harvard Ukrainian Studies. — 1982. — Vol. VI. Nr 2. — P. 186—190.
320. Szajnocha, K. Dwa lata dziejów naszych. 1646. 1648. Opowiadanie i źródła. W 2 t. T. 1 / K. Szajnocha. — Lwów : nakł. autora, 1865. — 368 s.
321. Szajnocha, K. Jadwiga i Jagiełło 1374-1413: opowiadanie historyczne : w 3 t. / K. Szajnocha. — Lwów : Karol Wild, 1855-1856. — 3 t.
322. Średniowski, S. Organizacja sejmiku halickiego / S. Średniowski. — Lwów : Towarzystwo Naukowe, 1938. — 166 s.
323. Tarvel, E. Stosunek prawnopaństwowy Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustrój administracyjny w latach 1561-1621 / E. Tarvel // Zapiski Historyczne. — 1969. — T. XXXIV. Z. 1. — S. 49—77.
324. Ternes, J. Sejmik chełmski za Wazów (1587-1668) / J. Ternes. — Lublin : Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 2004. — 200 s.
325. Topolski, J. Polska w czasach nowożytnych: od środkowoeuropejskiej potęgi do utraty niepodległości (1501-1795) / J. Topolski. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1994. — 943 s.
326. Trawicka, Z. Sejmik województwa sandomierskiego w latach 1572-1696 / Z. Trawicka. — Kielce : Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1985. — 346 s.
327. Tygielski, W. Epistolografia staropolska jako źródło do badania mechanizmów politycznych / W. Tygielski // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. — 1988. — T. XXXIII. — S. 63—80.
328. Tyla, A. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės iždas per dvidešimtmetį karą (1648–1667) / A. Tyla. — Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras, 2010. — 400 p.

329. Tyla, A. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės iždas: XVI amžiaus antroji pusė – XVII amžiaus vidurys / A. Tyla. — Vilnius : Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2012. — 224 p.
330. Urwanowicz, J. Piaseczyński Aleksander / J. Urwanowicz // Polski Słownik Biograficzny. W 51 t. T. 25. Padło Jan–Piątkiewicz Aleksander. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980. — S. 800–803.
331. Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV-XVIII wieku. Spisy / oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. — Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. — 255 s.
332. Urzędnicy inflanccy XVI-XVIII wieku. Spisy / oprac. K. Mikulski, A. Rachuba. — Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. — 292 s.
333. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. W 4 t. T. 1. Województwo wileńskie. XIV-XVIII wiek / red. A. Rachuba. — Warszawa : DiG, 2004. — 764 s.; T. 2. Województwo trockie. XIV-XVIII wiek. / red. A. Rachuba. — Warszawa : DiG, 2009. — 687 s.; T. 4. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV-XVIII wiek. / red. A. Rachuba. — Warszawa : DiG, 2003. — 412 s.
334. Usačiovaitė, E. Motiejus Strijkovskis apie lietuvių pagonybę: aukojimas dievams / E. Usačiovaitė // Kultūrologija. — 2010. — T. 18. — P. 107–139.
335. Vasiliasukas, A. Local Politics and Clientage in the Grand Duchy of Lithuania 1587-1632 / A. Vasiliasukas. — London : University of London, 2001. — 584 p.
336. Wawrzyńczykowa, A. Rozwój wielkiej własności ziemskiej na Podlasiu w XV i XVI w. / A. Wawrzyńczykowa. — Wrocław : Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1951. — 358 s.
337. Wilkiewicz–Wawrzyńczykowa, A. Spory graniczne polsko-litewskie w XV-XVII w./ A. Wilkiewicz–Wawrzyńczykowa. — Wilno : Drukarnia Artystyczna „Grafika”, 1928. — 200 s.

338. Wisner, H. Janusz Radziwiłł 1612-1655, wojewoda wileński, hetman wielki litewski / H. Wisner. — Warszawa : Wydawnictwo Mada, 2000. — 269 s.
339. Wisner, H. Kilka uwag o stronnictwie wojewody wileńskiego Krzysztofa Radziwiłła (1585-1640) / H. Wisner // Zapiski Historyczne. — 1997. — T. 62. Z. 4. — S. 29—43.
340. Wisner, H. Król i książę. Konflikt między Zygmuntem III Wazą i Krzysztofem Radziwiłłem / H. Wisner // Rocznik Białostocki. — 1972. — T. 11. — S. 53—100.
341. Wisner, H. Litwa wobec rokoszu (1606-1607) / H. Wisner // Kwartalnik Historyczny. — 1972. — Z. 2. — S. 278—299.
342. Wisner, H. Naprawa państwa w uchwałach sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w pierwszej połowie XVII w. / H. Wisner // Studia polsko-litewsko-białoruskie / red. J. Tomaszewski, E. Smułkowa, H. Majecki. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. — S. 33—50.
343. Wisner, H. Przedsejmowy sejmik nowogródzki w latach 1607-1648 / H. Wisner // Przegląd Historyczny. — 1978. — LXIX. Z. 4. — S. 677—693.
344. Wisner, H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej (schyłek wieku XVI – pierwsza połowa XVII wieku) / H. Wisner // Barok. — 2006. — T. 13. Nr 1 (25). — S. 17—29.
345. Wisner, H. Sejmiki litewskie w czasach Zygmunta III i Władysława IV. Konwokacja wileńska oraz sejmiki przedsejmowe i relacyjne / H. Wisner // Miscellanea Historico-Archivistica. — 1989. — T. III. — S. 61—86.
346. Wisner, H. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec unii. Schyłek wieku XVI – lata dwudzieste XVII wieku / H. Wisner // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19-20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej / red. L. Glemža, R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius : Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2011. — P. 261—267.
347. Wisner, H. Unia lubelska i statut litewski z roku 1588 / H. Wisner // Zapiski Historyczne. — 1986. — T. LI. Z. 1. — S. 23—44.

348. Włodarczyk, J. Sejmiki łęczyckie / J. Włodarczyk. — Łódź : Uniwersytet Łódzki, 1973. — 336 s.
349. Wojtkowiak, Z. Maciej Strykowski — dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności / Z. Wojtkowiak. — Poznań : UAM, 1990. — 246 s.
350. Zakrzewski, A. B. Kierowanie obradami sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI-XVIII w.) / A. B. Zakrzewski // *Studia z dziejów państwa i prawa polskiego*. — 2000. — T. V. — S. 139—149.
351. Zakrzewski, A. B. Marszałek powiatowy Wielkiego Księstwa Litewskiego marszałkiem sejmikowym (XVI-XVIII w.) / A. B. Zakrzewski // *Parlament, prawo, ludzie: studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej* / red. K. Iwanicka, M. Skowronek, K. Stembrowicz. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1996. — S. 356—361.
352. Zakrzewski, A. B. Osiągnięcia i problemy badań nad parlamentaryzmem Wielkiego Księstwa Litewskiego / A. B. Zakrzewski // *Teki Sejmowe*. — 2010. — Nr 1. — S. 40—52.
353. Zakrzewski, A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego (połowa XVI – koniec XVIII w.) / A. B. Zakrzewski // *Parlamentaryzm w Polsce we współczesnej historiografii* / red. J. Bardach. — Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. — S. 100—106.
354. Zakrzewski, A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki / A. B. Zakrzewski. — Warszawa : Liber, 2000. — 257 s.
355. Zakrzewski, A. B. Szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec odrębności Litwy w ramach Rzeczypospolitej. W świetle instrukcji sejmikowych XVI-XVIII w. / A. B. Zakrzewski // *Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės partitis. „Senoji lietuvių literatūra”*. — 1998. — T. VI. — P. 261—278.

356. Zakrzewski, A. B. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI-XVIII w.): prawo – ustrój – społeczeństwo / A. B. Zakrzewski. — Warszawa : Wydawnictwo „Campidoglio”, 2013. — 323 s.
357. Zakrzewski, A. B. Między Unią Lubelską a Zareczaniem Wzajemnym Obojga Narodów – przemiany pozycji Wielkiego Księstwa Litewskiego w Rzeczypospolitej / A. B. Zakrzewski // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.) / рэд. С. Сокал, А. Янушкевіч. — Мінск : БІП-С Плюс, 2010. — С. 232—245.
358. Zanden, J. L. van, Buringh, E., Bosker, M. The Rise and Decline of European Parliaments, 1188-1789 / J. L. van Zanden, E. Buringh, M. Bosker // The Economic History Review. — 2012. — Vol. 65. Issue 3. — P. 835–861.
359. Zielecka, W. Prawosławni i unicy w Rzeczypospolitej XVI-XVIII wieku wobec życia i śmierci w świetle testamentów / W. Zielecka. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2012. — 361 s.
360. Zielińska, Z. Mechanizm sejmikowy i klientela Radziwiłłowska za Sasów / Z. Zielińska // Przegląd Historyczny. — 1971. — T. 62. Z. 3. — S. 397—419.
361. Zulys, V. A. Vijukas Kojalovičius ir jo „Liietuvos istorija” / V. A. Zulys // Pergale. — 1959. — № 11. — P. 149—162.